

ихъ достовѣрности и правдивости. Его первоначальныя университетскія впечатлѣнія успѣли къ этому времени улечься, но не забылись; наоборотъ, какъ это часто бываетъ съ такими людьми, наклонѣ дней своихъ Т. И. Селивановъ, успокоившись отъ впечатлѣвій и волненій настоящаго, *сталъ жить прошлымъ*; образы этого прошлаго какъ живые возставали въ его воображеніи; старческая память изощрилась особенно сильно по отношенію къ наиболѣе отдаленнымъ событіямъ, являлась потребность вспомнить старину и изложить ее хотя бы въ формѣ самаго простаго безпритязательнаго разсказа. Таково, по нашему мнѣнію, психологическое происхожденіе „Записки“ Т. И. Селиванова.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такихъ обстоятельныхъ данныхъ о личности другого разсказчика—Розальонъ-Сошальскаго. Знаемъ только то, что онъ говорить о себѣ самъ въ своихъ запискахъ. Отецъ его, дворянинъ Харьковской губерніи, не обладалъ большимъ образовательнымъ цевомъ и состояніемъ, но и самъ чрезвычайно сочувствовалъ университетскому образованію и постарался дать его своимъ тремъ сыновьямъ. Авторъ мемуаровъ въ 8-ми лѣтнемъ возрастѣ былъ привезенъ отцомъ его въ Харьковъ и оставался тамъ 11 лѣтъ, до окончанія университета, пройди предварительно приходское, уѣздное училище, 4 высшіе класса гимназіи и трехлѣтній университетскій курсъ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ возможность хорошо познакомиться съ тогдашней педагогической средой (въ томъ числѣ и университетской) тѣмъ болѣе, что первые два года жилъ на одной квартирѣ со своими братьями студентами. Нужно впрочемъ замѣтить, что Розальонъ-Сошальскій состоялъ слушателемъ университета въ 1814, 1815 и 1816 г., а между тѣмъ какъ сается въ своихъ воспоминаніяхъ и болѣе древняго времени. Дѣлаетъ же онъ это потому, что его записки были вызваны полемикой, возникшей между Д. П. Каченовскимъ и Н. А. Лавровскимъ по поводу мемуаровъ Роммеля, захватывающихъ время до 1814 года. Цѣль ихъ до нѣкоторой степени полемическая — авторъ желалъ внести свои поправки въ статью профессора Каченовскаго и дать, такъ сказать, комментарий и заключеніе о фактахъ, сообщаемыхъ Роммелемъ. Но будучи поставленъ въ необходимость говорить подъ часъ о времени и дѣятеляхъ, которыхъ онъ уже не засталъ, не обладая повидимому такою блестящею памятью, какъ Т. И. Селивановъ, Розальонъ-Сошальскій выражается часто неопредѣленно (употребляетъ постоянно такіа выраженія, какъ—кажется, и не помню, или, можетъ быть и т. п.) и допускаетъ одну серьезную ошибку—разсказываетъ, что онъ, будучи гимназистомъ (т. е. до 1814 г.), присутствовалъ на похоронахъ И. О. Тимковскаго, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній въ это время да еще и нѣсколько

десятковъ лѣтъ послѣ этого мирно проживалъ въ своей деревнѣ въ Черниговской губерніи. Вообще можно сказать, что замѣтки Розальонъ-Сошальскаго должны быть поставлены нѣсколько ниже записки Т. И. Селиванова, хотя и онѣ заслуживаютъ все таки нашего довѣрія, особенно въ той части своей, которая основана на личныхъ свѣдѣніяхъ автора.

Обратимся прежде всего къ профессорамъ русскаго происхожденія, такъ какъ о нихъ сохранились болѣе обстоятельныя данныя. На словесномъ отдѣленіи репутаціей превосходнаго преподавателя пользовался И. С. Рижскій. Роммель называетъ его человѣкомъ замѣчательнаго дарованія, извѣстнымъ авторомъ курса риторики. Т. И. Селивановъ говоритъ о немъ: „И. С. Рижскій принадлежалъ къ славянофиламъ (т. е. любителямъ славянскаго слова), не любилъ когда употреблено было иностранное слово тамъ, гдѣ ту же самую мысль можно было выразить словами русскими, и часто на лекціи говорилъ: „можно ли то выразить на французскомъ щебетникѣ, что выражается сильнымъ точнымъ, мѣткимъ, благозвучнымъ славянскимъ изыкомъ?“ Онъ превосходно дѣлалъ разборы нѣкоторыхъ псалмовъ, напримѣръ, 17-го „возлюблю тя, Господи, крѣпосте моя! Іова, особенно послѣднихъ главъ (38, 40 и 41), также нѣкоторыхъ ирмосовъ Іоанна Дамаскина“. Выслушивая сочиненія студентовъ, указывалъ на недостатки и ошибки и совѣтовалъ, чѣмъ замѣнить ихъ; но иногда отпускалъ и остроты. Студентъ П. любилъ писать стихи, не имѣя дара. Рижскій спросилъ его: „знаете ли вы поэзію?“ „Знаю“, отвѣчалъ П. „Но ова, ей Богу, не знаетъ вась“. Рижскій любилъ, чтобы студенты записывали на лекціи то, чего нѣтъ въ его руководствахъ риторики и поэзіи. По словамъ Розальонъ-Сошальскаго, Рижскій пользовался глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ профессоръ и человѣкъ; преподавалъ онъ превосходно. И всѣ эти отзывы подтверждаются, подкрѣпляются и вещественными, такъ сказать, доказательствами — его печатными университетскими курсами, которые признавались образцовыми и по которымъ велось преподаваніе этихъ предметовъ и много времени спустя послѣ смерти ихъ автора. На содержаніи этихъ печатныхъ трудовъ Рижскаго мы остановимся еще впоследствии. Теперь же замѣтимъ только, что огромное уваженіе къ Рижскому, какъ профессору, ректору и человѣку ярко выразилось на его погребеніи, въ рѣчахъ, на его свѣжей могилѣ. Другіе представители этой каѳедры — Срезневскій и Борзенко — не выдѣлялись изъ уровня посредственныхъ преподавателей. Розальонъ-Сошальскій говоритъ о нихъ: „преподаваніе Борзенкова не увлекало никого, равно какъ и преподаваніе прибывшаго тогда же профессора

Срезневскаго“. Другимъ выдающимся профессоромъ словеснаго отдѣленія былъ Г. П. Успенскій. Роммель ничего не говоритъ о его преподавательскихъ способностяхъ. У Розальонъ-Сошальскаго, не смотря на то, что онъ къ нему не благоволилъ (въ чемъ и самъ сознается), мы находимъ тѣмъ не менѣе благоприятный отзывъ о его познаніяхъ въ тѣхъ двухъ предметахъ, которые онъ излагалъ филологамъ и юристамъ: „онъ былъ очень свѣдущъ въ русскомъ законовѣдѣніи, до изданія свода законовъ представлявшемъ истинный лабиринтъ, и въ русской исторіи“.

Настоящею гордостью и украшеніемъ физико-математическаго факультета былъ Осиповскій. Роммель называетъ Осиповскаго хорошимъ математикомъ. По словамъ Т. И. Селиванова, „Осиповскій извѣстный въ свое время математикъ, кромѣ математики и физики обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ..., имѣлъ обширную и твердую память, любилъ говорить положительно, выражаться точно, для чего иногда говори останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу; рѣдко говорилъ или защищалъ что нибудь съ жаромъ, энергически, но просто, равнодушно (?) и настойчиво“. Это былъ, какъ мы видимъ, настоящий представитель точнаго математическаго знанія, не любившій туманной философіи и въ особенности мистицизма. О популярности его, какъ математика, свидѣтельствуетъ слѣдующій рассказъ Т. И. Селиванова. „Разсказываютъ про Осиповскаго, что онъ, проѣзжая черезъ Москву, зашелъ инкогнито въ университетъ на лекцію профессора математики, сѣлъ на скамью и слушалъ лекцію. Между прочимъ профессоръ, объясняя какую-то статью, сказалъ: „вотъ формула г. Осиповскаго, но она не полна и темна, а вотъ такого то автора удовлетворительна“. По окончаніи лекціи, Осиповскій подошелъ къ кафедрѣ и сказалъ профессору: „позвольте мнѣ нѣсколько словъ сказать; вотъ вы взяли формулу г. Осиповскаго и сказали, что она неполна и неудовлетворительна“. Потомъ взявши мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, написалъ ту формулу и говоритъ: „Осиповскій разумѣетъ вотъ что“ и, изложивши съ подробностію ту формулу, сказалъ: „вотъ видите, что она и полна и ясна, а формула автора, на котораго вы ссылаетесь, менѣе удовлетворительна“. Тогда профессоръ, обращаясь къ Осиповскому, сказалъ: „съ кѣмъ я имѣю честь говорить?“ „Съ Осиповскимъ“. Этотъ рассказъ, прибавляетъ Т. И., я слышалъ отъ Новочеркасскаго архіепископа Аѳанасія, который долго былъ въ Москвѣ викаріемъ. Если это и анекдотъ, то онъ во всякомъ случаѣ очень характеренъ, ибо рисуетъ намъ взглядъ современниковъ на Осиповскаго, какъ на выдающагося математика. Розальонъ-Сошальскій заявляетъ, что Осиповскій, „весь проникнутый любовью къ своему предмету и къ своей обязанности, умѣлъ для

слушателей своихъ, въ томъ числѣ и меня, поэтизировать даже дифференціальныя и интегральныя исчисленія“.

Объ адъюнктѣ Васильевѣ Т. И. Селивановѣ даетъ такой отзывъ: „имѣлъ большія природныя способности и хорошія свѣдѣнія по многимъ частямъ. Онъ кромѣ архитектуры читалъ алгебру, знакомъ былъ съ физикой и химіей; но былъ безпечень, часто не бывалъ на лекціяхъ и архитектуру свою часто облекалъ въ забавныя формы“. Розальонъ-Сошальскій говоритъ почти тоже самое: „архитектуру преподавалъ адъюнктъ Е. В. Васильевъ, человѣкъ остраго ума, боммотистъ, но употребляю современный терминъ—довольно легкомысленный“. Другой математикъ А. Ѳ. Павловскій, читавшій алгебру, геометрію и тригонометрію, какъ преподаватель и человѣкъ, по словамъ Розальонъ-Сошальскаго, „былъ обожаемъ своими слушателями“. Физику, по словамъ того же автора, читалъ Комлишинскій и хотя заика, но читалъ хорошо, повидимому любилъ свою науку“. „Адъюнктъ Крюгеръ, по словамъ Т. И. Селиванова, былъ роста небольшого, пріятной наружности, нрава тихаго. Много имѣлъ профессорскихъ достоинствъ—превосходную память, пріятный, благозвучный голосъ, плавную какъ бы струйкою льющуюся рѣчь“. Наиболѣе выдающимся профессоромъ изъ русскихъ на юридическомъ факультетѣ былъ И. Ѳ. Тимковскій. Впрочемъ несмотря на свои глубокія познанія, онъ не отличался даромъ яснаго изложенія, читалъ хотя красиво, но риторично, стремился къ вѣдшему эффекту. Т. И. Селивановъ выражается о немъ такъ: „все у него было изысканное; говорилъ всегда фразами, а фразы его были обдуманы, выработаны, какъ бы выточены, вышлифованы и заполированы. Примѣрный, неподражаемый педантъ! Такимъ слогомъ написаны были его рѣчи и его лекціи. Но Тимковскій съ кафедръ читалъ рѣчи очень хорошо, декламировалъ превосходно. Впрочемъ онъ зналъ языки и имѣлъ многостороннія свѣдѣнія и вообще своимъ тономъ, своимъ оригинальнымъ взглядомъ на вещи и вычурнымъ краснорѣчіемъ всякаго на первый разъ могъ озадачивать“. Розальонъ-Сошальскій также подтверждаетъ, что Тимковскій былъ краснорѣчивъ. Т. И. Селивановъ приводитъ анекдотъ, рисующій Тимковского, какъ преподавателя, котораго трудно было понимать. „Однажды, поздно вечеромъ, посѣщая студенческія камеры, ректоръ Рижскій зашелъ къ студенту Сазонову, который зубрилъ права Ильи Ѳедоровича Тимковского, и не замѣчая, что сзади его стоялъ Рижскій, читалъ громко; наконецъ, оглянувшись, увидѣлъ ректора, и ректоръ говоритъ: „что, понимаете ли вы?“ Сазоновъ отвѣчалъ: „понимаю“. „А я, сказалъ Рижскій, ничего не понимаю, ей Богу, ничего не понимаю“. Нужно впрочемъ вспомнить, что напыщенное риторическое изложеніе было тогда въ модѣ и не составляло

особенности одного Тимковского; имъ грѣшилъ и Рижскій, и Срезневскій. Роммель ставитъ Тимковского, по дарованіямъ, рядомъ съ Рижскимъ. Здѣсь слѣдуетъ кстати замѣтить, что Тимковскій обладалъ выдающимися педагогическими способностями и благодаря этому его часто отправляли въ округъ для обозрѣнія училищъ, что, конечно, отвлекало его отъ исполненія прямыхъ его обязанностей по университету (чтенія лекцій). На медицинскомъ факультетѣ старѣйшимъ преподавателемъ былъ Шумлянскій. О немъ Т. И. Селивановъ сообщаетъ такія данныя. „П. М. Шумлянскій былъ роста хорошаго, довольно полный, наружность имѣлъ осанистую, изъ малороссіяня, а потому когда шутилъ и острилъ, то шутки и остроты любилъ выражать на малороссійскомъ языкѣ. Его вступительная рѣчь въ діететику съ кафедры была прочитана на малороссійскомъ языкѣ со всѣми остротами, шутками и съ критическими взглядами на теорію діететики, напримѣръ, какъ русскій человекъ одѣвается, ѣстъ, пьетъ, не наблюдая ни въ чемъ умѣренности и осторожности, какъ подвергается въ своихъ порывахъ опасностямъ, особенно когда надобно показать свое удалство; потомъ въ параллель ставитъ нѣмца, воспитаннаго и ведущаго жизнь по правиламъ діететики—все это съ особенными остротами; послѣ выводитъ русскаго мужика и нѣмца и сравниваетъ ихъ наружный видъ, мускулы и силу. Эта его юмористическая лекція, по словамъ слышавшихъ, какъ бы другой ни написалъ, не будетъ имѣть той силы, какую придавалъ ей Павелъ Михайловичъ своимъ тѣлодвиженіемъ и прибаутками. Студенты медицинскаго факультета, слушавшіе его лекціи, отзываются о немъ, что онъ былъ профессоръ оченъ хорошій, излагалъ свой предметъ незатѣйливо, просто, но существенно и отчетливо. Жаль, что въ его время не было клиники, которая устроилась уже въ послѣднихъ годахъ его службы въ Харьковскомъ университетѣ“. Болѣе отрицательный отзывъ даетъ о Шумлянскомъ Розальонъ-Сошальскій. „По медицинскому факультету, говоритъ онъ, плотный и, какъ казалось—и едва ли не такъ было—апатичный Шумлянскій пользовался репутаціею посредственности во всѣхъ отношеніяхъ“. Можно думать, что Шумлянскій, то что называется, опустился, облѣнился въ Харьковѣ подъ вліяніемъ отсутствія клиники, недостатка студентовъ, своей натуры и сравнительно преклоннаго возраста; въ особенности это нужно сказать относительно послѣднихъ годовъ изучаемаго нами десятилѣтія; здѣсь, быть можетъ, лежитъ причина и болѣе суроваго отзыва Розальонъ-Сошальскаго, который зналъ его только въ это время.

О преподавательскихъ талантахъ профессоровъ иностранцевъ наши источники не сообщаютъ почти никакихъ данныхъ. Не лежитъ ли причина этого явленія въ томъ, что студентамъ слушателямъ было

трудно оцѣнивать преподаваніе лекцій, читавшихся на иностранных языкахъ?

Т. Н. Селивановъ сдѣлалъ исключеніе только для Стойковича, но и то, быть можетъ, потому, что тотъ читалъ большею частью по русски. Вотъ его отзывъ о Стойковичѣ. „Аѳанасій Ивановичъ роста былъ высокаго, сухощавъ, носъ имѣлъ продолговатый, прямой, говорилъ довольно скоро, съ жаромъ (энергически), выразительно; употреблялъ много славянскихъ словъ, обладалъ свѣтлою логикою, которая выражалась особенно на лекціяхъ, при изложеніи многосложныхъ предметовъ и разныхъ теорій, — былъ находчивъ, гибокъ, смѣлъ, рѣшительнъ, нетерпѣливъ и не всегда ровень“. Роммель говоритъ, что онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ слова. Розальонъ-Сошальскій выражается такъ: „австрійскій славянинъ Стойковичъ, огромнаго роста, стройный, съ сильно выразительными чертами человѣкъ читалъ до меня физику, какъ говорили, прекрасно“. О преподаваніи Шада, Якоба мы не имѣемъ отзывовъ современниковъ; но можно предполагать, что они вели свое дѣло выдающимся образомъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ отпечатанные ими курсы; Роммель говоритъ о Шадѣ, что онъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанною плавною латынью. Якобъ пріобрѣлъ извѣстность своими руководствами. Шадъ создалъ цѣлую школу учениковъ. Къ числу опытныхъ выдающихся преподавателей нужно причислить Роммеля, наиболѣе виднаго тогдашняго представителя классицизма. Онъ устроилъ классическій семинарій, былъ директоромъ педагогическаго института, издавалъ хрестоматіи и латинскихъ авторовъ. Все это дало ему сознаніе исполненнаго долга. „Смѣю думать, говоритъ онъ самъ, что эти сѣмена классической древности брошены на почву, не совсѣмъ безплодную, потому что и теперь еще я помню порядочное число русскихъ (между прочими: *Адамовича, Гевлича, Коммшинскаго, Громова* и впоследствии *Кеппена*), которымъ филологія открыла путь къ дальнѣйшему непрерывному образованію“. Прекраснымъ лекторомъ долженъ былъ быть Швейкартъ; къ такому заключенію приводятъ воспоминанія Роммеля. „Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета, говоритъ онъ, былъ мой другъ, благородный философъ Швейкартъ. Занимаясь въ Германіи воспитаніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ знатныхъ семействъ, онъ усвоилъ себѣ изящное свѣтское образованіе; въ памяти своей онъ хранилъ множество анекдотовъ и отличался увлекательнымъ даромъ разсказа“. Гизе, по отзыву Селиванова, „неутомимо занимался своимъ предметомъ“; объ успѣшности его преподаванія свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что у него были ученики. Розальонъ-Сошальскій передаетъ, что братъ его Иванъ былъ любимымъ ученикомъ Гизе и былъ въ свою очередь

очень привязанъ къ этому послѣднему; за это товарищи даже дразнили его Гизомъ. Бывшіе впослѣдствіи профессорами въ Харьковѣ, Комлишинскій и Сухомлиновъ — его ученики. Свой превосходный курсъ лекцій онъ успѣлъ приготовить къ печати и издать въ свѣтъ. Белень-де-Баллю оставилъ по себѣ память, какъ краснорѣчивый преподаватель французской и греческой литературы. Такъ отзываются о немъ Розальонъ-Сошальскій и Роммель; послѣдній говоритъ, что онъ имѣлъ необыкновенный декламаторскій талантъ. Впрочемъ едва ли блестящая форма лекцій стояла въ соотвѣтствіи съ глубиною ихъ содержанія; по крайней мѣрѣ въ латинскомъ языкѣ онъ былъ довольно слабъ. Это засвидѣтельствовано совѣтомъ Харьковскаго университета, предпочевшимъ ему извѣстнаго знатока латинскаго языка Шадъ. Самъ Шадъ, разясняя дѣло въ письмѣ къ Потоцкому, писалъ: „что совѣтъ въ этомъ отношеніи менѣе полагается на де-Баллю, я не виноватъ. Кто изъ насъ что можетъ и чего не можетъ, показываетъ дѣло, по устраненіи мрака тщеславія“. Далѣе Шадъ говоритъ, что де-Баллю ни одной строки по латыни написать не можетъ и не только не понимаетъ духа латинскаго языка но—что еще постыднѣе—дѣлаетъ грамматическія ошибки, какъ это доказывается предисловіемъ къ изданной имъ де-Баллю христоматіи¹⁾. Дрейсигъ, по словамъ Т. И. Селиванова, „обладалъ большими свѣдѣніями, имѣлъ много паціентовъ, но не имѣлъ дара съ кафедръ живымъ словомъ объяснять предметы“. И по отзыву Розальонъ-Сошальскаго, онъ считался очень хорошимъ медикомъ. „Нельдехень, по словамъ Роммеля, пріѣхалъ изъ Берлина и, не вѣдавъ ничего о жирной почвѣ Украины, съ первыхъ же лекцій возбудилъ смѣхъ студентовъ своимъ ученіемъ объ удобреніи навозомъ“. Ниже всѣхъ стоялъ Паки-де-Совинки. По словамъ Роммеля, „лекціи его были образцомъ цвѣтистаго и надутаго безвкусія; въ своихъ латинскихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ ученическихъ лекціяхъ онъ оставался ограниченнымъ приверженцемъ Буало и любилъ, по собственному его выраженію, расправляться цензурскою указкою“. Гораздо болѣе рѣзкій отзывъ о немъ даетъ Н. И. Костомаровъ, бывший его слушателемъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; но его мы приведемъ впослѣдствіи. Изъ представленныхъ данныхъ видно, что и между русскими, и между иностранными профессорами были различные лекторы—выдающіеся, посредственные и плохіе. Но характерно, что профессора русскаго происхожденія, несмотря на свою малочисленность, производили большее впечатлѣніе на своихъ слушателей, чѣмъ ихъ коллеги иностранцы, превосходившіе ихъ своею численностью и

¹⁾ Этотъ рассказъ мы заимствуемъ изъ статьи Н. А. Лавровскаго; а основанъ онъ на данныхъ Харьковскаго университетскаго архива.

научной подготовкой. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе получается изъ отзывовъ студентовъ—современниковъ. И мы не объясняемъ этого явленія какими либо случайностями; намъ думается, что причина этого превосходства лежала въ *языкъ преподаванія*.

Русскіе профессора читали лекціи по русски, иностранные преимущественно—по латыни, частію же по французски и нѣмцки. Роммель говоритъ: „всѣ иностранные профессора, за исключеніемъ французовъ, читали на латинскомъ языкѣ, и мнѣ пришлось очень кстати, что каждый студентъ обязанъ былъ знать достаточно этотъ языкъ“. *Обязанъ былъ знать*—это такъ; но дѣйствительно ли знали? Профессора нѣмцы принесли съ собою изъ за границы убѣжденіе, что университетское преподаваніе должно происходить на латинскомъ языкѣ; они выражали неудовольствіе, когда товарищи ихъ на родинѣ перешли отъ латинскаго къ нѣмецкому языку; они думали, что этимъ принижается образовательный цѣвзъ студентовъ (такъ какъ имъ не приходится усваивать разговорнаго латинскаго языка). Но это былъ остатокъ еще средневѣковаго воззрѣнія. Знаніе латинскаго языка между профессорами и студентами стояло правда несравненно выше, чѣмъ теперь. На латинскомъ языкѣ не только читались лекціи, но и велись экзамены, происходили всѣ дебаты въ факультетахъ и совѣтѣ, составлялись протоколы, письма. Нѣкоторые изъ профессоровъ славились особеннымъ знаніемъ латинскаго языка—именно Шадъ и Стойковичъ. У послѣдняго бывали такъ называемые латинскіе вечера, на которыхъ говорили исключительно по латыни, а иногда и по гречески ¹⁾. Коллегія харьковскихъ профессоровъ была очень строга по части знанія латинскаго языка къ новымъ кандидатамъ, и мы знаемъ, что кандидатура профессора Георга не прошла между прочимъ благодаря недостаточнымъ свѣдѣніямъ его по этой части. Русскіе профессора были также достаточно сильны въ этомъ языкѣ, въ особенности тѣ, которые прошли духовныя школы. И студенты, поступившіе въ Харьковскій университетъ изъ коллегіума и другихъ семинарій, хорошо знали латинскій языкъ и могли пови-
мать лекціи своихъ профессоровъ на этомъ языкѣ. Являясь въ качествѣ наставниковъ-репетиторовъ въ помѣщичьи усадьбы, они и туда переносили знаніе латыни, хотя питомцы ихъ, поступавшіе въ университетъ послѣ домашней подготовки или изъ главнаго народнаго училища, уже знали ее хуже ихъ. Но за то дворянскіи дѣти лучше знали новыя иностранные языки, особенно одинъ изъ нихъ—французскій, благодаря иностранцамъ-гувернерамъ, нахлынувшимъ тогда цѣлыми толпами въ Россію, главнымъ образомъ изъ Франціи. Розальонъ-Сошальскій въ сво-

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ. Изсл. и статьи, I, стр. 96

ихъ воспоминанійхъ говорить, что братья его вышли изъ пансіона о. Василія Фотіева (поступивъ оттуда прямо въ университетъ) съ полнымъ знаніемъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; на послѣднихъ двухъ они отлично говорили. Знаніе языковъ для студентовъ было тогда почти необходимо, потому что нѣкоторые науки преподавались профессорами иностранцами на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такъ адъюнктъ, позже профессоръ Гизе читалъ химію, можетъ быть, на латинскомъ, но знаю, что съ любимымъ учебникомъ своимъ братомъ моимъ, Федоромъ, говорилъ всегда, а также на опытахъ объяснялся на нѣмецкомъ. Полагаю, что Стойковичъ, по крайней мѣрѣ, сначала, пока не ознакомился достаточно съ русскимъ языкомъ, преподавалъ свой предметъ физику на латинскомъ. Белень де Баллю, профессоръ французской литературы, и его адъюнктъ Паки де Совиньи, ничтожный преподаватель, не знали ни слова по русски. Мы можемъ исправить свидѣтельства Роммеля и Сошальскаго документальными данными. Роммель говоритъ, что французы читали по французски, но не все—Делявинъ велъ преподаваніе по латыни (по крайней мѣрѣ онъ читалъ на этомъ языкѣ свои курсы въ 1809—1810 г.). Стойковичъ съ самаго начала (съ 1805 г.) читалъ опытную физику по русски, а сельское хозяйство на латинскомъ языкѣ. Нѣмецъ Шмерфельдъ тогда же читалъ свои лекціи по французски. Русскій адъюнктъ Калькау преподавалъ курсы на латинскомъ языкѣ. Чтеніе лекцій велось также на нѣмецкомъ языкѣ; на этомъ языкѣ читали химики—Шнаубертъ и Гизе (первый впрочемъ скоро перешелъ къ латинскому языку). Повторимъ еще разъ, что знаніе древнихъ и новыхъ языковъ среди студентовъ стояло тогда высоко, въ особенности на словесномъ отдѣленіи. Мы видѣли, что серьезный, требовательный Роммель былъ доволенъ своими слушателями,—классицизмъ дѣйствительно процвѣталъ тогда на вышнемъ историко-филологическомъ факультетѣ. Но знаніе древнихъ и новыхъ языковъ было неравномѣрное: одна часть студентовъ (изъ семинарій) знала древніе, а была плохо подготовлена по новымъ языкамъ, другая—(дворянство) наоборотъ, получила хорошую подготовку по французскому и отчасти нѣмецкому языкамъ и недостаточно удовлетворительную—по латинскому и греческому. Между тѣмъ эта неравномѣрность подготовки должна была невыгодно отражаться и на успѣшности преподаванія: одни плохо понимали лекціи, читавшіяся по французски, другіе—по латыни. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду жалобъ самого Роммеля на отсутствіе по классическимъ языкамъ пособій въ среднихъ школахъ, университетѣ и педагогическомъ институтѣ. Нужно вспомнить о недостаткѣ студентовъ на первыхъ порахъ,

что заставляло быть не особенно требовательными къ нимъ на экзаменахъ. Незнаніе профессорами иностранцами русскаго языка имѣло какъ для нихъ самихъ, такъ и для университета, и въ частности для преподаванія, многія невыгодныя послѣдствія. Роммель, назначенный директоромъ педагогическаго института при университетѣ, вслѣдствіе этого незнанія долженъ былъ, по его собственнымъ словамъ, отказаться отъ практическаго вліянія на будущихъ кандидатовъ въ учителя, и ограничиться исключительно изданіемъ учебниковъ. А сколько неудобствъ причиняло незнаніе языка иностранцамъ профессорамъ, отправляемымъ на визитаціи училищъ, гдѣ они должны были имѣть дѣло съ захолустной провинціальной средой, незнавшей никакихъ иностранныхъ языковъ! Значительныя затрудненія представлялись и въ другихъ административныхъ и учебныхъ дѣлахъ (напримѣръ, въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, какъ въ этомъ сознается самъ Роммель). Ученые и учебные труды профессоровъ иностранцевъ вообще могли бы принести несравненно болѣе пользы университету и краю, если бы они печатались на русскомъ языкѣ. На образованіе студентовъ профессора также могли бы имѣть гораздо большее вліяніе, если бы и тутъ не мѣшала языкъ. Хотя бы мы даже допустили, что латинскій языкъ былъ понятенъ всѣмъ слушателямъ (чего на самомъ дѣлѣ не было), то и тогда мы должны будемъ сознаться, что преподаваніе не мало теряло отъ *мертваго* языка. Это ясно сознавали и прекрасно выразили члены коммисіи объ учрежденіи училищъ. „Языкъ народный, говорится въ университетскомъ проэктѣ, составленномъ этой коммиссіей, есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго и рабство это нераздѣльно съ невѣжествомъ. Развитіе народнаго просвѣщенія у англичанъ и французовъ зависѣло преимущественно отъ того, что науки преподавались у нихъ на языкѣ народномъ и что писатели, съ юныхъ лѣтъ усваивая себѣ знанія на родномъ языкѣ, сообщали ихъ отечеству народнымъ же языкамъ. Просвѣщеніе всегда будетъ распространяться тихими шагами, когда наука будетъ преподаваться на языкѣ мертвомъ или чужомъ“ ¹⁾. Эта мысль совершенно справедлива. Только родная рѣчь, раздающаяся съ кафедры, можетъ создать живую связь между лекторомъ и его аудиторіей, подѣйствовать на сердце и имѣть нравственно-воспитательное значеніе. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества были на сторонѣ русскихъ профессоровъ, хотя они и уступали своимъ иностраннымъ коллегамъ въ ученой подготовкѣ. Въ связи съ незнаніемъ русскаго языка, которое очень часто сопровождалось и *нежеланіемъ* его

¹⁾ М. Н. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 51—52.

изучать, стояло вообще незнаніе русской жизни и дѣйствительности также вредно отзывавшееся на успѣхахъ преподаванія. Доказательствомъ этого можетъ служить приведенный уже нами случай съ профессоромъ сельскаго хозяйства, возбудившимъ смѣхъ аудиторіи своею проповѣдью удобренія чернозема. И, конечно, это былъ далеко не единственный фактъ; въ такомъ положеніи бывали, безъ сомнѣнія, и другіе профессора иностранцы. Не знали они, наконецъ, и психологіи своихъ слушателей, и только болѣе наблюдательные изъ нихъ (въ родѣ Роммеля) осваивались со вкусами, привычками и особенностями русской университетской молодежи.

Учебно-преподавательская дѣятельность профессорской коллегіи кромѣ чтенія лекцій состояла еще въ производствѣ экзаменовъ. Объ экзаменахъ студентовъ мы здѣсь говорить не будемъ — займемся этимъ вопросомъ въ слѣдующей главѣ — а остановимся теперь только на магистерскихъ и докторскихъ испытаніяхъ и на стоящихъ въ тѣсной связи съ ними командировкахъ молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію.

Требованія устава относительно ученыхъ промоцій были таковы. Кромѣ степени кандидата на всѣхъ факультетахъ (въ томъ числѣ и на медицинскомъ) было еще двѣ другихъ ученыхъ степени магистра и доктора. Медицинскому факультету рекомендовалась особая осторожность при возведеніи въ эти почетныя званія. Испытанія происходили въ факультетахъ подъ предсѣдательствомъ декановъ. И на магистерскомъ, и на докторскомъ экзаменѣ обязаны были присутствовать въ качествѣ депутатовъ два члена совѣта, избранные по жребію. Передъ допущеніемъ къ магистерскому или докторскому испытанію деканъ съ двумя профессорами дѣлалъ аспиранту предварительный испусъ и объ успѣхѣ его докладывалъ отдѣленію, которое могло совсѣмъ не допустить къ экзамену лицъ, признанныхъ неспособными. Самые экзамены на высшія ученныя степени производились такъ. Изъ опредѣленнаго числа написанныхъ и хранимыхъ въ тайнѣ вопросовъ, относящихся къ каждой наукѣ факультетскаго преподаванія, выбиралось по жребію два для магистранта и четыре для докторанта; эти вопросы они должны были рѣшить основательно и подробно; за этимъ слѣдовало устное испытаніе по другимъ предметамъ, назначаемымъ экзаменаторами; послѣ этого слѣдовало письменное рѣшеніе въ присутствіи одного члена факультета двухъ вопросовъ, доставшихся экзаменуемымъ по жребію. Къ этому испытанію на медицинскомъ и естественномъ отдѣленіи присоединялись опыты: магистрантъ или докторантъ медицинскаго факультета долженъ былъ опредѣлять болѣзнь представленнаго ему въ клиникѣ или городской

больницѣ больного, прописывать ему лекарства, предсказывать ихъ дѣйствіе; будущій магистръ или докторъ химіи—изслѣдовать или опредѣлять составныя части даннаго тѣла и т. п. Послѣ экзамена магистрантъ читалъ одну, а докторантъ три публичныя лекціи на темы, назначенныя факультетомъ. Въ случаѣ неудовлетворительности испытанія ко вторичному можно было приступать черезъ годъ. Свѣдѣнія о ходѣ экзамена вносились въ протоколъ, копія съ котораго отправлялась въ совѣтъ, назначавшій срокъ для публичной защиты диссертациі, одобренной факультетомъ. Диспуты должны были происходить въ присутствіи факультета и согласно обычаю, на латинскомъ языкѣ, но факультетъ могъ, по просьбѣ аспиранта, разрѣшить ихъ и на русскомъ языкѣ. Возраженіе дѣлали сначала посторонніе оппоненты, потомъ три члена факультета по старшинству. Объ успѣшности защиты диссертациі факультетъ доносилъ совѣту¹⁾. Какова должна была быть диссертациа—рукописная или печатная—уставъ не говоритъ. Не вполне ясно также по уставу, можно ли было получить прямо докторскую степень, минувавъ магистерскую. Таковы были требованія устава. Какъ же они выполнялись въ дѣйствительности?

Въ первые годы своего существованія Харьковскому университету повидимому не приходилось пользоваться правомъ производства въ ученые степени магистровъ и докторовъ по тѣмъ правиламъ, которыя были установлены уставомъ. Но онъ все таки даровалъ нѣкоторымъ изъ своихъ преподавателей профессоровъ степень доктора *honoris causa*—за ученые заслуги—именно тремъ наиболѣе выдающимся представителямъ русскаго элемента (Рижскому, Осиповскому, Тимковскому) и одному иностранцу (Беленъ-де-Баллю). И они, конечно, вполне заслужили это отличіе, въ особенности первые три. Впослѣдствіи докторская степень дарована была еще проф. И. Е. Срезневскому. Дарованіе докторской степени проф. Срезневскому вызвало сильныя возраженія со стороны проф. Роммеля. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ, во 1-хъ, противъ того, что докторство было даровано Срезневскому совѣтомъ, а не факультетомъ, а во 2-хъ, что онъ получилъ степень доктора философіи, а не словеснаго отдѣленія. Присужденіе всѣхъ ученыхъ степеней (въ томъ числѣ и докторской) уставъ предоставлялъ по его словамъ, факультетамъ; совѣтъ же только утверждалъ въ этой степени аспирантовъ; это видно и изъ текста дипломовъ. Столь-же не дѣйствительна была, по мнѣнію проф. Роммеля, самая степень доктора философіи. Въ Европейскихъ университетахъ она имѣла свой смыслъ, потому что тамъ былъ отдѣльный философскій факультетъ, какового въ

¹⁾ Сборникъ постановл. по мин. нар. пр., I, стр. 283—285.

Россіи не имѣлось; философія отнесена къ этико-политическому, а не словесному отдѣленію: проф. Срезневскій не могъ получить этой степени, потому что состоялъ профессоромъ другого факультета и такъ занимался другими науками, а не философіей.

Нельзя не сознаться, что аргументы проф. Роммеля весьма серьезны, особенно съ формальной стороны—съ точки зрѣнія существовавшихъ на этотъ счетъ правилъ.

Затѣмъ по экзамену и диссертациямъ получили магистерскую и докторскую степень многіе питомцы Харьковскаго университета и отчасти постороннія лица: Гевличъ, Комлишинскій, Громовъ, Архангельскій, Дудровичъ, Любовскій, Гесъ-де-Кальве, Жиле, Хлопонинъ, Дегай, Мизко, Титаревъ, Масловичъ, Кеппенъ.... Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались только магистрами (Гевличъ, Титаревъ, Кеппенъ), другіе вслѣдъ за магистерскою степенью получили и докторскую (Громовъ, Архангельскій), наконецъ, третьи претендовали и добились докторскаго диплома, минуя магистерство (Хлопонинъ, Гесъ-де-Кальве, Дегай, Жиле). Профессорскія каѳедры заняли только четверо изъ этихъ лицъ; (Архангельскій, Громовъ, Дудровичъ, Комлишинскій); пятый (Любовскій) претендовалъ на каѳедру (философіи), но ему предпочли Дудровича; остальные повидимому добивались этихъ степеней не ради ученой, а ради служебной карьеры. Въ настоящее время трудно и представить себѣ, какъ развита была страсть къ чинамъ въ началѣ текущаго столѣтія. Извѣстный уже намъ указъ Сперанскаго сдѣлалъ невозможнымъ полученіе даже чина коллежскаго ассесора безъ университетскаго диплома. Между тѣмъ ученая степень магистра сразу давала права на три лишніе чина, а степень доктора даже на четыре (кандидаты состояли въ 12 классѣ, магистры въ 9, а доктора въ 8). Неудивительно, что при такихъ условіяхъ явилась та торговля дипломами, о которой свидѣлствуютъ современники. Роммель сообщаетъ о двухъ попыткахъ подкупа, направленныхъ лично противъ него самого. У генерала Ковалинскаго онъ познакомился съ бывшимъ Херсонскимъ губернаторомъ, очень богатымъ помещикомъ Хорватомъ, который поручилъ ему приготовить къ окончательному экзамену въ университетѣ своего сына Д—я.—„плодъ любви его къ одной прекрасной замужней француженкѣ“. „Когда наступилъ срокъ докторскаго экзамена, молодой Д—й приходитъ ко мнѣ и говорить: „я слышалъ, что вы изъявили желаніе купить у меня дрожки и пару лошадей?“ (Дрожки и лошади были великолѣпныя). „Вовсе не думалъ“, отвѣчалъ я. Дѣло, казалось, было кончено. Скоро послѣ того я увидѣлъ этотъ великолѣпный экипажъ во владѣніи одного изъ моихъ

русскихъ товарищей, а послѣ, въ Петербургѣ узнавъ, что надѣ моею честностью сильно посмѣялись... Въ то время и не имѣлъ еще понятія о господствовавшихъ сплошь и рядомъ подкупахъ. Подобныя предложенія всегда приводили меня въ негодованіе. Но особенно возмутило меня посольство директора Екатеринославской гимназіи, который хотѣлъ получить высшій чинъ путемъ почетнаго экзамена. Молодой человѣкъ, сынъ просителя, привезъ мнѣ *charte blanche* на 500 руб. при письмѣ, въ которомъ глупый его батюшка съ настойчивостью и самоувѣренностью говорилъ о своихъ правахъ на чинъ, ссылаясь на орденъ, недавно ему пожалованный. Извѣстіе Роммеля вполне подтверждаетъ Розальонъ-Сошальскій. „Теперь перехожу, говоритъ онъ, къ торгу въ университетѣ дипломами на ученые степени магистра и особенно доктора, которые давали права, при вступленіи въ службу переименоваться въ титулярные совѣтники и коллежскіе ассесоры. Что это былъ фактъ неоспоримый и началось по смерти Рижскаго въ 1811 или 12 году, со вступленіемъ Стойковича въ должность ректора—было извѣстно въ Харьковѣ всѣмъ и каждому и послужило поводомъ къ запрещенію выдавать дипломы на высшія ученые степени или чтото въ родѣ этого. Я не говорю о такихъ докторахъ, какими были—покойный статсъ-секретарь Дегай (Дегай былъ пасынкомъ Харьковскаго вельможи), родственника по первой женѣ князя Потемкина, ген.-лейт. Осипа Ивановича Хорвата и сыномъ учителя француза; это мнѣ извѣстно по случаю изъ достовернаго источника, и теперешній членъ государственнаго совѣта Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ. Тутъ роскошные обѣды, которыми родители ихъ угощали профессоровъ экзаменаторовъ (наука не прочь отъ гастрономическаго наблюденія), тутъ, говорю, обѣды могли быть и лишними. Не говорю о такихъ докторахъ труженникахъ, какимъ былъ инспекторъ мой, по отъѣздѣ братьевъ, Василій Оотіевичъ Титаревъ, заплатившій за докторскій дипломъ жизнью и, по вступленіи въ Петербургѣ на службу, скоро умершій отъ чахотки;—и онъ не одинъ былъ таковъ. Но было не мало и изъ иного лагеря. Говорю о докторахъ, къ немалому числу какихъ принадлежалъ, напримѣръ, покойный Василій Григорьевичъ Масловичъ. Милый человѣкъ, отличный танцоръ, даже слагатель гладкихъ, игривыхъ стишковъ, но, конечно, докторъ паркета, а не головоломнаго ученаго матеріала. И теперь прихожу въ восторгъ и невольно начинаю вторить припѣву В. Г. при поспоминаніи его великолѣпнаго козачка, который танцевалъ онъ такъ часто въ домахъ своихъ знакомыхъ (а его принимали съ распростертыми объятіями), танцевалъ, звеня серебряными скобами, которыми были украшены каблуки его сапогъ, и припѣвая въ то-же время:

„Ой, сербыне, сербыне!
Годи сербуваты.
Купымъ хату и кимнату,
Будемъ шынкуваты“! ¹⁾).

Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ видно, что одна часть магистровъ и докторовъ получила свои ученые степени вполне заслуженно, другая же наоборотъ пользовалась для этой цѣли взятками и подкупамъ экзаменаторовъ; роскошные обѣды и угощенія не считались повидимому особенно предосудительнымъ средствомъ, а частныя лекціи прямо признавались вполне законными; по крайней мѣрѣ, самъ Роммель, относившійся съ негодованіемъ къ подкупамъ, взялъ на себя подготовку къ окончательному экзамену Дегай. Въ объясненіе (но, конечно, отнюдь не въ оправданіе) этого печальнаго явленія мы должны замѣтить, что матеріальное положеніе профессоровъ въ это время замѣтно ухудшилось, благодаря страшному паденію курса ассигнацій и отечественной войнѣ 12-го года. Въ совѣтѣ большая часть промоцій возбуждала распри и несогласія, доходившія даже до министра. Причина этого лежитъ отчасти въ самомъ характерѣ этихъ дѣлъ, отчасти же кроется въ извѣстной острой личной борьбѣ членовъ совѣта другъ съ другомъ. Хлапонинъ, напримѣръ, стремился получить докторскую степень по философіи у Шада—и этого было вполне достаточно, чтобы противъ него выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ непримиримый врагъ Шада Стойковичъ.

Чтобы дать понятіе о той страстной борьбѣ, которую вызывали эти дѣла въ совѣтѣ, мы остановимся на нѣкоторыхъ промоціяхъ, прежде всего на полученіи докторской степени курскимъ купцомъ Григоріемъ Хлапонинымъ, такъ какъ эпизодъ этотъ самъ по себѣ весьма характеренъ. Личность этого доктора философіи—автодидахта во всякомъ случаѣ выдающаяся. У него несомнѣнно было большое стремленіе къ образованію и наукѣ—и онъ затратилъ массу энергіи, чтобы добиться ученой степени. О его жадѣ къ знанію и любви къ избранному спеціальному предмету—философіи свидѣтельствуетъ между прочимъ съ умѣньемъ подобранная имъ бібліотека, которую онъ впоследствии пожертвовалъ Харьковскому университету. Нужно впрочемъ сознаться, что и Хлапонина побудили добиваться докторской степени житейско-практическія соображенія—пошатнувшіяся торговыя дѣла, желаніе получить соотвѣтственный чинъ и поступить на государственную службу. Объ этомъ говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія. Въ другомъ документѣ мы читаемъ: „Григорій Семеновичъ Хлапонинъ съ

¹⁾ Хар. Губ. Вѣд. 1869 г. № 44.

молодыхъ лѣтъ по особенной склонности своей упражнялся въ наукахъ, приготовляя себѣ къ государственной службѣ по учебной части“. О докторскомъ экзаменѣ Хлапони́на мы имѣемъ такіа свѣдѣнія. Какъ видно изъ протоколовъ этикополитическаго отдѣленія, онъ подвергнулся экзамену 1 сентября 1813 г. въ присутствіи многихъ профессоровъ-членовъ факультета, депутатовъ и представителей другихъ факультетовъ экзаменаторовъ — Шада, Швейкардта, Роммеля, Стойковича, Осиповскаго, Рейта, Успенскаго, Павловича, Книгина и Шумлянскаго (послѣдніе два были депутатами). Шадъ экзаменовалъ его изъ главнаго предмета философіи и предложилъ слѣдующіе вопросы: 1) *De principiis fundamentalibus conscientiae*; 2) *Quid est intellectus*? 3) *Quid est logica*? 4) *Quae sunt promtua principia moralitatis*? На всѣ эти вопросы онъ отвѣчалъ *optime*; изъ естественнаго права экзаменовалъ его профессоръ Швейкардтъ, а отвѣчалъ онъ такъ, что экзаменаторъ считалъ возможнымъ даровать ему за это только степень магистра (но не доктора); изъ латинской словесности — проф. Роммельъ, причемъ онъ довольно хорошо переводилъ оды Горациа на нѣмецкій языкъ; изъ физики — проф. Стойковичъ, поставившій ему *satis bene*; изъ математики — Осиповскій, поставившій ему отмѣтку *bene*; изъ російской словесности — Срезневскій (*satis bene*), изъ всеобщей исторіи, географіи и статистики Успенскій (*optime*). Сверхъ того Хлапони́нъ съ особеннымъ прилежаніемъ и уснѣхами слушалъ частнымъ образомъ у профессора Успенскаго исторію русскаго гражданскаго и уголовнаго права. Подготовился онъ къ экзамену, состоя вольнослушателемъ въ университетѣ; въ 1814 г. ему было 26 лѣтъ ¹⁾. Этотъ экзаменъ и возбудилъ впоследствии большія пререканія. Въ длинной запискѣ на имя совѣта проф. Шадъ сдѣлалъ слѣдующія заявленія. По экзамену всѣ члены комиссіи, исключая ректора Стойковича, призвали Хлапони́на достойнымъ степени доктора; ректоръ же считалъ возможнымъ признать этотъ экзаменъ достаточнымъ только на магистра. Во всякомъ случаѣ рѣчь шла о докторской степени; это видно изъ того, что Хлапони́ну предложены были послѣ устнаго испытанія четыре письменныхъ отвѣта (магистранты же писали только два) ¹⁾. Эти темы вручилъ Хлапони́ну самъ Стойковичъ; двѣ изъ нихъ на русскомъ языкѣ были предложены проф. Срезневскимъ. Отвѣты на нихъ были признаны вполне удовлетворительными. Между тѣмъ и самъ, продолжаетъ Шадъ, впалъ въ сильную болѣзнь — горячку, въ которой пролежалъ два мѣсяца и которая угрожала моей жизни. Тогда еще ко мнѣ явился Хлапони́нъ

¹⁾ Харьк. универс. архивъ. Дѣло правл. по арх. № 910, по карт. 43; ср. журн. правл. 1814 года, май—августъ; засѣданіе 6 іюля. См. также Дѣло совѣта 1818 года, № 52, стр. 9.

и объявилъ, что въ протоколѣ факультетскаго засѣданія его экзаменъ рѣшено признать удовлетворительнымъ только на степень магистра; къмъ составленъ этотъ протоколъ, я не знаю. Но такъ какъ только одинъ ректоръ Стойковичъ высказалъ такое мнѣніе и даже проф. Швейкардтъ присоединился къ нему только впоследствии, непосредственно же по окончаніи экзамена публично заявилъ, что за такіе отвѣты Хлапонинъ могъ бы получить докторскую степень въ любомъ иностранномъ университетѣ, то я, не имѣя возможности по болѣзни созвать факультетскаго засѣданія, въ качествѣ профессора философіи и декана, обратился письменно къ бывшимъ членамъ экзаменаціонной комиссіи съ вопросомъ, какую степень они рѣшаются дать Хлапонину за его экзаменъ. Всѣ за исключеніемъ проф. Швейкардта, соглашались удостоить его докторской степени и подтвердили это собственноручными подписями. Не довольствуясь этимъ, по выздоровленіи, я трижды созывалъ засѣданіе, но оно не могло состояться благодаря отсутствію членовъ. Тогда я обратился съ вопросомъ къ ректору, какъ мнѣ поступить въ данномъ случаѣ. Ректоръ отвѣтилъ, что имѣющіяся уже письменныя согласія замѣняютъ протоколъ. Но я, боясь нарушить формальности, не послѣдовалъ его совѣту и, встрѣтивъ однажды въ университетѣ вмѣстѣ трехъ профессоровъ, производившихъ экзаменъ Хлапонину (Осиновскаго, Книгина и Срезневскаго), прочелъ имъ письмо, написанное во время болѣзни и спросилъ, держатся ли они своего прежняго мнѣнія. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я велѣлъ составить формальный протоколъ и поручилъ секретарю отправить его для подписи членамъ комиссіи, которые и расписались на немъ, за исключеніемъ только тѣхъ лицъ, которымъ случайно не была доставлена эта бумага секретаремъ факультета (такъ между прочимъ не оказалось подписи Срезневскаго, который расписался на первомъ моемъ письмѣ). Въ заключеніе замѣчу, что Григорій Хлапонинъ прекрасно подготовленъ не только по философіи, но и по другимъ предметамъ и намъ оставалось бы только радоваться, если бы такіе кандидаты въ доктора выходили изъ студентовъ университета хотя бы разъ въ теченіе 10 лѣтъ. Швейкардтъ, сославшись на членовъ экзаменаціонной комиссіи, замѣтилъ въ отвѣтъ на это, что онъ сейчасъ же послѣ экзамена высказалъ мнѣніе о предоставленіи Хлапонину степени магистра, а не доктора. Такъ оно было и въ дѣйствительности. Съ обширнымъ и принципиальнымъ мнѣніемъ по поводу экзамена Хлапонина выступилъ проф. Лангъ (не присутствовавшій на испытаніи). Всякій со мною согласится въ томъ, пишетъ онъ въ своей запискѣ, что совѣтъ университета долженъ руководствоваться въ дѣлѣ ученыхъ степеней твердыми, опредѣленными правилами съ тѣмъ, чтобы не дѣлать

отъ нихъ никакихъ отступленій. Нужно избрать одно изъ трехъ возможныхъ рѣшеній этого вопроса, а за тѣмъ примѣнить его и къ данному случаю: 1) или руководствоваться буквою университетскаго устава, не дѣлая никакихъ толкованій его; 2) или давать ученыя степени по отдѣльнымъ предметамъ; 3) или давать ихъ по группамъ близко соприкасающихся другъ съ другомъ наукъ. 1) Въ 98 § университетскаго устава прямо сказано: „изъ опредѣленнаго числа составленныхъ и въ секретѣ хранящихся вопросовъ, относящихся до каждой отдѣльной науки, принадлежащей къ факультету, выбираются по жребію два вопроса для магистраты и четыре для доктора, которые они должны рѣшить основательно и подробно. Слѣдовательно, выборъ вопросовъ долженъ дѣлаться изъ всѣхъ предметовъ факультетскаго преподаванія. Между тѣмъ Хлапонику, какъ это видно изъ протокола экзамена, были предложены четыре вопроса только изъ одной философіи. Далѣе изъ того же протокола видно, что изъ другихъ факультетскихъ наукъ онъ экзаменовался еще только по естественному праву; остальные же предметы, по которымъ ему предлагали вопросы и ставили отмѣтки, не относятся къ этикополитическому отдѣленію. Въ письменныхъ отвѣтахъ Хлапонику также не выполнялъ требованій устава—онъ долженъ былъ написать на четыре вопроса, выбранныхъ жребіемъ изъ всѣхъ предметовъ факультетскаго преподаванія, а ему были предложены вопросы только по философіи и естественному праву. 2) Мы могутъ возразить: „Хлапонику ищетъ на этикополитическомъ отдѣленіи степени доктора философіи, а не доктора права; сообразно съ этой степенью ему и сдѣланъ экзаменъ—по философіи и соприкасающимся съ ней наукамъ; по остальнымъ же предметамъ онъ долженъ былъ бы экзаменоваться только въ томъ случаѣ, если бы искалъ степени доктора права вообще“. Но дѣло въ томъ, что ни факультетамъ, ни совѣту не предоставляется правилами давать ученыя степени по отдѣльнымъ наукамъ, устраивать отъ экзамена одинъ или нѣсколько факультетскихъ предметовъ, прибавлять экзаменъ по наукамъ, преподаваемымъ на другихъ отдѣленіяхъ. Философія числится на этикополитическомъ факультетѣ; слѣдовательно, вслѣдствіе ищущій степени по этому факультету, обязанъ экзаменоваться не только по философіи, но и по остальнымъ предметамъ, здѣсь преподаваемымъ. Если же допустить такое исключеніе для философіи, то придется это сдѣлать и по отношенію къ другимъ предметамъ и давать, наприкладъ, степень доктора политической экономіи, а на другихъ факультетахъ доктора русской литературы, агрономіи, технологіи, военныхъ наукъ. Не думаю, чтобы подобный порядокъ могъ быть принятъ совѣтомъ и заслужилъ одобреніе министра. А если бы онъ былъ принятъ, тогда рѣшающій голосъ должны имѣть не члены факультета, а пред-

ставитель такъ называемаго главнаго предмета и приглашенные экзаменаторы.

3) Если же въ нашемъ университетѣ все-таки даются степени магистровъ и докторовъ философіи, если на экзамены ихъ приглашаются профессора другихъ факультетовъ, то это можетъ быть объяснено только подражаніемъ западнымъ университетамъ; но тамъ однако имѣется особый философскій факультетъ, котораго нѣтъ у насъ; по этому намъ и нельзя давать такой степени, нельзя приглашать къ экзамену преподавателей другихъ факультетовъ (если, конечно, они не читаютъ извѣстныхъ предметовъ и на этикополитическомъ отдѣленіи), нужно, наконецъ, выбирать вопросы для устнаго и письменнаго испытанія изъ всѣхъ отдѣловъ факультетскаго преподаванія“.

Хлапонинъ, какъ мы уже знаемъ, послѣ устнаго экзамена написалъ требуемые уставомъ четыре письменныхъ отвѣта, по поводу которыхъ также возникло разногласіе среди членовъ факультета: проф. Швейкардтъ, бывший тогда деканомъ, двухъ изъ нихъ не хотѣлъ признать удовлетворительными. Проф. Шада по этому поводу выступилъ съ обширною запиской, въ которой между прочимъ подробно разяснялъ свои мысли на счетъ философіи Шеллинга. Не касаясь этого отдѣла записки, представляющаго, кстати сказать, весьма интересный матеріалъ для исторіи каѳедры философіи въ Харьковскомъ университетѣ (надѣмся, что имъ воспользуется профессоръ О. А. Зеленогорскій для характеристики школы Шада), мы только замѣтимъ, что авторъ въ началѣ высказываетъ и доказываетъ ту вѣрную мысль, что слѣдуетъ при оцѣнкѣ такихъ работъ, какъ письменные отвѣты докторанта Хлапопина, обращать вниманіе не столько на то, какой системы придерживается авторъ, сколько на его объясненія, аргументы, дарованія, порядокъ, обдуманность, послѣдовательность, связь и, наконецъ, соотвѣтственный предмету стиль. Если же мы будемъ обращать вниманіе на самыя мнѣнія, то должны будемъ отвергнуть многихъ достойныхъ аспирантовъ, только потому что они не были въ нашемъ университетѣ и не усвоили себѣ мнѣній его преподавателей. Отъ своихъ же питомцевъ мы можемъ получить на экзаменѣ только то, что имъ даемъ; да иначе и быть не можетъ, если вспомнимъ, съ какою слабою подготовкою поступаютъ къ намъ молодые люди въ университетъ и какъ мало времени остаются они въ немъ. Въ гораздо болѣе затруднительномъ положеніи оказались бы приходящіе къ намъ извнѣ, въ особенности когда экзаменаторы имѣли бы свои собственные взгляды, мало распространенные или совершенно оригинальные. Въ такомъ положеніи очутился и Хлапонинъ, и ему никоимъ образомъ нельзя поставить въ вину того, что онъ не знаетъ и не раздѣляетъ нашихъ

взглядовъ, потому что онъ не былъ въ нашемъ университетѣ, а съ другой стороны на столько развитъ, что ему нечего полагаться *in verba magistri*; наоборотъ онъ, благодаря своей начитанности и вдумчивости, имѣетъ возможность избрать себѣ свой собственный путь. Въ заключеніе Шадъ высказываетъ убѣжденіе, что Хлапонинъ могъ бы выдержать докторскій экзаменъ въ любомъ университетѣ и ссылается на требованіе министра допустить Хлапонина къ чтенію пробныхъ лекцій и публичной защитѣ диссертациі. Дѣло Хлапонина, какъ видно изъ этого, восходило на рѣшеніе министра. Но и послѣ этого факультетъ не могъ прийти къ опредѣленному рѣшенію и вопросъ этотъ былъ переданъ на благоусмотрѣніе совѣта. Проф. Швейкардтъ находилъ, что нельзя такъ толковать словъ министра, какъ объясняетъ ихъ проф. Шадъ, особенно если принять во вниманіе его предписаніе, чтобы мы дѣйствовали въ данномъ дѣлѣ строго (*rigoroso*). Что же касается прежнихъ письменныхъ отвѣтовъ Хлапонина, то о нихъ не можетъ быть рѣчи, потому что они исчезли, а изъ членовъ факультета читалъ ихъ, какъ увѣряетъ, одинъ проф. Шадъ; третій же и четвертый онъ не могъ призвать удовлетворительными для степени и доктора и потому предлагалъ допустить Хлапонина къ продолженію экзамена на степень магистра ¹⁾.

Повидимому Хлапонинъ былъ допущенъ все-таки къ продолженію своего докторскаго экзамена и выдержалъ его благополучно, хотя ему ставили постоянныя затрудненія и между прочимъ не хотѣли выдавать докторскаго диплома, хотя онъ добился даже исключенія изъ купеческаго званія. Противъ него были пущены въ ходъ всевозможныя средства включительно до доноса. Дѣйствовалъ же тутъ главнымъ образомъ личный врагъ Шада Стойковичъ и адъютантъ Болгаревскій, у котораго также было личное столкновеніе съ Хлапонымъ. Хлапонинъ не оставаясь въ долгу и въ свою очередь писалъ заявленія и оправдательныя записки на имя министра, которыя нами отысканы въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія и сообщаются намъ въ подлинномъ видѣ ниже. Кажется, онъ былъ лично извѣстенъ министру народнаго просвѣщенія. По крайвей мѣрѣ къ такому выводу приводитъ насъ слѣдующее письмо: „милостивый государь мой графъ Алексѣй Кирилловичъ, писалъ нашъ посоль въ Парижѣ гр. Александръ Куракинъ министру А. К. Разумовскому, я имѣлъ удовольствіе познакомиться здѣсь съ богатѣйшимъ курскимъ купцомъ Григоріемъ Хлапонымъ, который, получа хорошее воспитаніе, вышелъ изъ торгу старшихъ его братьевъ и нѣсколько уже лѣтъ путешествуетъ для распространенія своихъ познаній. Онъ объ-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813 г.

халъ большую часть Европы, научился многимъ языкамъ, бралъ лекціи въ знаменитыхъ университетахъ и нынѣ возвращается въ отечество съ очевидными успѣхами въ похвальномъ его предпріятіи. Онъ ревностно желаетъ посвятить себя Высочайшей службѣ по гражданской части и, чтобъ съ пользою начать оную, просилъ меня представить его Вашему Сіятельству.

Я покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь мой, удостоить его благосклоннымъ пріемомъ и не отказать ему въ мощномъ вашемъ покровительствѣ. Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь Александръ Куракинъ.—Парижъ $\frac{1}{13}$ февраля 1812 г.^а.

Чтобы вбросить тѣнь на безкорыстіе лицъ, экзаменовавшихъ Хлапони́на, Стойковичъ отправилъ министру доносъ Болгаревскаго, въ которомъ перечислялись лица, бывавшія со своими семьями у Хлапони́на. Вотъ его подлинный текстъ.

„Милостивый государь Афанасій Ивановичъ! Упомянувъ въ своемъ объясненіи, данномъ въ правленіи на просьбу купца Хлапони́на о членахъ унверситета, приходившихъ къ оному Хлопони́ну на пиръ въ нѣкоторые дни, честь имѣю доложить вамъ, кто именно изъ членовъ былъ на пирахъ сихъ: изъ господъ ординарныхъ профессоровъ—Павель Михайловичъ Шумлянский съ женою; Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ съ женою; Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій съ женою; Иванъ Петровичъ Каменскій съ женою и съ дочерью, но не вмѣстѣ; профессоръ Шадъ; профессоръ Осиповскій; изъ экстраординарныхъ профессоровъ—Успенскій; изъ адъюнктовъ—Борзенковъ. Честь имѣю пребыть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію, Милостивый Государь Вашего Высочайшаго покорнѣйшимъ слугою. Подписалъ: Михайло Болгаревскій, вѣрно съ оригиналомъ—А. Стойковичъ. 1813 г., апрѣля 3 Харьковъ“.

Хлапони́нъ обратился къ министру съ челобитной такого содержанія.

„Сіятельнѣйшій графъ! Милостивый государь! Преисполненный высочайшаго благоговѣнія къ особѣ Вашего Графскаго Сіятельства, держаю изъяснить праведное мое дѣло и просить всенижайше о покровительствѣ. Находясь не малое время въ иностранныхъ государствахъ по дѣламъ торговаго производства, я не оставлялъ благопріятныхъ случаевъ для приобрѣтенія познаній въ наукахъ по одной склонности моей къ онымъ.—Когда же упадокъ иностранной торговли и претерпѣнное разореніе въ Москвѣ отъ вторженія непріятели лишили меня всѣхъ способовъ не только продолжать торговлю, но и удовлетворять обязанностямъ онаго моего званія, я рѣшился употребить себя на службу государству соотвѣтственно моимъ знаніямъ; для чего подвергнувшись испы-

танію въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ по отдѣленію нравственно-политическому, признанъ достоинъ степени доктора. Въ самомъ началѣ равнодушно наблюдалъ я противоположеніе различныхъ препятствій, чинимыхъ мнѣ ректоромъ сего университета, отклонивъ съ приличною благопристойностію данные имъ мнѣ выразумѣть корыстолюбивыя виды, не ища покровительства его, но только справедливости. Но какъ простеръ онъ напоследѣдокъ недоброхотство свое далѣе до изъясненія угрозъ, то не поволѣ моею долженъ перестать быть безгласенъ противу неприязненности, угрожающей мнѣ опасностію.

Не дерзнулъ бы я всепокорнѣйше просить Ваше Графское Сіятельство о мощномъ и благодѣтельномъ покровленіи и защитѣ противу чинимыхъ мнѣ притѣсненій въ полученіи степени по удостоеніи, ежели бы не увѣренъ былъ въ справедливости своего исканія такъ, что могу представить себя и ко вторичному наистрожайшему испытанію, буде то нужнымъ поставить благоугодно будетъ. Съ глубочайшимъ высокопочтваніемъ и безпредѣльною преданностію имѣю честь именоваться. Харьковъ. 1813 года, апрѣля 5 числа. Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь! вашъ всеижайшій слуга Григорій Хлапонинъ“.

Почти одновременно съ этимъ Хлапонинъ написалъ просьбу какому-то неизвѣстному намъ лицу, вѣроятно, занимавшему вліятельный постъ по министерству народнаго просвѣщенія.

„Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, писалъ онъ ему: достоинству сродно ободрять старательность, а совершенствамъ свойственно покровительствовать раждающимся дарованіямъ. Коль прекрасно было Вашему Превосходительству облагодѣтельствовать во мнѣ человѣка нуждающагося, толь сладостно мнѣ нынѣ чувствовать себя Вамъ, Милостивый Государь, безконечно одолженнымъ и признательнымъ. Хотя свирѣпствовавшія надо мною обстоятельства повергнули меня въ вовсюю о будущемъ неизвѣстность, оставивъ мнѣ едва умѣренное содержаніе на малое развѣ время; но оказанное Вашимъ Превосходительствомъ великодушное обо мнѣ предстательство даетъ мнѣ новую силу бороться съ ненастьемъ рока.

Свѣдалъ я не обстоятельно впрочемъ о полученіи господиномъ ректоромъ Стойковичемъ отъ Его Графскаго Сіятельства на представленіе обо мнѣ совѣтомъ предписанія, но не могъ посюда выпросить оффиціального о томъ извѣстія, а еще менѣе точной и полной на законномъ основаніи съ оного копіи, въ чемъ имѣю надобность для удобнѣйшаго испрошенія ко вступленію въ службу себѣ отъ общества увольненія; даже и прошенія моего о томъ господинъ ректоръ принять отъ меня въ присутствіи всего совѣта не благоволилъ, съ намѣреніемъ удобнѣе чи-

нить мнѣ такимъ образомъ разнаго роду непріятности, замедленія и притѣсненія; а наконецъ согласно съ волею господина же ректора, господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ, не взираи на двукратное опредѣленіе совѣта выдать мнѣ ту копію, объявилъ мнѣ, не представя тому причину, что онъ копіи той мнѣ отнюдь не дастъ, и на сдѣланное мною по сему случаю объясненіе, что я принужденъ иначе буду утруждать о томъ просьбою Его Сіятельство, отвѣчалъ онъ, что мнѣ то сдѣлать предоставляетъ, а самъ беретъ на себя отвѣтственность, ибо уже и не такіа дѣла умѣлъ посюда обдѣлывать. Имѣя всегда въ желаніи опредѣлиться, буде удостоенъ буду, въ службу по учебной части, я старался избѣгать всякой непріязни даже съ перенесеніемъ и непріязненностей себѣ, пока оныя удерживались еще въ предѣлахъ какой-нибудь благопристойности; но господинъ ректоръ Стойковичъ и господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ, съ своими единомыслящими, непріязненными своими противу меня поступками, не только явное обнаружили свое недоброхотство, но и отняли у меня всякую надежду остаться неприкосновеннымъ въ ихъ сплетняхъ и раздорахъ. Почему и нашелся принужденнымъ осмѣлиться утруждать паки его Сіятельство господина министра народнаго просвѣщенія, прося его всенижайше письмомъ съ сею же почтою, чтобы благоволили его Сіятельство предписать совѣту о выдачѣ мнѣ оной копіи и дозволили бы окончить экзаменъ мой въ С.-Петербурѣ, дабы мнѣ чрезъ то устранить себя и отъ нападокъ оныхъ пристрастныхъ недоброжелателей, и отъ всякаго подозрѣнія о непозволенномъ другими благопріятствованіи, яко обстоятельствъ равно вредныхъ моему желанію посвятить себя съ честію учебной службѣ. Будучи увѣренъ въ справедливости и необходимости моей просьбы сей, я прибѣгаю съ оною и къ великодушію вашего превосходительства, прося благоговѣйно по благоусмотрѣнію своему представить Его Сіятельству о законности причинъ оной и тѣмъ облагодѣлать челоука угнетеннаго уже неизбѣжностію судьбы, но имѣющаго упованіе свое на челоуколюбивое ваше правосудіе и полагающаго всю надежду будущаго сколько-нибудь обезпеченнаго себѣ пропитанія лишь на успѣхъ справедливаго сего своего дѣла.

Потерпите, милостивый государь, что симъ еще разъ дерзнулъ я утруждать ваше превосходительство; но и къ кому могу прибѣгнуть, если не къ тому, кто равно посвятилъ свои дѣянія и къ розысканію и къ покровленію какъ образованія, такъ и правоты. Преисполненъ долженнаго къ вашему превосходительству высокаго почитанія имѣю честь именоваться. Харьковъ, 1813 г. мая 3 числа. Вашего превосходительства милостивый государь всепокорнѣйшій вашъ слуга Григорій Хлапонинъ“.

Вскорѣ Хлапонинъ обратился къ министру съ новымъ письмомъ.

„Сіятедьнѣйшій Графъ, милостивый государь, писалъ онъ въ немъ. Благодаренія вашего Сіятельства велики, а силы мои малы; одно только чувствованіе безпредѣльнаго удивленія и подобострастія моего и душевное благословеніе великаго вашего имени наполняютъ разстояніе между великостію добротъ вашихъ и малостію моихъ сносововъ; но ни благоговѣнія всего, ни всеотданности моей къ Сіятедьнѣйшей Вашей особѣ не могу словами выразить. Когда неизбѣжная судьба, отъявъ у меня все мое, повергла меня въ совершенную неизвѣстность о будущемъ, тогда всякое благо и всякъ даръ совершенъ нисходитъ мнѣ отъ Вашего Сіятельства. Но вмѣсто чтобы довольствоваться съ благоговѣніемъ полученною уже милостію, я сталъ паки нынѣ принужденнымъ дерзать просить Сіятедьнѣйшую особу вашу о мощномъ покровительствѣ противу явной на меня непріязненности. Независѣвшими отъ меня обстоятельствами имѣлъ я нещастіе навлечь на себя неблаговоленіе не только самого господина ректора Стойковича, но и нѣкоторыхъ изъ благопріятствующихъ ему иноземныхъ сочленовъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. И хотя сверхъ ихъ чаянія, Ваше Сіятельство изволили усмотрѣть справедливость моего дѣла и соотвѣтственно правосудію своему учинили оному рѣшеніе, однакожъ господинъ ректоръ, вѣдая, что я въ ожиданіи сего лишь здѣсь проживаю, имѣя въ намѣреніи дѣлать мнѣ волокиту и притѣсненіе, не только не объявляетъ мнѣ официально самъ Вашего Сіятельства по моему дѣлу предписаніи, но даже въ присутствіи всего совѣта отказалъ принять отъ меня просьбу о выдачѣ мнѣ съ онаго на законномъ основаніи копіи, увѣряя, что я въ свое время удовлетворенъ буду. А наконецъ господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ, безъ сомнѣнія, по внушенію господина же ректора, не открывая впрочемъ о причинѣ, объявилъ мнѣ, что онъ просимой мною копіи никакъ не выдастъ, хотя то опредѣлено уже было въ двукратномъ засѣданіи совѣта. Осмѣливаясь нынѣ принести Вашему Сіятельству всенижайшее мое прошеніе о принятіи меня въ службу по учебной части, прошу всепокорнѣйше купно и о томъ, чтобы угодно было Вашему Сіятельству предписать въ совѣтъ Императорскаго Харьковского университета съ упомянутаго по моему дѣлу вашего рѣшенія выдать мнѣ, по моей надобности, полную и точную копію за скрѣпною оной какого-либо изъ русскихъ профессоровъ, дабы въ невѣрности ея съ подлинникомъ нельзя было потомъ отговариваться совершеннымъ своимъ невѣденіемъ Россійскаго языка, по причинѣ котораго господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ писцомъ легко обмануть быть можетъ.

Безпредѣльно упоенъ удивленіемъ къ великимъ качествамъ и преисполненъ упованія на великодушное челоѣколюбіе и правосудіе Сіятельнѣйшей особы вашей, я повергаюсь предъ оною съ благоговѣніемъ. Харьковъ, 1813 г., мая 30 числа. Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивѣйшаго моего государя всенижайшій слуга Григорій Хлапонинъ“¹⁾.

Но неудачи преслѣдовали Хлапонина и послѣ того, какъ онъ выдержалъ свой докторскій экзаменъ. До 1813 г. онъ числился въ купеческомъ званіи въ Курскѣ; въ этомъ же году, по случаю отлучки въ Казань и другія мѣста, не объявилъ во время гильдіи и записанъ былъ въ мѣщане. Между тѣмъ для полученія докторскаго диплома, ему нужно было выйти изъ податнаго званія. Послѣ многихъ хлопотъ мѣщанское общество согласилось уволить его въ виду того, что раньше онъ былъ купцомъ, а теперь далъ выкупъ за себя въ размѣрѣ 2000 р. Но нужно было еще, чтобы сенатъ утвердилъ это увольненіе; и вотъ Хлапонинъ подаетъ на Высочайшее имя прошеніе слѣдующаго содержанія.

„Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемиловитѣйшій! Просить бывшій курскій мѣщанинъ Григорій Семеновъ сынъ Хлапонинъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1. По окончаніи мною слушанія разныхъ наукъ, подвергалъ я себя въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ для полученія степени доктора философическихъ наукъ публичному испытанію, именно во всѣхъ частяхъ философіи, въ естественномъ правѣ, латинской словесности, въ физикѣ, въ математикѣ, въ россійской словесности, въ россійской исторіи, географіи и статистикѣ, и въ исторіи, географіи и статистикѣ всеобщей. По совершеніи испытанія найденъ оной ученой степени доктора философическихъ наукъ достойнымъ, о чемъ и дано мнѣ изъ департамента господина Министра народнаго просвѣщенія свидѣтельство.

2. По сему просилъ я Его Сіятельство господина Министра народнаго просвѣщенія, Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго удостоить меня къ полученію ученой сей степени; по каковому случаю Его Сіятельство изволилъ предписать совѣту Императорскаго Харьковскаго университета, чтобы оный объявилъ мнѣ, и объявлено, что званія доктора, котораго получить я желаю, не прежде могу быть удостоенъ, какъ по увольненіи меня обществомъ изъ своего званія и утвержденіи увольненія того Правительствующимъ Сенатомъ; по сему Его Сіятельства

¹⁾ Въ это самое время ректоръ Стойковичъ послалъ извѣстный уже намъ доносъ министру на Хлапонина, Шада и Роммеля (стр. 348—349).

предписанію получилъ я изъ Курской градской шестигласной думы прошлаго 1813 года октября 25 числа увольнительное о исключеніи меня изъ общества Курскаго мѣщанства свидѣтельство, которое въ подлинникѣ представлено отъ меня въ департаментъ министерства просвѣщенія и оное въ немъ оставлено, мнѣ же дана засвидѣтельствованная съ него копія. Но какъ по предписанію Его Сіятельства безъ утвержденія отъ Правительствующаго Сената о исключеніи меня изъ мѣщанства получить достоинство доктора не могу, то прошу всеподданнѣйше, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе Правительствующаго Сената въ 1-мъ департаментѣ принять, и по приложеннымъ у сего, съ отношенія Его Сіятельства графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго въ совѣтъ Императорскаго Харьковского университета съ свидѣтельства даннаго мнѣ изъ Курской шестигласной думы, что я изъ Курскаго мѣщанства исключенъ и уволенъ засвидѣтельствованнымъ копіямъ и по подлинному свидѣтельству изъ департамента господина Министра народнаго просвѣщенія, соотвѣственно Его Сіятельства предписанію, какъ уже я болѣе не состою ни въ какомъ подушномъ окладѣ и изъ онаго исключенъ и уволенъ, утвердить оное рѣшеніемъ и опредѣленіемъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, что къ полученію мнѣ степени доктора никакого препятствія болѣе не настоятъ, о чемъ и дать знать указомъ Его Сіятельству, а мнѣ съ опредѣленія выдать за скрѣпую копію, приложенныя же при семъ съ отношенія Его Сіятельства въ Императорской Харьковской университетъ съ свидѣтельства изъ Курской шестигласной думы, что я изъ подушнаго оклада исключенъ и уволенъ, засвидѣтельствованныя копіи, и подлинное свидѣтельство, данное мнѣ изъ департамента господина Министра народнаго просвѣщенія, оставя съ оныхъ при дѣлѣ копіи, возвратить мнѣ съ роспискою.

Всемиловѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Января 1814 г., къ подаію надлежитъ Правительствующаго Сената въ 1-й департаментъ. Прошеніе сочинялъ и переписывалъ и къ оному руку приложилъ я самъ бывшій Курской мѣщанинъ Григорій Семеновъ сынъ Хлапонинъ.

Въ концѣ концовъ впрочемъ старанія Хлапонина увѣнчались успѣхомъ и онъ получилъ желанный докторскій дипломъ, на которомъ по латыни было написано слѣдующее.

„Да будетъ сіе по волѣ верховнаго Существа счастливымъ и благоприятнымъ. Въ царствованіе и подъ высокимъ покровительствомъ Его Величества Государя Императора Александра перваго и проч. и проч. и проч. при министрѣ народнаго просвѣщенія дѣйствительнымъ тай-

номъ совѣтникѣ, членѣ Государственнаго Совѣта и орденовъ Св. Владиміра перваго класса и Св. Александра Невскаго кавалерѣ графѣ Алексѣѣ Кириловичѣ Разумовскомъ;—при попечителѣ Харьковскаго университета тайномъ совѣтникѣ, сенаторѣ, дѣйствительномъ камергерѣ, высшаго училища правленія членѣ и орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра втораго класса и обоихъ польскихъ кавалерѣ графѣ Северинѣ Осиповичѣ Потоцкомъ;—при ректорѣ университета коллежскомъ совѣтникѣ докторѣ философіи, чистой математики и ордена Св. Владиміра 4-й степени кавалерѣ Тимофѣѣ Федоровичѣ Осиповскомъ; съ согласія конференціи университета, на основаніи опредѣленія нравственно-политическаго факультета, коллежскій совѣтникъ, теоретической и практической философіи публичный ординарный профессоръ, Енскаго минералогическаго общества почетный членъ, деканъ Іоаннъ Шадъ почтеннѣйшему мужу Григорію Хлапониному, которой при обыкновенныхъ испытаніяхъ въ философскихъ наукахъ превосходныя свѣдѣнія показаль, степень, отличія и преимущества доктора философіи іюня въ 25-й день 1814-го далъ, въ чемъ и удостовѣрлетъ этотъ утвержденный печатію университета дипломъ. На подлинномъ: ректоръ Тимофей Осиповскій ¹⁾.

Съ такими затрудненіями прошло дѣло о докторской степени Хлапонины, хотя этотъ послѣдній получилъ ее повидимому заслуженно. Изъ представленныхъ выше документовъ можно убѣдиться, что деканъ этико-политическаго отдѣленія проф. Шадъ позволилъ себѣ здѣсь не мало отступленій отъ буквы устава и руководствовался главнымъ образомъ обычаями, установившимися въ заграничныхъ, европейскихъ университетахъ, гдѣ была степень доктора философіи потому, что былъ особый философскій факультетъ. Составленіе факультетскихъ протоколовъ велось, какъ мы видѣли, вообще небрежно; тоже было повидимому и въ данномъ случаѣ. Хлапонинъ, судя по всѣмъ даннымъ, пріобрѣлъ широкую ученую подготовку, хотя и не по всѣмъ предметамъ факультетскаго преподаванія. Не прослушавъ полнаго университетскаго курса, пріобрѣвъ свою начитанность главнымъ образомъ изъ книгъ и пособій, а не изъ профессорскихъ лекцій, онъ, естественно, обладалъ очень неровными познаніями: по однимъ предметамъ, въ особенности философскимъ, онъ былъ подготовленъ основательнѣе, чѣмъ этого требовала программа, по другимъ у него были серьезныя пробѣлы. Онъ согласился подвергнуть себя испытанію изъ наукъ, читавшихся на словесномъ и математическомъ факультетахъ, но за то не экзаменовался изъ многихъ предметовъ этикополитическаго отдѣленія. Такое положеніе вещей давало сильное оружіе въ руки лицъ, дурно настроенныхъ про-

¹⁾ Архивъ Министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло 5977, картонъ 158.

тивъ него. Къ этому присоединилась еще ожесточенная борьба партій въ факультетѣ и совѣтѣ. Хлапонина проводилъ Шадъ, имѣвшій, какъ мы знаемъ, много враговъ и ведшій тогда войну не на животь, а на смерть съ ректоромъ Стойковичемъ. Этотъ послѣдній не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы повредить своему сопернику въ глазахъ министерства. Отсюда доносы въ Петербургъ и извѣтъ адъюнкта Болгаревскаго, который имѣлъ личное столкновение съ Хлапонинымъ (о немъ мы будемъ говорить въ 7-й главѣ своего изслѣдованія). Эти же доносы побудили и самаго Хлапонина вступить въ непосредственную переписку съ министерствомъ и побивать своихъ противниковъ ихъ же оружіемъ. Такъ въ одномъ письмѣ онъ, какъ мы видѣли, прямо обвиняетъ Стойковича въ вымогательствѣ денегъ. Непріятное впечатлѣніе производитъ теперь на насъ слишкомъ униженный тонъ писемъ Хлапонина; но онъ былъ въ нравахъ того времени, такъ же точно какъ и вообще искательства у сильныхъ міра сего.... Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что Хлапонинъ принадлежалъ къ кунеческому званію, а въ послѣдній годъ былъ зачисленъ даже въ мѣщанское сословіе, которое согласилось его выпустить изъ своихъ рукъ только за весьма значительный выкупъ. Во всякомъ случаѣ, про Хлапонина нельзя сказать, чтобы онъ приобрѣлъ свой докторскій дипломъ посредствомъ взятки—онъ добросовѣстно готовился къ испытанію и выдержалъ его довольно удовлетворительно. Его врагъ адъюнктъ Болгаревскій представилъ къ нему только обвиненіе въ дружескомъ приѣмѣ профессоровъ съ женами; значить ничего кромѣ этого и не было; иначе онъ, конечно, указалъ бы на это. Докторская диссертация Хлапонина была напечатана; если бы она представляла изъ себя такой плагиатъ, какъ диссертации Гриневича и Ковалевскаго, то, конечно, на это указали бы въ совѣтѣ или печатно; но этого не случилось.

Съ большими же затрудненіями прошло и дѣло о докторской степени Дегаля, о которомъ мы раньше привели отзывы Роммеля и Розальонъ-Сошальскаго. Уже на первомъ пробномъ предварительномъ испытаніи одинъ изъ экзаменаторовъ, проф. Срезневскій, поставилъ Дегаю отмѣтку *mediocriter* и потребовалъ, чтобы онъ рѣшилъ еще и письменные вопросы. Дѣло происходило въ сентябрѣ 1813 года; экзаменаторами были Дегуровъ и Срезневскій; вмѣстѣ съ Дегаемъ экзаменовались Титаревъ и Кеплентъ, добивавшіеся впрочемъ степени магистра и получившіе одинъ *optime*, другой *satis bene*; въ засѣданіи присутствовалъ также и ректоръ. Деканъ факультета Швейкартъ заявилъ въ отвѣтъ на требованіе проф. Срезневскаго, что оно не предусмотрено уставомъ и потому должно пойти на разрѣшеніе совѣта; онъ же съ своей стороны

находить, что его не слѣдуетъ исполнять ни съ точки зрѣнія формы, ни по существу; кандидатъ не мальчикъ — и его нельзя подвергать испытанію въ правописаніи, съ другой стороны отъ будущаго юриста едва ли можно требовать обязательно и изящества стили. Дѣло окончилось тѣмъ, что Дегай написалъ, по предложенію профессора Срезневскаго и въ его присутствіи, въ доказательство своего знанія русскаго языка письменный отвѣтъ и былъ допущенъ послѣ этого къ экзамену, который происходилъ 6 ноября 1813 г. въ присутствіи членовъ факультета—Швейкарта, Шада, Ланга, Успенскаго, Роммеля, Рейта, Павловича и двухъ депутатовъ отъ совѣта—Шумлянскаго и Дегурова. Изъ основныхъ предметовъ—политической экономіи и финансоваго права онъ вытянулъ слѣдующіе вопросы: 1) *quid est oeconomia politica, quid sunt indigentiae, quatenus adaugetur labor classis physicae vel technicae per majora tributa?* Отвѣчалъ *bene*. По русскому праву (у проф. Успенскаго) ему попался билетъ о преступленіяхъ противъ чести—и онъ отвѣтилъ *optime*. За тѣмъ былъ сдѣланъ перерывъ и послѣ него онъ взялъ другой билетъ по тому же русскому праву—объ обязанностяхъ и источникахъ ихъ вообще; о договорахъ и контрактахъ; получилъ *bene*. Сверхъ того онъ экзаменовался еще изъ естественнаго права у проф. Ланга—*„de jure cogendi, de pactis, de principiis legislationis criminalis“*—и получилъ *bene*, изъ римскаго права (по латыни) у проф. Швейкарта—*„de obligationibus, de rerum divisione, de dominio, usucaptionibus et servitutibus“*—и получилъ *bene*. Продолженіе экзамена назначено было на 8 ноября; въ этотъ день онъ экзаменовался у проф. Рейта изъ общаго публичнаго народнаго права германскаго и великобританскаго (отвѣчалъ *bene*), у проф. Шада изъ логики по латыни—*„quid est definitio, et divisio et quatenus sunt regulae utriusque“* (отвѣчалъ удовлетворительно), у проф. Успенскаго по русскому праву — 1) о раздѣленіи правъ російскихъ и о способахъ ихъ приобрѣтенія, 2) о порядкѣ производства дѣлъ судныхъ и вотчинныхъ (отвѣчалъ *bene* и *optime*), у проф. Ланга изъ политики—*„quasnam notiones sibi Regimen comparare debet“* (отвѣчалъ *optime*), у проф. Роммеля по римской литературѣ на латинскомъ языкѣ (отвѣчалъ *bene*). По окончаніи этого устнаго испытанія Дегай долженъ былъ написать письменные отвѣты на слѣдующія темы (по политической экономіи, финансовому праву, русскому праву): 1) *Quale remedium est adhibendum contra diminutionem valoris commutativi pecuniae fiducariae?* 2) *Explicitur casus, quo classis physica, et casus, quo classis technica omnia tributa pecuniaria solvat;* 3) о ходѣ російскаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до государя императора Петра I; 4) о бракахъ, принадлежностяхъ и слѣд-

ствіяхъ его; о взаимномъ отношеніи родителей и дѣтей. Отвѣты эти Дегай долженъ былъ написать въ помѣщеніи университета подѣ наблюдѣніемъ адъюнкта Павловича 10 ноября. Протоколъ подписали всѣ присутствовавшіе, но проф. Шада съ оговоркою, что онъ имѣетъ особое мнѣніе на счетъ формы, по которой происходилъ экзаменъ; депутаты отъ совѣта подписались отдѣльно. Особое мнѣніе проф. Шада состояло въ слѣдующемъ. По билетамъ экзаменовали Дегаю только изъ политической экономіи и русскаго права; изъ другихъ же предметовъ факультетскаго преподаванія ему предлагались вопросы самими экзаменаторами, вопреки требованію 98 § устава и недавнему рѣшенію совѣта. Въ совѣтѣ профессора Швейкартъ и Лангъ общались производить экзаменъ Дегаю на латинскомъ языкѣ; однако всѣ профессора этикополитическаго отдѣленія спрашивали его на другихъ языкахъ, исключая декана, который по римскому праву производилъ экзаменъ на латинскомъ языкѣ. И это отступленіе было сдѣлано вопреки постановленію совѣта и не взирая на то, что самому Дегаю на кандидатскомъ экзаменѣ было разрѣшено отвѣчать по французски только подѣ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что онъ будетъ употреблять латинскій языкъ на магистерскомъ или докторскомъ экзаменѣ. Въ совѣтѣ было рѣшено, чтобы письменные отвѣты писались магистрантами и докторантами по латыни; между тѣмъ деканъ предложилъ Дегаю написать два отвѣта по французски и два по русски. По окончаніи устныхъ отвѣтовъ деканъ долженъ былъ только опросить присутствующихъ, признаютъ ли удовлетворительными отвѣты экзаменовавшагося, и можно ли его допустить къ дальнѣйшимъ испытаніямъ; между тѣмъ тогда же безъ всякой нужды за 2 дня до экзамена были назначены темы для письменныхъ испытаній и могли такимъ образомъ сдѣлаться извѣстными экзаменуемому. Замѣчанія эти были поданы Шадомъ ректору съ просьбою сообщить ихъ декану этикополитическаго отдѣленія. Это заявленіе Шада вызвало со стороны факультета замѣчаніе или правильнѣе выговоръ, который онъ не оставилъ безъ вниманія, а вошелъ съ жалобой по этому поводу въ совѣтъ. Въ одной бумагѣ оскорбленный Шадъ спрашиваетъ, какимъ образомъ факультетъ могъ ему сдѣлать выговоръ за отдѣльное мнѣніе, которое онъ имѣлъ право высказать по закону, хотя бы даже оно съ точки зрѣнія другихъ членовъ факультета было и неправильно; онъ недоумѣваетъ, почему не выслушали его объясненій, когда всегда и вездѣ выслушиваютъ обвиняемаго, прежде чѣмъ произнести надъ ними приговоръ. Я профессоръ, говоритъ онъ, членъ факультета. И я не только имѣю право по закону, но даже обязанъ высказывать свое мнѣніе въ тѣхъ случаяхъ, когда факультетомъ что-либо дѣлается противное формѣ, предписанной закономъ.

Нужно замѣтить, что еще въ началѣ 1813 г. происходили ожесточенные споры въ факультетѣ и совѣтѣ по поводу допущенія Дегаля къ докторскому экзамену. 24 марта состоялось засѣданіе факультета, въ которомъ деканъ Швейкартъ просилъ допустить къ докторскому экзамену кандидата Дегаля, добавивъ при этомъ, что предварительное испытаніе онъ произвелъ уже вмѣстѣ съ проф. Лангомъ и Успенскимъ. Проф. Шадъ замѣтилъ, что это послѣднее не можетъ быть признано законнымъ, такъ какъ на немъ, согласно требованію устава, должны были присутствовать два профессора вспомогательныхъ предметовъ, а ихъ не было. Проф. Лангъ и Швейкартъ возражали на это, что Дегай экзаменовался изъ этихъ вспомогательныхъ предметовъ уже при полученіи степени кандидата и что также точно велось предварительное испытаніе въ деканство Шада докторантовъ Гессъ-де-Кальве, Хлапковина и нѣкоторыхъ магистровъ. Проф. Роммель потребовалъ, чтобы этотъ вопросъ былъ переданъ на рѣшеніе совѣта. Экзаменъ былъ все-таки назначенъ на 30-е марта. Проф. Шадъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ замѣчаній по поводу этого протокола. Тутъ онъ удивлялся между прочимъ, почему въ немъ опущено было чрезвычайно важное мнѣніе адъюкта Павловича, который указывалъ на краткость времени, употребленнаго Дегаемъ для штудированія юриспруденціи и на крайне недостаточное знаніе имъ латинскаго языка; протоколъ засѣданія по такому важному дѣлу, какъ настоящее, долженъ былъ отличаться по его мнѣнію, полнотою отъ юриста зависить безопасность гражданъ, какъ отъ медика ихъ здоровье; поэтому на западѣ къ испытанію на степень доктора правъ относятся также строго, какъ и къ экзамену на званіе доктора медицины; а между тѣмъ въ протоколъ не внесено также и мнѣніе проф. Роммеля, который предлагалъ допустить Дегаля только къ магистерскому испытанію. Въ отвѣтъ на возраженіе, сдѣланное ему деканомъ, проф. Шадъ только изумлялся, какъ юристы могъ сослаться въ оправданіе себя на такіе случаи, гдѣ дѣйствовали не на основаніи закона, и при этомъ прибавлялъ, что и самая ссылка проф. Швейкарта ложна, ибо въ его, Шада, деканство предварительныя испытанія велись вовсе не такъ, какъ это устроено было теперь. Въ отвѣтъ проф. Лангу Шадъ замѣтилъ, что требованіе 97 § устава относится и къ постороннимъ лицамъ, и къ кандидатамъ университета, а слѣдовательно и къ Дегаю. 27 марта совѣтъ разрѣшилъ кандидату Дегаю подвергнуться докторскому испытанію и назначилъ депутатами отъ себя проф. Шумлянского и Нельдехена, а 28 марта проф. Шадъ уже представилъ особое мнѣніе по этому вопросу и въ немъ привелъ доводы противъ такого разрѣшенія. Между прочимъ онъ указывалъ, что предварительный

экзаменъ былъ незаконенъ, ссылаясь на мнѣніе адъюнкта Павловича, который на основаніи своихъ соображеній возражалъ противъ допущенія Дегай къ экзамену. Тогда же представилъ свои возраженія въ совѣтъ и проф. Гизе. Онъ ссылаясь на незаконность предварительнаго испытанія (ибо оно было ведено съ нарушеніемъ требованій устава), и указывалъ на то, что Дегай работалъ по юриспруденціи для экзамена всего нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ заграничныхъ университетахъ обыкновенно для этого требуются годы; обращалъ вниманіе онъ и на незнаніе Дегаемъ латинскаго языка, что было извѣстно, по его словамъ, не только совѣту, но и публикѣ, между тѣмъ языкъ этотъ рѣшительно необходимъ для юриста; наконецъ, высказывалъ опасеніе, что допущеніе Дегай къ докторскому экзамену вызоветъ справедливыя нареканія другихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые болѣе его достойны были бы получить эту степень, а между тѣмъ по скромности своей не добиваются этого.

Эти особыя мнѣнія были доложены въ совѣтскомъ засѣданіи 2 апрѣля. Вслѣдъ за этимъ прочитано было и возраженіе на нихъ декана Швейкарта. Въ своемъ возраженіи этотъ послѣдній разобралъ по пунктамъ всѣ доводы своихъ противниковъ. Говорятъ, что „кандидатъ Дегай недостаточно подготовленъ къ экзамену“; но откуда это извѣстно? Я произвелъ ему, замѣчаетъ проф. Швейкартъ, предварительное испытаніе—и убѣдился въ противномъ; я перечиталъ протоколы, его кандидатскаго экзамена, происходившаго въ концѣ 1811 г., и увидѣлъ, что онъ экзаменовался у проф. Стойковича, Шада, Дегурова, Роммеля, Ланга и Успенскаго изъ математики, физики, философіи, латинской и русской литературы, всеобщей и русской исторіи, статистики, естественнаго права и политической экономіи и получилъ только съ одной математики отмѣтку—*mediocriter*, со всѣхъ же остальныхъ предметовъ—*beve*, *optime* и *eminenter*. Говорятъ, что онъ недостаточно занимался юриспруденціей. Если бы кандидаты правъ не экзаменовались изъ математики, физики, философіи, они имѣли бы больше времени на подготовку по юриспруденціи; но Дегай однако работалъ усердно и по этому отдѣлу и между прочимъ слушалъ у меня, послѣ пріѣзда моего изъ заграницы, лекціи по римскому праву. Говорятъ, что онъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ долженъ былъ работать по юриспруденціи; но онъ въ теченіе почти 5 лѣтъ занимался естественнымъ правомъ и политической экономіей! Говорятъ, что онъ нескромно домогается высшей ученой степени; но онъ ищетъ только того, что согласно съ нашими уставами. Говорятъ, что послѣ этого будутъ заявлять претензію не только лица, стоящіе выше Дегай, но и тѣ, которыхъ будетъ увлекать пустое самолюбіе; но та-

нихъ лицъ просто полезно было бы засадить въ карцеръ на нѣсколько дней. Говорятъ, что онъ не знаетъ латинскаго языка; но онъ его знаетъ, только не въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это потребовалось бы отъ доктора словеснаго отдѣленія. Онъ доказалъ мнѣ, что понимаетъ латинскихъ писателей, исключая, быть можетъ, однихъ поэтовъ. Изъ тѣхъ предметовъ, которые ему преподавались по латыни (латинской словесности, философіи, римскаго и общественнаго права) онъ отвѣчалъ по латыни; и ему можно не ставить въ вину то, что онъ изъ политической экономіи и естественнаго права отвѣчалъ по французски. Говорятъ, что депутаты были просто назначены совѣтомъ, а не избраны по баллотировкѣ; но удивительно, какъ оппоненты указываютъ теперь на то, чѣмъ постоянно пренебрегали. Говорятъ, что предварительное испытаніе не законно, ибо на немъ не присутствовали преподаватели вспомогательныхъ предметовъ. И что же? Когда въ факультетѣ зашла рѣчь о приглашеніи на экзаменъ проф. Успенскаго, то проф. Шадъ отклонялъ это въ виду того, что онъ не принадлежитъ къ составу этическоеполитическаго отдѣленія; когда же я указалъ, что уставъ требуетъ только, чтобы это былъ преподаватель вспомогательной науки, то проф. Шадъ опять сталъ возражать противъ этого, но уже потому что проф. Успенскій читаетъ будто бы главный предметъ; на самомъ же дѣлѣ онъ преподаетъ вспомогательный. Ректоръ поставилъ на рѣшеніе совѣта вопросъ о допущеніи или недопущеніи Дегаля къ экзамену и получилъ въ огромномъ большинствѣ положительные отвѣты; характерны нѣкоторые изъ нихъ. Дедуровъ подробно разобралъ возраженія Шада и Гизе и пришелъ къ заключенію, что они не состоятельны; къ нему присоединились Нельдекенъ и Ваннотт. Срезневскій считалъ невозможнымъ допустить Дегаля къ экзамену, въ виду какихъ то слуховъ (fama). Осиповскій заявилъ, что онъ лично всегда стоялъ и теперь стоитъ за послѣдовательное полученіе академическихъ степеней (т. е. сначала магистра, а потомъ уже доктора) и за нѣсколько лѣтнюю подготовку къ нимъ; но такъ какъ министръ разъяснилъ III § устава въ томъ смыслѣ, что каждый можетъ сразу добиваться высшей ученой степени, минуя низшую, то онъ соглашается на допущеніе Дегаля къ экзамену. Къ этому мнѣнію присоединился и проф. Делявинъ. Ректоръ (Стойковичъ) высказался рѣшительно въ пользу экзамена. Проф. Шадъ заявилъ, что такъ какъ онъ считаетъ свои соображенія противъ экзамена очень серьезными и такъ какъ тутъ дѣло идетъ, по его мнѣнію, о доброй славѣ университета, то онъ считаетъ необходимымъ, чтобы дѣло это было перенесено въ полномъ его видѣ на предварительное разсмотрѣніе г. министра. Гизе присоединился къ этому предложенію Шада, а Дрейсигъ выразилъ свою

солидарность съ особымъ мнѣніемъ Гизе. Вопросъ этотъ поставленъ былъ на рѣшеніе членовъ совѣта, причемъ Дрейсигъ и Срезневскій высказались въ пользу Шада, а остальные противъ. Рѣшено было допустить Дегаю къ экзамену; депутатами отъ совѣта избраны были по баллотировкѣ проф. Шумлянскій и Дегуровъ; день испытанія долженъ былъ назначить этикополитическій факультетъ. 4-го апрѣля состоялось засѣданіе факультета. Здѣсь проф. Шадъ заявилъ, что онъ не будетъ подавать голоса въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ переносить его на апелляцію министра. Успенскій прочиталъ выдержку изъ регламента, изъ коей выводилъ заключеніе, что дѣло это должно быть передано въ виду разногласія на рѣшеніе министра. Тѣмъ не менѣе факультетъ назначилъ экзаменъ на 7 апрѣля. На протоколѣ этого засѣданія Шадъ написалъ особое мнѣніе, въ которомъ рѣзко порицалъ декана за неполныя и ложныя извѣстія о засѣданіи и опять повторялъ, что не можетъ дать своей подписи, во 1-хъ, потому что апеллируетъ къ министру, а во 2-хъ, и потому еще, что рѣчь идетъ о дарованіи Дегаю степени доктора политическихъ наукъ и экзаменѣ изъ этихъ послѣднихъ, что по его мнѣнію незаконно. 7 апрѣля Швейкартъ обратился въ совѣтъ съ жалобою на оскорбительныя выраженія Шада, допущенныя имъ при подписи факультетскаго протокола. 9-го апрѣля Швейкартъ сообщилъ совѣту, что кандидатъ Дегай, въ виду ссылки проф. Успенскаго на регламентъ, просилъ отложить его экзаменъ до болѣе удобнаго времени. Дегай вторично подвергся предварительному испытанію и потомъ уже только 6 ноября 1813 г., какъ мы видѣли, держалъ докторскій экзаменъ, который былъ признанъ факультетомъ удовлетворительнымъ. Но проф. Шадъ и тутъ не успокоился. 10 ноября онъ написалъ ректору письмо, въ которомъ отмѣтилъ нарушенія правилъ во время экзамена Дегай; вопросы по билетамъ были взяты имъ только изъ политической экономіи и русскаго права, изъ остальныхъ же предметовъ ему предлагались вопросы по желанію экзаменаторовъ, что противорѣчитъ 98 § устава. Отвѣчалъ Дегай только изъ одного римскаго права у декана по латыни, изъ всѣхъ же остальныхъ предметовъ на другихъ языкахъ, вопреки недавнему рѣшенію совѣта и прямому требованію, которое было объявлено ему экзаменаторами еще на кандидатскомъ экзаменѣ, гдѣ онъ отвѣчалъ по французски; вопреки совѣтскому постановленію Дегаю предложено было написать и письменные отвѣты не полатыни, а по французски и по русски; деканъ допустилъ Дегаю къ нимъ, не спросивъ членовъ факультета, находятъ ли они удовлетворительнымъ его устный экзаменъ; вопросы для письменныхъ отвѣтовъ были изготовлены уже за два дня до испытанія, слѣдовательно, могли сдѣлаться извѣстными

экзаменуемому. Опроверженію этихъ возраженій было посвящено все засѣданіе факультета 11 ноября. По первому пункту (о билетахъ) было заявлено, что тутъ не было нарушенія правилъ; по второму (о латинскомъ языкѣ) — что совѣтъ разрѣшилъ Дегаю отвѣчать по русски и по французски; по третьему (о писаніи письменныхъ отвѣтовъ по латыни) — что такого рѣшенія не было въ совѣтѣ и во всякомъ случаѣ оно неизвѣстно факультету; по четвертому и пятому (о письменныхъ отвѣтахъ) — что на это согласился и самъ проф. Шадъ и что вопросы были поручены адъюнкту Павловичу, который не могъ ихъ передать Дегаю. Въ концѣ концовъ было постановлено: 1) продолжать экзаменъ Дегаю въ виду того, что доводы проф. Шада не заслуживаютъ вниманія; 2) просить совѣтъ, чтобы онъ потребовалъ у проф. Шада указанія на лицо, которое онъ подозрѣваетъ въ передачѣ вопросовъ Дегаю; 3) просить совѣтъ сдѣлать выговоръ проф. Шаду, что онъ утомляетъ ректора, депутатовъ совѣта и факультетъ своими особыми мнѣніями. По поводу этого послѣдняго пункта проф. Роммель сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: не могу подписать этого протокола, такъ какъ всякій профессоръ имѣетъ полное право высказывать устно или письменно свое мнѣніе о формѣ экзамена; считаю это постановленіе удивительнымъ (чтобы не сказать смѣшнымъ), особенно въ виду того, что оно вызвано только благоволеніемъ къ кандидату. 24-го ноября состоялось новое факультетское засѣданіе, на которомъ были признаны удовлетворительными письменные отвѣты Дегаю и назначенъ ему срокъ для трехъ лекцій; тутъ же указаны были и самыя темы лекцій, первая — „о разницѣ между римскимъ и русскимъ правомъ въ отношеніи рабовъ“ (по латыни); вторая — „о преступленіи воровства, его видахъ и наказаніяхъ по русскому праву“ (по русски); третья — „о связи между политической экономіей и искусствомъ собирать общественные доходы и управлять ими (по французски). Конецъ засѣданія былъ посвященъ обсужденію факультетскаго постановленія о выговорѣ проф. Шаду; вопросъ объ этомъ возбудилъ проф. Роммель (самъ Шадъ ушелъ раньше изъ засѣданія подъ предлогомъ лекціи); онъ предложилъ исключить изъ предъидущаго протокола параграфъ о выговорѣ Шаду. Факультетъ постановилъ пригласить въ засѣданіе проф. Шада, который явился и объяснилъ, что онъ не хотѣлъ оскорбить факультетъ и никого не подозрѣваетъ въ передачѣ вопросовъ Дегаю. Рѣшено было все-таки отослать особое мнѣніе Шада и возраженіе на него факультета въ совѣтъ. 26 ноября Шадъ явился въ совѣтъ бумагу, въ которой горячо возставалъ противъ оскорбительнаго и несправедливаго, по его словамъ, постановленія факультета о выговорѣ; онъ указывалъ, что, выступая съ отзывомъ о неправильностяхъ,

допущенныхъ при экзаменѣ Дегай, онъ только пользовался своимъ правомъ; остальные члены факультета могли имѣть противоположный взглядъ на дѣло; но кто далъ имъ право, говорить Шадъ, осудить меня, не выслушавъ даже моихъ оправданій? Въ виду этого я требую, чтобы все это дѣло было передано на разрѣшеніе совѣта и чтобы до этого времени былъ отложенъ и экзаменъ Дегай. Совѣтъ возвратилъ Шаду его бумагу, потому что факультетъ не вошелъ съ представленіемъ о выговорѣ ему. Но два дня спустя Шадъ обратился съ новой просьбой, въ которой настаивалъ на томъ, чтобы его доводы о незаконности экзамена Дегай были рассмотрѣны въ совѣтѣ, чтобы до тѣхъ поръ былъ отсроченъ самый экзаменъ этого кандидата и чтобы наконецъ члены совѣта высказали свое мнѣніе по вопросу о выговорѣ, о которомъ ходатайствовалъ факультетъ; мотивъ, по которому не была принята его прежняя бумага, онъ не считалъ достаточнымъ, потому что этикополитическій факультетъ могъ вовсе не представлять въ совѣтъ того протокола, которымъ нанесено ему, Шаду, жестокое оскорбленіе. Каковъ былъ отвѣтъ на это, мы не знаемъ. Извѣстно только, что Дегай былъ допущенъ все-таки къ чтенію публичныхъ лекцій на темы, указанные факультетомъ; первыя двѣ были прочитаны, въ присутствіи факультета и депутатовъ отъ совѣта, 13 и 16 декабря, признаны удовлетворительными, равно какъ и классное упражненіе, и диссертация и потому факультетъ постановилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ о дарованіи ему степени доктора правъ. Проф. Шадъ воздержался отъ подачи голоса. Протоколъ подписали—деканъ Швейкартъ, Успенскій, Лангъ, Рейтъ и адъюнктъ Павловичъ (секретарь факультета) ¹⁾. Дегай, очевидно, получилъ докторскій дипломъ.

Представленные нами официальные данныя не даютъ основанія къ выводу о подкупѣ, о взяткахъ экзаменаторовъ (о чемъ говорить, какъ мы знаемъ, Роммель); но и они свидѣтельствуютъ, что Дегаю были сдѣланы различныя льготы и послабленія (напримѣръ, относительно латинскаго языка). Роммель рассказываетъ, что взятка, предложенная ему Дегаемъ, очутилась потомъ въ рукахъ одного изъ его русскихъ коллегъ. Но въ данномъ случаѣ и партія защитниковъ, и партія противниковъ состояла какъ изъ иноземныхъ, такъ и изъ русскихъ профессоровъ. Самымъ яркимъ противникомъ Дегай, подъ часъ единственнымъ представителемъ оппозиціи былъ Шадъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и

¹⁾ Всѣ эти данныя мы почерпнули изъ дѣла совѣта о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813 г. № 52; тутъ помѣщены копіи факультетскихъ и совѣтскихъ протоколовъ, и отдѣльныя мнѣнія Шада и его противниковъ — все это на латинскомъ яз. (Харьк. универс. архивъ).

главнымъ защитникомъ его были деканъ и секретарь факультета Швейкартъ и Лангъ. Можно впрочемъ думать, что Шадамъ въ этомъ дѣлѣ руководили не столько общественныя побужденія (забота о доброй славѣ университета), сколько личные мотивы: несомнѣнно, что онъ сводилъ тутъ счеты съ Швейкартомъ, смѣнившимъ его на деканствѣ; несомнѣнно, что онъ мстилъ тутъ за тѣ затрудненія, которыя ставились ему на экзаменѣ Хлапонина.

Кеппенъ экзаменовался на степень магистра правъ въ факультетскомъ засѣданіи 28 ноября 1813 г. въ присутствіи депутатовъ отъ совѣта проф. Гизе и Срезневскаго. Изъ политической экономіи ему достался вопросъ „объ элементахъ цѣны“ (отвѣчалъ bene); изъ русскаго права „о наслѣдствѣ и раздѣленіи“ (satis bene); проф. Швейкартъ предложилъ ему вопросъ „объ отличіи между правомъ на вещь и правомъ на лицо, о видахъ права на вещь“ (отвѣчалъ bene); профессору Рейту онъ отвѣчалъ „изъ законодательства новыхъ народовъ“ (bene); адъюнкту Павловичу изъ исторіи римскаго права „объ эпохѣ законодательства отъ Константина Вел. до Юстиніана“ (bene), ему же изъ римскаго права „о законности“ (bene); проф. Лангу изъ естественнаго права (bene). Экзаменъ продолжался и послѣ обѣда. Въ виду отсутствія проф. Шада былъ приглашенъ лекторъ Дудровичъ, который предложилъ Кеппену изъ логики вопросъ — „что такое сужденіе, въ чемъ разница между сужденіемъ и умозаключеніемъ, о видахъ силлогизмовъ“ (отвѣчалъ bene). По окончаніи устнаго испытанія онъ приступилъ къ письменному: ему заданы были двѣ задачи—одна изъ политической экономіи, другая изъ русскаго права. Первую онъ разрѣшилъ, а вторую не окончилъ по домашнимъ обстоятельствамъ; въ виду этого рѣшено было предложить ему другую тему (по русскому праву) но и за нее онъ получилъ только mediocriter, хотя все-таки былъ допущенъ къ чтенію пробной лекціи. Тема лекціи была „о препятствіяхъ, которыя встрѣчаютъ политико-экономическія наставленія относительно культуры полей“. Лекція была признана удовлетворительной. Одобрена была и его диссертация „о возвращеніи убытковъ, нанесенныхъ во время войны наступающимъ государствомъ“. Въ засѣданіи 16 декабря факультетъ постановилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ о дарованіи Кеппену магистерской степени. Титаревъ отвѣчалъ у проф. Успенскаго по русскому праву „о государственныхъ преступленіяхъ“ (bene), у проф. Ланга по наукамъ политическимъ „о занятіяхъ промышленнаго класса“ — (optime), у лектора Дудровича „объ элементахъ воспріятій, ихъ категоріяхъ, дѣленіи, опредѣленіи, сходствѣ и различіи“ (bene), у проф. Швейкарта „о различіи между правомъ на вещь и личность и о видахъ права на вещи“

(bene), у профессора Ланга изъ естественнаго права „о правѣ на помѣстья и землю“ (bene), у проф. Павловича изъ исторіи и догмы римскаго права „объ эпохѣ Юстиніанова законодательства“ и о „дѣйствительныхъ контрактахъ, о защитѣ и попеченіи“ (bene), у проф. Рейта изъ исторіи новыхъ законодательствъ (bene). Пробную лекцію онъ прочиталъ на тему „о количественной и качественной стоимости“ и она была признана удовлетворительной, также точно какъ и его диссертация „о меркантильной системѣ у различныхъ народовъ“. Рѣшено было ходатайствовать о дарованіи ему магистерской степени. Депутатами отъ совѣта на магистерскій экзаменъ Гевлича были командированы проф. Каменскій и Делявинъ. Экзаменъ его на словесномъ отдѣленіи состоялся 1 апрѣля 1813 г. въ деканство Роммеля. На два вопроса, заключающихся во взятыхъ имъ билетахъ, „какую пользу должны приносить занятія древностью въ отношеніи развитія способностей, особенно изученіе древнихъ народовъ и литературъ и каковы главнѣйшія причины успѣховъ грековъ въ искусствахъ“ отвѣчалъ bene, изъ русской литературы у проф. Срезневскаго — „какимъ образомъ мы можемъ судить о качествѣ эстетическихъ произведеній“ (bene), изъ филологіи у проф. Роммеля „о римской эпической поэзіи и объ эпическихъ поэтахъ въ отдѣльности, о древностяхъ, объ исторіи и періодахъ пластическаго искусства у грековъ, о различныхъ эпохахъ въ искусствахъ“ (bene), у проф. Шада по философіи — „каковы главнѣйшія способности ума, которыя должны участвовать въ образованіи мышленія?“ (optime), у проф. Дюгурова по исторіи „каковы причины и поводы реформациі, прогрессъ ея по всей Европѣ важнѣйшія секты, вліяніе ея на человѣческій умъ и положеніе народовъ“ (optime), у проф. Чаки-де-Совиньи „какова природа поэзіи, каковы ея правила, и каковы важнѣйшіе поэты древнихъ и новыхъ народовъ“ (bene), у проф. Успенскаго по русской исторіи „каково было положеніе наукъ и искусствъ въ Россіи до Петра Вел. (satis bene). Затѣмъ ему были предложены письменные отвѣты: „слѣдствія крестовыхъ походовъ — ихъ причины, распространеніе этой всеобщей эпидеміи, ихъ количество, конецъ, вліяніе на нравы, торговлю, искусства и общественное управленіе“; о происхожденіи и развитіи украшеннаго стиля“ (последній на русскомъ языкѣ). Затѣмъ Гевличъ прочиталъ пробную лекцію и защитилъ свою диссертацию 3 мая 1813 г. на диспутѣ, который состоялся въ присутствіи проф. Роммеля, Срезневскаго адъюнкта Малиновича и профессоровъ университета. Диспутъ былъ признанъ удовлетворительнымъ.

17 и 18 іюля 1813 г. происходилъ на физико-математическомъ факультетѣ докторскій экзаменъ магистровъ Комлишинскаго и Громова.

Комлишинскому попались слѣдующіе четыре вопроса изъ математики, физики и химіи: 1) „изъяснить правила, употребляемыя при интегрированіи линейныхъ дифференціальныхъ уравненій (по русски); 2) „изъяснить дѣйствія электричества при лейденской банкѣ“ (по русски); 3) „каковы особенныя свойства металлоидовъ“ (по латыни); 4) „что можетъ быть наблюдаемо при соединеніи газовъ съ водою“ (по латыни). Затѣмъ докторантъ отвѣчалъ на вопросы, предложенные ему другими профессорами, и наконецъ написалъ 4 письменныхъ отвѣта на слѣдующія темы: 1) „природа свѣта, выведенная изъ его химическихъ особенностей“ (по латыни); 2) „объяснить дѣйствія и теорію гальваническихъ цѣпей“ (по латыни); 3) „изъяснить способъ интегрированія дифференціальныхъ уравненій первой степени посредствомъ отдѣленія измѣняемыхъ величинъ“; 4) „изъяснить законы расширенія воздухообразныхъ тѣлъ“.

Громовъ отвѣчалъ на слѣдующіе четыре билета изъ естественной исторіи (вообще), ботаники, минералогіи, химіи: 1) каковы главнѣйшіе авторы, которые писали по естественной исторіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней; 2) есть ли среди *vegetabilia* такія семейства, которыя могутъ быть названы естественными и если есть, то какія изъ нихъ самыя замѣчательныя; 3) анализъ и минералогическія свойства группы Танталеа; 4) химическій составъ различныхъ костяныхъ предметовъ. Послѣ ряда другихъ устныхъ вопросовъ, Громовъ написалъ 4 письменныхъ отвѣта на слѣдующія темы: 1) что такое нектарій, каковы различные виды его и признаки; 2) каковы важнѣйшіе признаки и особенности человѣка; 3) указать части органическихъ тѣлъ, классификацію этихъ частей и отличія; 4) минералогическое описаніе горнаго дегтя ¹⁾. Экзамены обоихъ аспирантовъ были признаны вполне удовлетворительными.

Экзаменъ на степень доктора философіи и защита диссертациі иностраннаго выходца Гессъ-де-Кальве прошли повидимому безъ затрудненій, но онъ долго не могъ получить своего диплома. Экзаменъ его происходилъ на этико-политическомъ факультетѣ въ присутствіи депутатовъ Книгина и Срезневскаго; затѣмъ онъ прочелъ три пробныхъ лекціи и защитилъ свою печатную диссертацию въ присутствіи всѣхъ членовъ университета. Диссертациія его имѣла слѣдующее заглавіе: „*Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae caractere, quam publice defendendam ad gradum doctoris philosophiae Gustavus Adolphus Hess-de-Calve. Charcoviae, typis universitatis, 1812, 32 p.*“. Въ концѣ ея мы находимъ

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813 г., № 52.

curriculum vitae автора, изъ котораго оказывается слѣдующее. Родился я, писалъ Гессъ-де-Кальве, въ Венгріи, въ Пештѣ въ 1784 г. отъ родителей, исповѣдывавшихъ католическую религію. Отецъ мой совѣтникъ и высшій управитель Богемскихъ имѣній его высочества великаго герцога Вюрцбургскаго Фердинанда живъ еще до сихъ поръ, также точно какъ и мать моя. Мнѣ шелъ 4-й годъ, когда отецъ переселился изъ Венгріи въ Прагу для управленія этими имѣніями. Отъ пятаго до седьмого года я учился въ низшей школѣ, гдѣ преподавались начальныя основанія нѣмецкаго языка и другихъ предметовъ; затѣмъ прошелъ пятилѣтній гимназическій курсъ съ латинскимъ языкомъ. По всѣмъ предметамъ (до реторики и поэзіи включительно) я получилъ высшую отмѣтку и въ послѣднемъ классѣ первую награду. Справедливость этого можетъ быть засвидѣтельствована профессоромъ Кароли и официальными данными. Въ 1798 г. я поступилъ въ университетъ и на 1-мъ философскомъ курсѣ слушалъ логику у проф. Фойгта, математику у Видры, естественную исторію у Микана, всеобщую исторію у Поклета и филологію у Мейснера. Въ 1799 г. я прошелъ первый курсъ теоретической физики подъ руководствомъ проф. Шмидта, тогда же попалъ съ кадетами въ ополченіе и участвовалъ какъ въ блестящихъ, такъ и въ несчастныхъ для Германіи сраженіяхъ противъ французовъ. Въ это время университетъ Пражскій выставилъ отрядъ изъ 800 студентовъ, и я былъ отправленъ туда въ качествѣ начальника. По заключеніи мира, этотъ отрядъ былъ распущенъ и всѣ вернулись къ своимъ занятіямъ. Такимъ образомъ, и я съ 1801 по 1803 годъ снова сталъ посѣщать университетъ и слушалъ тамъ метафизику, этику, прикладную математику и первый курсъ юриспруденціи, т. е. естественное, уголовное право и исторію Германіи. Когда же мой дядя Людовикъ Гессъ-де-Кальве былъ отправленъ императоромъ въ Венеціанскую республику, то я, стремясь видѣть Италію, рѣшился сопровождать его туда; а чтобы не тратить при этомъ бесполезно времени, я сталъ посѣщать медицинскія лекціи въ Павіанскомъ университетѣ и слушалъ остеологію, анатомію, химію и ботанику и т. п., что могутъ засвидѣтельствовать тамошніе знаменитые профессора Зограффи, Гальдони, Компоретти, Цезаротти и др. Послѣ этого я объѣхалъ почти всю Италію, чтобы своими глазами видѣть памятники ея искусства и образовать свой умъ изученіемъ прекраснаго ея живыми образами; преимущественно же я оставался въ Римѣ, Флоренціи, Неаполѣ, Мантуѣ, Миланѣ, такъ что здѣсь не осталось безъ осмотра ничего мало мальски заслуживающаго вниманія. Но въ 1805 г. возгорѣлась въ Германіи война и я рѣшилъ снова сражаться за отечество. Въ качествѣ гусарскаго лейтенанта я участвовалъ въ несчастной Аустерлицкой битвѣ. По за-

ключеніи Пресбургскаго мира, я отправился въ Венгрію и принялъ должность домашняго учителя у знатнаго чиновника Сехейни, у котораго пробылъ два года. Послѣ этого я ѣздилъ въ качествѣ музыканта по Венгріи, Моравіи, Саксоніи и Польшѣ и давалъ концерты въ Пештѣ, Львовѣ, Краковѣ, Варшавѣ и т. п. Когда же вспыхнула война между Австріей и Франціей, то я снова вступилъ въ ряды арміи и былъ при этомъ раненъ. Въ это время россійское войско явилось подъ предводительствомъ кн. Голицына въ Австрійской Польшѣ, туда же отправленъ былъ и мой отрядъ. По заключеніи мира, я оставилъ австрійскую службу и вступилъ въ русскую армію гр. Сиверса, бывшую тогда въ Молдавіи; тамъ я оставался до 1810 г., и затѣмъ получилъ отставку съ отличными аттестатами. Засвидѣтельствовать мое воинское усердіе и субординацію могутъ генералы Артичевъ, Удамъ, Бергъ, Кошничовъ, Злотницкій, полковники—Штакельбергъ, Крейцъ, Розенъ, Бахметьевъ, Буттенброкъ Буксгевденъ, Ивановъ и др. Наконецъ, послѣ бракосочетанія съ дворянкой Серафимой Мечниковой я рѣшилъ поселиться въ Херсонской губ. и посвятить жизнь своему новому отечеству Россіи. Но такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ я часто проживалъ въ Харьковѣ, то могу сослаться на всѣхъ тѣхъ, кто меня лучше узналъ, какъ на свидѣтелей моей нравственной жизни и, если позволено будетъ такъ выразиться, моей умственной культуры ¹⁾.

Какъ видимъ отсюда, Гессъ-де-Кальве представлялъ изъ себя яркій типъ тѣхъ космополитическихъ дѣятелей, для которыхъ полную силу имѣлъ принципъ—*ubi bene, ibi patria*, хотя нужно сознаться, что онъ выдѣлялся и своей любовью къ просвѣщенію, и своими музыкальными талантами, и даже своею нравственною репутаціею. Получивъ высшую ученую степень, онъ не бросилъ наукъ и впечаталъ впоследствии (въ 1818 г.) еще обширное сочиненіе о музыкѣ („Теорія музыки“).

Но вотъ со времени диспута прошло 1½ года, а Гессъ-де-Кальве все еще не получилъ диплома. Замедленіе это вызвано было тѣмъ, что онъ не представилъ нужныхъ документовъ о своемъ происхожденіи. Но горя вѣтерифіемъ поскорѣе предстать передъ публикой въ новомъ званіи доктора, Гессъ-де-Кальве сшилъ себѣ соответствующій мундиръ (8 класса) и выступилъ въ немъ въ качествѣ капельмейстера, на концертѣ, устроенномъ имъ въ пользу павшихъ воиновъ. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія министра, который приказалъ Гессъ-де-Кальве до полученія диплома, не надѣвать мундира, равно и не называть себя

¹⁾ Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae characterе. Charcowiae. 1812, p. 29—32.

публично докторомъ философіи. Получивъ это внушеніе, Гессъ-де-Кальве написалъ извинительное письмо на имя ректора и совѣта, въ которомъ общалъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ чести, оказанной ему университетомъ. Въмѣсто же своихъ заграничныхъ документовъ, которыхъ онъ никакъ не могъ достать благодаря военнымъ дѣйствіямъ, онъ представилъ удостовѣреніе отъ своихъ сосѣдей по имѣнію купянскихъ дворянъ, которые подписями своими свидѣльствовали, что онъ „пребываетъ въ Купянскомъ уѣздѣ четвертый годъ, женатъ на помѣщицѣ Серафимѣ Ильинишнѣ, урожденной Мечниковой, и въ продолженіи этого времени жилъ честно, спокойно и велъ себя какъ человѣкъ благородный“ (1813 г. августъ) ¹⁾. Удостовереніе это возымѣло свое дѣйствіе и Гессъ-де-Кальве получилъ желанный дипломъ. Въ засѣданіи совѣта 15 апрѣля 1814 г. прочитано было отношеніе министра, въ которомъ говорилось, что такъ какъ Гессъ-де-Кальве женатъ на помѣщицѣ Мечниковой, отъ коей имѣетъ дѣтей, и самъ высказалъ желаніе принять руссійское подданство, то нѣтъ препятствій къ выдачѣ ему диплома. Совѣтъ постановилъ переслать ему этотъ дипломъ черезъ губернское правленіе, когда онъ сдѣлается русскимъ подданнымъ ²⁾.

Въ 1810 г. совѣтъ даровалъ степень доктора изящныхъ искусствъ другому иностранцу — Жиле. Представленіе о немъ было сдѣлано словеснымъ факультетомъ, который объяснилъ, что Жиле выдержалъ установленный экзаменъ и защитилъ диссертацию.

Въ 1813 г. былъ поднятъ вопросъ о дарованіи степени доктора изящныхъ искусствъ директору училищъ екатеринославской губ. Мизку, но противъ этого проэкта выступилъ проф. Лангъ. Во всѣхъ университетахъ, писалъ онъ въ особомъ мнѣніи, установился обычай давать только степень доктора богословія, права, медицины съ хирургіей, философіи и магистра свободныхъ искусствъ. Нашъ университетъ, впрочемъ, одинъ разъ даровалъ уже степень доктора изящныхъ наукъ (имѣется въ виду, очевидно, Жиле); теперь словесный факультетъ предлагаетъ даровать эту степень директору Мизку. Но всякій согласится съ тѣмъ, что такая степень есть нѣчто необычное и противорѣчащее университетскимъ традиціямъ, отъ которыхъ не слѣдуетъ отступать безъ самыхъ серьезныхъ поводовъ. Поэтому я хотѣлъ бы, чтобы на будущее время университетъ давалъ только степени кандидата, магистра и доктора философіи, права и медицины. Но чтобы каждый могъ добиваться той или иной ученой степени, слѣдуетъ разрѣшить ставить главными

¹⁾ Харьков. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1813 г. № 52.

²⁾ Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. и рус. яз. 1814, № 53.

предметами испытанія или философскія науки, или физико-математическія, или словесныя; впрочемъ, и въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ въ предметы испытаній должна входить философія, какъ основа образованія. Всякій можетъ стремиться къ любой ученой степени (магистерской или прямо докторской); но во избѣжаніе всякихъ случайностей въ этомъ дѣлѣ, слѣдуетъ точно опредѣлить качества и заслуги, за которыя совѣтъ можетъ дать эти степени по экзамену или *honoris causa*; за этимъ слѣдуетъ обратиться къ министру ¹⁾. Кажется, что Мизко не получилъ желаннаго диплома. Тщетно также добивался магистерской степени учитель Квятковский, подавшій по этому поводу въ совѣтъ чрезвычайно характерную, чтобы не сказать курьезную просьбу на латинскомъ языкѣ. Она столь любопытна, какъ образчикъ тогдашняго школьнаго риторическаго краснорѣчія, что мы ее приводимъ въ примѣчаніи цѣликомъ *)

¹⁾ Харьков. унив. архивъ. Дѣло о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813, № 52.

*) *Amplissimo senatui academico caesareae universitatis Charcoviensis. Domini clarissimi! Haud scio, quibus de causis Academica potestas vestra denegat mihi gradum magistri. Nec mea aetas, neque indoles, nec educatio huic obstant praetensioni. Quid itaque, Clarissimi domini, desideratis a me? Rossicam ne literaturam? Valde gavisus sum! Professor dignissimus pulchrae scientiae hujus Magnificus Dominus Rizski faveat dicere de me. Si justitia erit servanda, ego absque dubio magister! Si non, amor meus erga hanc disciplinam omnesque mei profectus in ea sunt nihil et ego perii! Si quaeritis ex me linguam latinam? Haec ipsa supplicatio mea sit vobis pro documento-viri clarissimi! capacitatis meae! Si litteras gallicas? Ad id represento vobis non solum propriae compositiones meae scripta; sed etiam vos ipsi scitis: me loqui gallice. Si historiam vel geographiam? Interrogare dignemini honorandum illum doctorem, qui has utrasque scientias nostra in universitate legit et qui de ambabus hisce doctrinis me disserentem saepenumero audit. Si vero de re philosophica sermo sit? De hoc nec dubitetis viri clarissimi! Sine anima nemo vivere potest, tanto magis historicus, tanto magis orator. Satis videre occasionis fuit: me hac in summa mentis facultate non vocillari. Professor celeberrime Schad! Agitur modo de mea salute, ne taceas quaeso! Vosque ceteri professores ornatissimi! Quorum collegia saepius frequentavi, fatemini peto: me quidem non esse vestris in facultatibus peritum; sed non dum ignarum. Quam ergo ob causam Amplissimus Senatus vester denegat mihi gradum petatum? Quum ego tot jam annorum publice in scholis domibusque docui private? Et docui uti testimonia data mihi sonant-cum laude atque utilitate discentium! Qui sunt itaque mei defectus? Quae vitia? Oro-ostendite mihi! Rauca ne vox aut balbutiens lingua? Non! Obtusum ne ingenium? Neque hoc! Dissoluti ne mores? Nequaquam! Quid ergo indignum-hujus me redit honoris. Dicitis-viri clarissimi! Per gradum promoveri non potest et quilibet studiosus imprimis assequi debet gradum candidati, posteaque magistri? Sed obsecro vos! Cujus nam gratiae ex praeceptore jam culto expertoque factus sum a vobis-clarissimi domini, studiosus? Si strenui milites pro sua fortitudine, si boni cives propter prudentiam*

Въ 1814 году въ совѣтѣ возникъ вопросъ о допущеніи къ докторскому экзамену магистра философіи Любочинскаго. Магистръ Любочинскій, учитель екатеринославской гимназіи, просилъ разрѣшенія держать экзаменъ на степень доктора философіи. Но такъ какъ онъ получилъ магистерскую степень всего два года тому назадъ, то, согласно требованію 125 и 127 § устава, могъ подвергнуться новому испытанію только еще черезъ годъ (черезъ три года по окончаніи предшествующаго экзамена) ¹⁾. Повидимому онъ получилъ докторскую степень (по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его съ нею въ одномъ документѣ).

Одинъ изъ профессоровъ Лангъ выступилъ въ совѣтѣ съ вопросомъ о практическомъ характерѣ ученыхъ университетскихъ степеней. Основываясь на 6-мъ § университетскаго устава и на правительственномъ распоряженіи, изданномъ 6 августа 1809 г., онъ доказывалъ, что ученныя степени по словеснымъ, физико-математическимъ и философскимъ наукамъ не даютъ права на занятіе такихъ должностей по гражданскому вѣдомству, которыя требуютъ юридическихъ и политическихъ познаній; по его мнѣнію они не освобождаютъ въ такихъ случаяхъ и отъ экзамена на чинъ коллежскаго асессора и статскаго совѣтника ²⁾. Уже изъ этого одного можно заключить, что практическія цѣли играли важную роль въ ма-

evehi solent etiam per grados, cur ergo alumni musarum hac lege ob suos labores gaudere non possunt? Intrando hanc universitatem solam per modestiam postulavi gradum candidati vel studiosi. Dignissimi vero examinatores mei, tanquam viri docti, tenebantur non solum aequitate, sed etiam ardore erga publicam culturam meam remunerare habilitatem ac pro merito dare mihi candidati gradum. Atqui tunc temporis gratia ista, quae mihi debebatur juste, concessa non fuit; ideoque nunc, clarissimi professores, dignum est, ut pro mea probilitate animique dotibus exaltetis me ad gradum magistri. In post ipsa universitas duos nuperrime misit polonos propter instruendam educandamque juventam Rossicam. Quare igitur admissi sunt illi et ad gradum et ad munera obeunda? Ubi nam antea docebant publice atque per plures annos? Quae utilia concivibus nostris praestitere servitia? Sciunt ne illi rossice? Minime. O lingua rossica! Num quid ideo magister esse nequeo, quod te in mea virili aetate addidici usque ad poësim et eloquentiam? Nam quid ita solvis mihi pro mea insomnia? Domini clarissimi! Decidite modo sortem meam! Si cadant atra; in resolutione vestra rogo, sint tantum haec verba: „magister esse non potes, quia es infelix“. Ego amissa spe, sanitate, tempore, pecunia et loco vadam. Vos autem semper beati incolumesque manete, Domini clarissimi, omnium vestrum humillimus servus Kviatkovski. 1806 auno, die 30 junii. Charcoviae” ³⁾.

¹⁾ Харьков. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1806 г. № 60.

²⁾ Харьков. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. и русскійск. яз. 1814 г., № 58.

³⁾ Ibidem. Дѣло совѣта о томъ же, 1813 г. № 52.

гистерскихъ и докторскихъ промоціяхъ. И дѣйствительно, значительное число лицъ, подвергавшихся испытаніямъ, избрали себѣ не ученую, а служебную карьеру. Въ особенноти сильное вліяніе имѣлъ здѣсь извѣстный намъ указъ объ экзаменахъ для полученія двухъ высшихъ чиновъ. Изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которые держали экзамены, каѳедры получили только— Дудровичъ, Комлишинскій, Громовъ, Архангельскій; да еще Любовскій, какъ намъ извѣстно, претендовалъ на каѳедру философіи, но ее занялъ Дудровичъ. Интересно, что эти два конкуррента держали состязательный экзаменъ. Проф. Шадъ, очевидно, желалъ сдѣлать своимъ адъюнктомъ Дудровича. 16 іюня 1813 г. была прочитана въ факультетѣ его бумага, въ которой онъ указывалъ, что Дудровичъ въ теченіе года, съ разрѣшенія факультета и совѣта, преподавалъ студентамъ курсъ философіи и при томъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ въ этомъ убѣдился онъ, Шадъ, на экзаменѣ его слушателей, и потому теперь факультетъ пусть обратится съ просьбою въ совѣтъ о баллотировкѣ Дудровича въ адъюнкты. Факультетъ рѣшилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ за Дудровича, такъ какъ ему извѣстны были его познанія, и предложилъ аспиранту представить въ совѣтъ свое *singiculum vitae* и свидѣтельства. А 5 іюля того же года вошелъ въ совѣтъ съ петиціей и Петръ Любовскій, доказывая въ ней свои права на занятіе этой каѳедры: онъ окончилъ курсъ кандидатомъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1808 г., въ 1812 г. получилъ степень магистра философіи и въ теченіе 5 лѣтъ состоялъ преподавателемъ въ Харьковской гимназіи. Въ совѣтѣ мнѣнія о Дудровичѣ раздѣлились. Проф. Осиповскій прямо заявилъ, что онъ прочелъ представленный Дудровичемъ трудъ и находитъ его ученическимъ упражненіемъ. Каменскій выразился болѣе уклончиво, но все таки не въ пользу претендента. Проф. Дрейсигъ категорически потребовалъ докторскаго экзамена; къ его мнѣнію присоединился Гизе. Срезневскій далъ слѣдующее заключеніе: я прочелъ трудъ подъ заглавіемъ „*Positiones ex universa jure hungarico*“, который Дудровичъ представилъ въ качествѣ своего сочиненія; но такъ какъ въ этой работѣ написаны имена шести лицъ, которыя приняли эти положенія только для защиты ихъ, то сомнительно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ ихъ написалъ, а потому этотъ трудъ не можетъ рекомендовать никого изъ нихъ въ частности. Дегуровъ присоединился къ этому замѣчанію и кромѣ того еще добавилъ, что адъюнктомъ можетъ быть только докторъ. Такое же мнѣніе высказалъ и Деявинъ. Пильгеръ заявилъ, что въ вопросѣ о выборѣ адъюнкта философіи рѣшающее значеніе можетъ имѣть только проф. Шадъ. Книгинъ написалъ: кто хочетъ учить, тотъ долженъ быть ученымъ; и всякому, желающему пользоваться привиллегіей преподаванія,

нужно быть докторомъ. Къ этому отзыву присоединился и Ванны. Швейкартъ и Лангъ наоборотъ присоединились къ мнѣнію Шада. Профессоръ Каменскій выступилъ съ обширнымъ мнѣніемъ, въ которомъ доказывалъ, что Любовскій имѣетъ не меньше и даже пожалуй болѣе правъ на должность адъюнкта философіи, чѣмъ Дудровичъ: никто не похвалилъ сочиненія, представленнаго этимъ послѣднимъ. онъ иностранецъ и въ гимназіи преподавалъ естественную исторію; Любовскій же питомецъ нашего университета, магистръ философіи и преподавалъ этотъ предметъ въ гимназіи.

Проф. Шадъ представилъ въ пользу Дудровича слѣдующія данныя: при выборѣ адъюнктовъ, писалъ онъ, слѣдуетъ руководствоваться не 57 параграфомъ устава (ибо онъ относится къ профессорамъ), а 127, въ которомъ прямо говорится, что въ адъюнкты избираются по особому экзамену магистры и старшіе учителя гимназій, преподававшіе не менѣе 3-хъ лѣтъ; Дудровичъ же не три, а шесть лѣтъ состоитъ учителемъ; затѣмъ онъ читалъ философію и въ университетѣ съ большимъ успѣхомъ, какъ это доказалъ экзаменъ его слушателей; его свидѣтельства показываютъ, что онъ занимался не только философіей, но и юриспруденціей и другими науками; въ особое достоинство ему нужно поставить то, что онъ прекрасно говоритъ и пишетъ по латыни, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ и русскій языкъ; я въ качествѣ профессора философіи, преподававшаго частію въ Германіи, частію въ Россіи въ теченіе 20 лѣтъ, далъ такіа доказательства своихъ познаній, что мое сужденіе никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно; и я публично заявляю, что болѣе подходящаго адъюнкта я не могу найти; его познанія отличаются зрѣлостью и солидностью. Но чтобы кто-нибудь не заподозрилъ меня въ пристрастіи, я самъ предлагаю, чтобы его избрали въ адъюнкты не раньше, чѣмъ онъ выдержитъ докторскій экзаменъ; и это правило нужно установить и на будущее время, чтобы никто изъ магистровъ или учителей не получалъ адъюнктской должности безъ докторскаго диплома ¹⁾. Какъ видимъ отсюда, мнѣніе свое Шадъ обставилъ очень солидными доводами и оставался въ этомъ дѣлѣ на высотѣ научныхъ требованій и должнаго безпристрастія. Совѣтъ постановилъ баллотировать Дудровича не раньше, чѣмъ онъ выдержитъ докторскій экзаменъ. Но онъ вошелъ въ совѣтъ съ просьбою о разрѣшеніи ему подвергнуться предварительному конкурсному испытанію въ факультетѣ совмѣстно со своимъ противникомъ Любовскимъ. На это послѣдовало разрѣшеніе. Конкурсный

¹⁾ Харьковск. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1813 г. № 52.

экзаменъ (по философіи) держали Дудровичъ и Любовскій 18 октября 1813 г. Профессоръ Шадъ предложилъ Дудровичу слѣдующіе вопросы: каковы принципы ложной нравственности и что можетъ быть принято въ качествѣ достовѣрнаго? На какихъ основаніяхъ и въ силу какого нравственнаго соображенія можетъ быть принять оптимистическій взглядъ на міръ? Каковы важнѣйшіе аргументы, коими воспользовались философы для доказательства бытія Божія? Въ чемъ состоитъ то чистое основаніе мышленія, которое Рейнгольдъ поставилъ первымъ принципомъ философіи? Что такое силлогизмъ, каковы виды его и правила, общія и частныя? Въ чемъ состоитъ сущность недѣлимаго? Что такое дедукція и аналогія, въ чемъ ихъ сходство и различіе? Въ чемъ заключается главная особенность очевидности и откуда происходитъ очевидность въ математикѣ, логикѣ и метафизикѣ? Въ чемъ состоитъ различіе между эмпирической и трансцендентальной психологіей? Когда Дудровичъ отиѣтилъ очень хорошо на эти вопросы (*optime*), ему предложено было написать письменный отвѣтъ на слѣдующія темы: опредѣлить сущность философіи Канта, Фихте и Шеллинга, причемъ показать, каково было положеніе философіи, подавшее поводъ къ этой великой реформациіи ея, начатой Кантомъ и завершенной Шеллингомъ: въ чемъ преимущественно сходятся и разнятся другъ отъ друга системы этихъ философовъ. Точно такіе же устные вопросы предложены были и Любовскому и хотя онъ отиѣтилъ на нихъ не вполне удовлетворительно, но былъ все-таки допущенъ къ письменному испытанію, причемъ ему предложены были тѣ же темы, что и Дудровичу. Спеціалистъ проф. Шадъ, а за нимъ и весь факультетъ, призналъ экзаменъ Дудровича безъ сравненія выше экзамена Любовскаго и потому рѣшено было сдѣлать представленіе въ совѣтъ о Дудровичѣ ¹⁾.

Впрочемъ дѣло объ утвержденіи Дудровича адъюнктомъ философіи встрѣтило затрудненія въ министерствѣ. Тамъ въ это время уже былъ возбужденъ вопросъ о вредномъ направленіи сочиненій Шада; въ связи съ этимъ, конечно, затормозилось и утвержденіе Дудровича. Шадъ долженъ былъ выступить съ объясненіями и оправданіями, изъ которыхъ мы остановимся теперь только на томъ, что относится къ вопросу объ учрежденіи должности адъюнкта при каѳедрѣ философіи. Шадъ обращаетъ вниманіе, сколь сложна, полезна и необходима философія для развитія способностей. Изученіе философіи, говоритъ онъ, должно начинаться съ опытной психологіи, которая особенно необходима

¹⁾ Харьк. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813 г. № 52.

въ виду недостаточной подготовки нашихъ студентовъ; другой отдѣлъ это чистая и прикладная логика; третій метафизика. Ее никоимъ образомъ нельзя опустить. Она съ одной стороны содержитъ въ себѣ (въ онтологіи и космологіи) универсальные законы и принципы, которые въ остальныхъ наукахъ на нее опираются; съ другой трактуетъ о важнѣйшихъ истинахъ — свободѣ челоѣческаго ума, необходимости права и обязанности, безсмертіи души, существованіи Бога. Все это настолько важно, что всякій образованный челоѣкъ долженъ знать доказательства этихъ истинъ. Къ практической философіи преимущественно относятся естественное право, этика, эстетика и педагогія. Наконецъ, чрезвычайно важное значеніе я придаю, говорить Шадъ, исторіи философіи, потому что важнѣйшія историческія событія находятъ свое объясненіе въ принципахъ философіи, такъ что исторія философіи является ключемъ всей исторіи. Такъ, напримѣръ, ужасная французская революція выросла изъ ложныхъ принциповъ естественнаго права. Извѣстно также, что наука и литература всегда приспособляются къ господствующимъ философскимъ принципамъ. Одинъ я, безъ адъюнкта, говорить въ заключеніе Шадъ, не въ состояніи преподавать ничего болѣе кромѣ психологіи и логики. Что же касается Дудровича, то болѣе достойнаго я не могъ и не въ состояніи нынѣ найти, какъ въ этомъ можно убѣдиться всякому изъ его двухлѣтняго преподаванія въ университетѣ. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, Дудровичъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта ¹⁾.

Мы подробно остановились на магистерскихъ и докторскихъ испытаніяхъ, потому что они представляютъ значительный интересъ для характеристики своего времени. Теперь намъ нужно еще сообщить свѣдѣнія объ ученыхъ командировкахъ, имѣвшихъ своею цѣлью подготовку преподавателей въ университетъ—и тогда вопросъ о преподавательской дѣятельности профессоровъ можно будетъ считать исчерпаннымъ. Такія командировки предоставлены были въ изучаемое нами десятилѣтіе Калькау, Громову, Архангельскому и Робушу; о нихъ мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ. Калькау получилъ командировку еще до открытія Харьковскаго университета. Въ 1803 г. временный попечитель округа Новосильцевъ сдѣлалъ министру представленіе, въ которомъ писалъ, что уроженецъ Москвы, докторъ философіи и медицины Авраамъ Калькау, окончивъ Геттингенскій университетъ по медицинскому факультету, съ письменнымъ одобреніемъ тамошнихъ знаменитыхъ профессоровъ—Блуменбаха, Озіандера, Рихтера и другихъ, желалъ занять мѣсто пре-

¹⁾ Харьков. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1814 г. № 58.

подавателя въ Харьковскомъ университетѣ, съ тѣмъ только чтобы ему позволили остаться заграницей для большаго усовершенствованія въ наукахъ, соприкасающихся съ медициной, до открытія медицинскаго факультета. „Находя, писалъ далѣе Новосильцевъ, что принятіе его въ университетъ (на первыхъ порахъ адъюнктомъ медицины) и предоставленіе штатнаго жалованья есть прекрасный способъ пріобрѣсти навсегда, съ малыми издержками, достойнаго человѣка, прошу ассигновать ему изъ училищной суммы адъюнктское жалованье за треть впередъ, 200 р. на поѣздку въ Харьковъ и разрѣшить остаться заграницей; я увѣренъ, что временное его пребываніе тамъ не бесполезно будетъ и со стороны порученій по ученой части, которыя учебное начальство будетъ имѣть полное право дать ему, какъ своему сочлену“. Въ слѣдующемъ 1804 г. Калькау рѣшилъ отправиться изъ Германіи въ Парижъ и обратился за разрѣшеніемъ этой просьбы къ попечителю округа гр. С. О. Потоцкому, ходатайствуя тутъ же и о выдачѣ ему двойнаго адъюнктскаго содержанія. Гр. Потоцкій отнесся къ его ходатайству вполне сочувственно, нашель, что это путешествіе будетъ въ интересахъ самаго университета, ибо этотъ послѣдній можетъ дать Калькау разныя порученія, и разрѣшилъ выдачу двойнаго оклада; обо всемъ этомъ онъ, по долгу службы, увѣдомилъ министра. Калькау 4 года провелъ заграницей, затѣмъ вернулся въ Россію и занималъ съ 1807 г. по 1811 г. должность адъюнкта въ Харьковскомъ университетѣ. Столь долгое пребываніе въ должности адъюнкта объясняется тѣмъ, что хотя онъ имѣлъ 2 ученыхъ степени отъ заграничныхъ университетовъ (доктора философіи и медицины), но по уставу этого было недостаточно и для полученія экстраординатуры онъ долженъ былъ еще представить новое сочиненіе въ факультетъ. Калькау представилъ такую работу подъ заглавіемъ „Introductio in studium medicum“ вмѣстѣ съ синописическою таблицею всѣхъ наукъ, принадлежащихъ къ медицинѣ и расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Деканъ медицинскаго факультета Шумлянскій разсмотрѣлъ эту работу вмѣстѣ съ проф. Дрейсигомъ и нашель ее исполненной эрудиціи, полезной не только для студентовъ, но и вообще для всѣхъ лицъ, посвящающихъ себя изученію медицины, и потому задумывающей быть напечатанной. Совѣтъ съ своей стороны вспомнилъ, что Калькау, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, два раза для усовершенствованія въ наукахъ путешествовалъ на свой счетъ по Германіи и съ такимъ успѣхомъ занимался въ главнѣйшихъ европейскихъ университетахъ — Іенскомъ, Лейпцигскомъ, Виттенбергскомъ и Геттингенскомъ, что получилъ въ Геттингенѣ 2 ученыхъ степени — доктора философіи и медицины и удостоился чести быть принятымъ въ чле-

ны акушерскаго общества; затѣмъ въ Харьковѣ онъ прославился какъ выдающійся врачъ и ученый, начитанный и въ другихъ наукахъ и дѣлающій этимъ честь своему университету. Факультетъ призналъ Калькау достойнымъ повышенія, но такъ какъ этотъ послѣдній не удовлетворилъ требованію устава (о сочиненіи), то первоначально получили при баллотировкѣ только половину голосовъ. Затѣмъ совѣтъ подвергъ его новой баллотировкѣ и единогласно избралъ въ экстра-ординарные профессора, основываясь между прочимъ на предписаніи министра о пополненіи профессоровъ медицинскаго факультета природными россіянами, каковымъ былъ и Калькау ¹⁾.

Калькау съ честью несъ свои профессорскія обязанности и дѣйствительно отличался широкими и разносторонними познаніями. Роммель говоритъ, что онъ одинъ только изъ русскихъ профессоровъ былъ очень хорошо знакомъ съ нѣмецкой литературой. Несомнѣнно, что продолжительное пребываніе за границей отразилось благопріятно на его образованіи, преподавательской и ученой дѣятельности. Къ сожалѣнію, ему очень недолго пришлось дѣйствовать на педагогическомъ поприщѣ—въ январѣ 1812 года его не стало: онъ умеръ совсѣмъ въ молодыхъ лѣтахъ.

Вопросъ о командировкѣ молодыхъ кандидатовъ университета за границу возникъ затѣмъ въ совѣтѣ въ 1809 году, при чтеніи 128 параграфа устава, который требовалъ посланки разъ въ два года двухъ магистровъ въ чужіе края для усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Совѣтъ, основываясь на отзывахъ факультетовъ, избралъ для этой цѣли кандидатовъ Сошальскаго и Громова, перваго для словесности, втораго—для естественной исторіи, физики и химіи. Сдѣлавъ представленіе о нихъ попечителю, онъ въ то же время поручилъ профессорамъ Осиповскому, Делявину, Якобу, Гуту и Де-Баллю, подъ предсѣдательствомъ ректора, выработать для нихъ инструкцію. Но такъ какъ въ это время начались въ Германіи военные замѣшательства, окончанія которыхъ нельзя было предвидѣть, то Сошальскій, какъ своекоштный студентъ, не захотѣлъ выжидать и поступилъ на гражданскую службу, а Громову поручено было временное преподаваніе латинскаго языка молодымъ людямъ, вступающимъ въ университетъ и недостаточно знакомымъ съ этимъ предметомъ. Въ слѣдующемъ 1810 году попечитель округа предложилъ совѣту отпратить въ чужіе края кандидатовъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета. Совѣтъ назначилъ двухъ лицъ: Громова (о которомъ шла рѣчь уже раньше) и

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5459, по картону 152.

Архангельскаго для приготовленія по математикѣ и физикѣ; кромѣ того намѣченъ былъ и третій кандидатъ Переверзевъ, но онъ предварительно долженъ былъ пробыть еще одинъ годъ въ университетѣ для усовершенствованія въ своей спеціальности государственныхъ наукахъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ ему необходимо было бы дольше всего пробыть въ Германіи. Но вскорѣ попечитель прислалъ новую бумагу, въ которой откладывалъ эти командировки до весны слѣдующаго 1811 г. и обѣщалъ тогда указать, къ какимъ ученымъ заграницей нужно будетъ отправиться этимъ молодымъ людямъ ¹⁾.

Въ концѣ 1811 года совѣтъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство объ отправленіи Архангельскаго и Громова за границу. Они должны были пробыть 2 года въ Германіи, годъ въ Парижѣ и 4-й годъ употребить на путешествіе; на расходы имъ рѣшено было выдавать слѣдующія суммы: ежегодно по 400 р. сер. въ годъ столовыхъ денегъ, по 200 р. сер. на уплату гонорара и на покупку книгъ и учебныхъ пособій и единовременно по 300 р. на путевые расходы отъ Харькова до Парижа и постолько же на обратный путь. Въ дѣлахъ правленія сохранились любопытныя инструкціи, выработанныя для Архангельскаго и Громова физико-математическимъ факультетомъ. Вотъ ихъ содержаніе. „Г. Архангельскій, читаемъ мы въ первой, предпринимаетъ путешествіе на счетъ Императорскаго Харьковскаго университета для обученія своего во всѣхъ предметахъ, относящихся къ математикѣ, какъ методѣ наукъ сихъ въ теоріи, такъ и приспособленіи ихъ въ практикѣ. Для этого необходимо нужно: 1) чтобы во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжать будетъ, посѣщалъ онъ славнѣйшихъ математиковъ, астрономовъ и физиковъ, равно какъ оптиковъ и механиковъ и чтобы въ журналъ своемъ записывалъ все видѣнное или слышанное у нихъ достопримѣчательное относительно этихъ наукъ и искусствъ. Онъ долженъ стараться получать напередъ свѣдѣнія объ именахъ извѣстныхъ ученыхъ мужей и снабжать себя рекомендательными письмами для лучшаго у нихъ приѣма; 2) чтобы онъ осматривалъ повсюду важнѣйшія собранія математическихъ, физическихъ и технологическихъ инструментовъ, какъ въ публичныхъ, такъ и частнымъ людямъ принадлежащихъ кабинетахъ, равно и главнѣйшія машины, какія случится ему видѣть, съ тѣмъ чтобы дѣлалъ всему, что ему покажется новымъ или полезнымъ и неизвѣстнымъ подробныя и вѣрныя въ журналъ своемъ замѣчанія; 3) чтобы посѣщалъ всѣ обсерваторіи и бібліотеки какъ публичныя, такъ и частнымъ людямъ принадлежащія, какія могутъ встрѣтиться ему по пути

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

или въ ближайшемъ сосѣдствѣ, и чтобы онъ хорошо описывалъ ихъ въ своемъ журналѣ. Что касается библіотекъ, то онъ долженъ въ особенности обратить вниманіе на самыя рѣдкія математическія книги, какъ печатныя, такъ и рукописныя, записать въ своемъ журналѣ ихъ подробное заглавіе и все то, что ему будетъ сообщено о нихъ замѣчательнаго; 4) чтобы онъ посѣщалъ въ университетскихъ городахъ всѣ важнѣйшія учебныя заведенія, бывалъ на математическихъ лекціяхъ, знакомился съ методами преподаванія; 5) чтобы специально занимался въ Парижѣ у главнѣйшихъ тамошнихъ математиковъ и старался бы воспользоваться ихъ разговорами; въ особенности подробно долженъ ознакомиться съ политехническимъ училищемъ; 6) чтобы не упускалъ случая разсматривать тѣ крѣпости, черезъ которыя будетъ проѣзжать, и узнавать объ ихъ достопримѣчательностяхъ, равно какъ и о металлургическихъ заводахъ; 7) вышеупомянутый журналъ онъ долженъ вести аккуратно и черезъ каждые три мѣсяца присылать въ университетъ отчетъ или выписку изъ журнала вмѣстѣ со свидѣтельствомъ тѣхъ профессоровъ, чьи лекціи онъ посѣщалъ. Въ Германіи онъ пробудетъ проѣздомъ столько времени, сколько понадобится для ознакомленія съ достопримѣчательнѣйшими изъ ея предметовъ; главное же пребываніе его будетъ въ Парижѣ. „А вотъ инструкція Громову. Кандидатъ Громовъ до поѣздки своей въ иностранныя земли обязанъ осмотрѣть естественно-историческіе кабинеты и ботаническіе сады россійскихъ академій и университетовъ. И потому онъ долженъ отправиться отсюда черезъ Москву, Петербургъ и Дерптъ, причѣмъ ему вручены будутъ рекомендательныя письма къ тѣмъ ученымъ, которые имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи эти учрежденія. Послѣ осмотра этихъ музеевъ и ботаническихъ садовъ, онъ долженъ будетъ представить подробное описаніе ихъ въ университетъ. Изъ Дерпта онъ поѣдетъ въ Кенигсбергъ и въ этомъ первомъ по пути его иностранномъ университетѣ осмотритъ все, заслуживающее вниманія. На этотъ конецъ ему будетъ дано рекомендательное письмо къ тамошнему профессору химіи и ботаники Гагену, которое будетъ ему въ этомъ отношеніи очень полезно. Изъ Кенигсберга онъ долженъ будетъ ѣхать немедленно въ Берлинъ. И такъ какъ тамъ онъ начнетъ свое ученіе, то ему непремѣнно нужно будетъ пріѣхать туда къ свѣтлой недѣлѣ. Въ Берлинѣ ему рекомендуется поселиться въ учебномъ институтѣ г. Шрадера, ибо тамъ ему можно будетъ не только имѣть за дешевую плату квартиру и содержаніе, но и обучаться минералогіи, ботаникѣ и химіи. Въ то же самое время онъ долженъ будетъ стараться получить доступъ въ тамошнее фармацевтическое общество: выгода будетъ та, что онъ съ одной стороны будетъ слушать препода-

ваемы тамъ г. Сиренгелемъ лекціи, а съ другой пользоваться книгами и журналами его библіотеки. Кромѣ этого ему нужно будетъ брать уроки по ботаникѣ у г. Вильденова и посѣщать этого ученаго мужа, въ особенности въ виду той пользы, какую можно получить отъ его ботаническаго сада. Свободное время въ продолженіе пребыванія своего въ Берлинѣ онъ можетъ употребить на осмотръ достопримѣчательной зоологической коллекціи въ Гофмансегелѣ и большаго королевскаго и Кларепродскаго минералогическаго кабинетовъ. Въ случаѣ если (чего доселѣ никогда не бывало) въ половинѣ лѣта, въ этихъ коллегіяхъ будетъ идти преподаваніе лекцій, то и ему будетъ полезно записаться на нихъ. А для того чтобы вообще онъ могъ воспользоваться всѣмъ въ Берлинѣ, ему будутъ даны здѣсь въ Харьковѣ рекомендательныя письма. По окончаніи же чтеній, около Михайлова дня, онъ можетъ оставить Берлинъ и отправиться черезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ (гдѣ онъ также осмотритъ кабинеты) во Фрейбергъ. Въ этомъ городѣ онъ обязанъ будетъ всецѣло посвятить себя изученію минералогіи и кромѣ лекцій по этому предмету у Вернера ходить на лекціи по металлургіи и аналитической химіи къ г. Хамнадіусу. По окончаніи зимняго семестра во Фрейбергѣ, онъ отправится черезъ Іену въ Геттингенъ. Тамъ онъ обязанъ будетъ осмотрѣть все, что имѣетъ достопримѣчательнаго тамошній университетъ по части минералогіи и зоологіи, напримѣръ, герцогскій музей и минералогическій кабинетъ минералогическаго общества. Небольшая поѣздка въ Герцъ была бы небезполезна для него, какъ для минералога и ботаника; только онъ долженъ будетъ напередъ собрать свѣдѣнія о его достопримѣчательностяхъ. Въ Геттингенѣ обязанъ онъ слушать полгода лекціи по сравнительной анатоміи и вообще по всей естественной исторіи у Блуменбаха; у этого же ученаго онъ можетъ увеличить свои познанія по оптикѣ; весьма важны будутъ для него также здѣсь лекціи по зоологіи у Гравенгорста и ботаникѣ у Шрадера. Изъ Геттингена онъ отправится на цѣлый годъ въ Парижъ, гдѣ и закончить свое академическое образованіе. Тутъ должны быть имъ изучены сравнительная анатомія, зоологія, минералогія, ботаника, аналитическая химія. Изъ Парижа онъ вернется черезъ Вѣну и Галицію обратно въ Харьковъ и на это путешествіе прибавится ему еще полгода къ тѣмъ тремъ годамъ, которые назначены на ученую командировку. Въ Вѣнѣ онъ можетъ осмотрѣть замѣчательнѣйшіе ботаническіе сады, музеи и звѣринцы.

Будучи заграницей, кандидатъ Громовъ долженъ будетъ выполнять слѣдующія правила.

Вести дневникъ или журналъ, въ который записывать все достопримѣчательное касательно наукъ и посылать выписки изъ него въ университетъ съ удостовѣреніями профессоровъ объ исправномъ посѣщеніи лекцій; далѣе слѣдуютъ и другіе параграфы, соотвѣтствующіе таковымъ же въ инструкціи Архангельскаго съ нѣкоторыми особенностями, вызывавшимися свойствомъ предмета. Мы отмѣтимъ только эти особенности. Вездѣ Громовъ долженъ былъ осматривать, гдѣ представится случай, слои торфа, каменнаго угля и рудоконни, стараться получить право завести впослѣдствіи переписку съ учеными въ интересахъ кабинетовъ и ботаническаго сада Харьковскаго университета, присылать сѣмена рѣдкихъ растений изъ тамошнихъ садовъ.

Выслушавъ проектъ этихъ факультетскихъ инструкцій, правленіе сдѣлало въ немъ слѣдующія измѣненія: 1) постановило, чтобы оба кандидата прямо ѣхали въ Парижъ для усовершенствованія себя въ наукахъ, а Германію съ научною цѣлью посѣтили только на обратномъ пути; 2) на пребываніе въ Парижѣ назначить имъ два года и на путешествіе по Германіи 1 годъ; 3) опредѣлить имъ по 400 р. въ годъ на содержаніе и на проѣздъ до Парижа по 300 р.; 4) дабы допущены они были во французскій коллежъ, въ музей естественной исторіи, гдѣ должно сосредоточиться главнымъ образомъ ихъ ученіе, а также къ обозрѣнію горнаго музея, Парижской обсерваторіи и другихъ императорскихъ заведеній, гдѣ они могли бы почерпнуть свѣдѣнія по своей специальности, просить г. министра народнаго просвѣщенія войти съ ходатайствомъ за нихъ къ французскому посланнику при нашемъ дворѣ, и рекомендовать вниманію русскаго резидента въ Парижѣ и французскихъ ученыхъ, состоящихъ членами Россійской академіи наукъ ¹⁾.

Впрочемъ заграничная поѣздка Громова и Архангельскаго не состоялась совершенно. Министръ А. К. Равумовскій въ отвѣтъ на представленіе совѣта извѣщалъ его, что „по настоящему низкому курсу и по дороговизнѣ во всѣхъ предметахъ первой необходимости онъ не находитъ удобнымъ командировать магистровъ Громова и Архангельскаго въ чужіе края, а вмѣсто того рекомендуетъ совѣту отправить ихъ къ ученымъ людямъ, находящимся въ предѣлахъ Россіи; послѣ чего, если обстоятельства измѣнятся, можно будетъ ихъ направить и въ чужіе края“ (23 авг. 1811 г.). Совѣтъ, сообразуясь съ предложеніемъ министра, постановили: 1) „отправить магистра Громова на счетъ университета для усовершенствованія его въ наукахъ, въ Москву, гдѣ онъ

¹⁾ Харьков. унив. архивъ. Журналы правленія 1811 г., январь—апрѣль, засѣданіе 13 марта.

подъ руководствомъ профессоровъ Гофмана, Таубера и Фишера будетъ заниматься ботаникой, минералогіей и зоологіей, а затѣмъ въ Петербургъ, Дерптъ и Вильну; при этомъ ему будетъ поставлено на видъ, чтобы они на ряду съ теоретическими свѣдѣніями приобрѣтали и практическія познанія, для чего посѣщали бы и изучали всѣ естественно историческіе кабинеты; 2) что касается магистра Архангельскаго, то онъ съ рекомендательными письмами отъ университета и также на его счетъ долженъ будетъ отправиться въ Петербургъ къ проф. Фусу, Шуберту и Гурьеву, причемъ предположено было просить министра, чтобы магистръ Архангельскій допущенъ былъ къ слушанію лекцій въ императорской академіи наукъ на томъ же самомъ основаніи, на каковомъ оканчиваютъ въ ней свое ученіе ея воспитанники, съ тѣмъ чтобы онъ усовершенствовалъ себя въ прикладной математикѣ. Для этого не требуется, чтобы онъ, Архангельскій, дѣйствительно помѣщенъ былъ въ число воспитанниковъ академіи, но только чтобы могъ исполнять работы, какія этимъ воспитанникамъ въ академіи бываютъ поручаемы". (23 сент. 1811 г.). Министръ на это далъ слѣдующій отвѣтъ: „на отправленіе магистра Громова, для усовершенствованія въ наукахъ, я согласенъ; что же касается до магистра Архангельскаго, котораго совѣтъ предположилъ отправить въ Санктпетербургъ для слушанія лекцій въ академіи наукъ, то я долженъ объяснить, что въ академіи лекцій не преподають, а воспитанники ея (элемы) состоятъ подъ руководствомъ котораго либо изъ академиковъ и пользуются его наставленіями; на такомъ основаніи и Архангельскій можетъ быть порученъ тому академику, по спеціальности котораго онъ долженъ себя усовершенствовать. Совѣтъ, сдѣлавъ окончательныя по этому дѣлу распоряженія, не преминетъ мнѣ донести, дабы и я съ своей стороны могъ сдѣлать порученіе тому академику, къ которому будетъ посланъ Архангельскій (22 окт. 1811 г.)¹⁾: Въ ноябрѣ мѣсяцѣ правленіе, въ которое перешло это дѣло изъ совѣта, постановило: отправить Громова въ Москву, а Архангельскаго въ Петербургъ, назначивъ имъ по 1000 руб. содержанія изъ суммы, полагающейся по штату на путешествія адъюнктовъ (выдавая это жалованье всегда за 2 мѣсяца вперед); магистра Громова поручить въ особенное вниманіе по естественной исторіи (вообще) проф. Фишеру, а по минералогіи адъюнкту Тауберу; просить ректора Московскаго университета дозволить Архангельскому посѣщать кабинеты, лекціи и библіотеку; поручить его акад. Шуберту и Гурьеву, съ тѣмъ чтобы подъ руководствомъ перваго онъ усовершенствовалъ себя въ

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв., 1811 г., № 5803, карт. № 156.

астрономіи, а подъ руководствомъ второго въ прикладной математикѣ; сообщить объ этомъ министру народнаго просвѣщенія, и просить его сдѣлать соотвѣтственное награжденіе руководителямъ; рекомендовать вниманію академіи Архангельскаго и просить ее, чтобы она разрѣшила ему пользоваться своей библіотекой; назначить полугодовой срокъ для командировки того и другого магистра, поставивъ имъ въ обязанность доставлять черезъ каждые три мѣсяца, согласно требованію устава, отчеты о своихъ занятіяхъ и отзывы руководителей; предположеніе объ отправленіи ихъ, по истеченіи этого срока, еще и въ другіе русскіе университетскіе города, обсудить впослѣдствіи; снабдить ихъ инструкціями и выдать прогонныя деньги на три лошади и подорожныя ¹⁾. Обо всемъ этомъ совѣтъ увѣдомилъ министра (9 дек. 1811 г.) ²⁾. Академія отнеслась очень холодно къ проекту о присылкѣ магистра Архангельскаго и отклонила отъ себя, какъ учрежденію, всякое участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ что совѣтъ Харьковскаго университета, получивъ ея извѣщеніе, рѣшился даже вновь ходатайствовать передъ министромъ о заграничной командировкѣ для своего питомца. „Совѣтъ получилъ отношеніе Императорской академіи наукъ, въ которомъ объясняется, что посылку магистра Архангельскаго для усовершенствованія въ астрономіи и прикладной математикѣ подъ надзоромъ академіи не иначе почитать можно, какъ частнымъ дѣломъ между университетомъ и академиками Шубертомъ и Гурьевымъ, ибо какъ академія не есть школьное заведеніе и академики не обязаны давать лекцій никому, кромѣ собственныхъ воспитанниковъ, то она не можетъ ни приказать, ни запретить этимъ академикамъ выполнить обязанность, налагаемую на нихъ университетомъ; это зависитъ отъ ихъ досуга и доброй воли. Равнымъ образомъ и позволеніе пользоваться библіотекой и другими пособіями просимое для магистра Архангельскаго, зависитъ отъ тѣхъ же академиковъ, имѣющихъ ихъ на своей отвѣтственности. Совѣтъ, разсуждая о такихъ затрудненіяхъ, вычисленныхъ академіей наукъ, и представляя о томъ вашему сіятельству, покорнѣйше просить соизволить на отправленіе магистра Архангельскаго для усовершенствованія въ чужіе края (24 февр. 1812 г.). Но министръ отклонилъ и это новое ходатайство очевидно, въ виду тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ—ожидавшейся войны съ Франціей. „Я не могу писать онъ совѣту, дать согласія моего на отправленіе магистра Архангельскаго для усовершенствованія его въ чужіе края, поелику и низкій курсъ, и настоящія обстоя-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журналы правл. 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 27 ноября.

²⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1811 г., № 5808/156.

тельства не представляют къ тому удобства. Впрочемъ, онъ порученъ уже отъ меня академику Гурьеву, который и принялъ его въ свое руководство, о чемъ ко мнѣ письменно отозвался. Слѣдовательно, ничто не препятствуетъ Архангельскому до лучшаго времени знанія свои усовершенствовать подѣ надзоромъ упомянутаго академика“ (14 марта 1812 г.).

Гр. А. К. Разумовскій дѣйствительно принялъ съ своей стороны мѣры для привлеченія академиковъ къ ученой подготовкѣ Архангельскаго. Онъ обратился къ Гурьеву и сверхъ того еще искалъ совѣта, содѣйствія и у Фуса. Первый охотно принялъ возлагаемое на него порученіе, второй отклонилъ его отъ себя, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ нижеслѣдующаго его письма. „Мнѣ извѣстно, писалъ Фусъ, что Харьковскій университетъ, приславъ въ Петербургъ магистра Архангельскаго для усовершенствованія въ математикѣ, рекомендовалъ его особенно академикамъ Шуберту и Гурьеву. Совѣтъ университета не могъ сдѣлать лучшаго выбора для наставленія его въ упомянутыхъ наукахъ и г. Гурьевъ, взявшійся преподавать курсъ прикладной математики, имѣетъ сравнительно со мною то преимущество, что можетъ читать ее на русскій языкѣ. Желаніе вашего сіятельства, чтобы и я также участвовалъ въ наставленіи г. Архангельскаго по сей части, служить доказательствомъ довѣрія, какимъ вы меня изволили почтить, и я постарался бы его заслужить ревностнымъ исполненіемъ вашихъ приказаній, если бы только многочисленныя мои занятія позволяли мнѣ преподавать полный курсъ и читать непрерывныя лекціи. Но это тѣмъ болѣе невозможно, что сверхъ моихъ должностей академика и непремѣннаго секретаря, обязанъ я еще обучать порученнаго мнѣ воспитанника академіи по предмету чистой математики. При таковыхъ моихъ занятіяхъ, давно уже я принужденъ былъ отказаться отъ преподаванія частныхъ лекцій, о которыхъ меня часто просили, и еще просятъ, несмотря на то, что посторонній доходъ, сопряженный съ таковымъ ученіемъ, могъ бы при нынѣшней дороговизнѣ, принести отцу семейства съ 9 дѣтьми не малую пользу. Къ счастью, что лекціи, порученныя г. Гурьеву, сдѣлаютъ мои наставленія совершенно излишними, и я даже увѣренъ, что разность способовъ преподаванія для скорѣйшаго теченія его успѣховъ была бы болѣе вредна, нежели полезна. Впрочемъ, если я могу быть полезнымъ г. Архангельскому моими мнѣніями и совѣтами, то я съ удовольствіемъ пожертвую для него нѣсколькими свободными минутами, у меня иногда отъ моихъ должностей остающимися, и я сочту ихъ съ пользою проведеннымъ, если таковое употребленіе времени рѣдкаго моего отдохновенія можетъ доказать вашему сіятельству ту совершенную преданность и глубочайшее высокопочитаніе, съ

каковыми честь имѣю пребыть, сіятельнѣйшій графъ м. г., вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Николай Фусъ" (19 янв. 1812 г.).

Архангельскій оказался очень прилежнымъ и добросовѣстнымъ молодымъ ученымъ и Гурьевъ аттестовалъ его въ концѣ года министру съ самой лучшей стороны. „Принявъ, писалъ Гурьевъ министру подѣ свое руководство, по порученію вашего сіятельства, магистра Харьковскаго университета Архангельскаго, употреблялъ я къ его усовершенствованію все, что отъ меня зависѣло, чтобы оправдать то мнѣніе, каковое ваше сіятельство обо мнѣ имѣть изволите, сдѣлавъ мнѣ подобное порученіе. Чтобы положить твердое основаніе тѣмъ его познаніямъ, которыя я намѣренъ былъ сообщить и дать ему возможность воспользоваться всѣмъ, что казалось мнѣ нужнымъ, я повелъ его особннымъ путемъ. Во-первыхъ, познакомилъ я его съ древними писателями, какъ-то съ Евклидомъ и Архимедомъ; потомъ читалъ онъ подѣ моимъ руководствомъ по чистой математикѣ лучшихъ новыхъ писателей, какъ-то—Эйлера, Кузеня и Лакроа. Сверхъ того сообщалъ я ему и свои сочиненія, какъ печатныя, такъ и рукописныя, по разнымъ отдѣламъ этой науки и разрѣшалъ затрудненія, какія ему при этомъ чтеніи встрѣчались. Такимъ образомъ, онъ получилъ сравнительное познаніе во всѣхъ отдѣлахъ, составляющихъ полный курсъ математики. По окончаніи этого приступилъ я съ нимъ къ механикѣ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и по сіе время прошель онъ уже до половины этой обширнѣйшей и полезнѣйшей части прикладной математики, о чемъ впрочемъ я буду имѣть честь довести вашему сіятельству во всей подробности, когда будетъ оконченъ полный курсъ механики. Въ заключеніе этого донесенія считаю своимъ долгомъ представить вашему сіятельству, что магистръ Архангельскій своимъ прилежаніемъ, успѣхами и поведеніемъ попеченіе вашего сіятельства и намѣреніе университета безъ всякаго сомнѣнія оправдываетъ; но, къ сожалѣнію, недостаетъ ему нѣкоторыхъ средствъ къ надежнѣйшему и полному ему образованію по причинѣ недостаточной суммы, опредѣленной ему на содержаніе. Во-первыхъ, онъ не можетъ имѣть удобной для своихъ занятій квартиры; во-вторыхъ, чувствуетъ недостатокъ въ необходимыхъ книгахъ, которыя относятся къ предмету его специальности и которыхъ я ему не могу доставить и которыхъ безъ денегъ вообще нельзя достать; въ-третьихъ, чтобы на практикѣ приложеніе правилъ механики, ему нужно осмотрѣть разныя машины здѣсь въ Петербургѣ и его окрестностяхъ; для лучшаго во всемъ этомъ успѣхѣ я познакомилъ его съ здѣшнимъ практическимъ механикомъ Невѣдомскимъ, но это требуетъ особенныхъ издержекъ. Мнѣ кажется, что для всѣхъ этихъ потребностей достаточно будетъ прибавить къ

его настоящему жалованью 300 руб. въ годъ. Я осмѣливаюсь надѣяться, что настоящее мое въ пользу Архангельскаго или лучше сказать въ пользу университета представленіе не будетъ противно благопопечительности вашего сіятельства о распространеніи въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія“ (18 дек. 1812 г.). Министръ немедленно уважилъ это ходатайство и велѣлъ отпустить Архангельскому 300 руб. за истекавшій 1812 годъ изъ суммъ главнаго правленія училищъ, съ тѣмъ чтобы Харьковскій университетъ возвратилъ эти деньги правленію.

Архангельскій обнаружилъ такія способности и усердіе, что его хотѣли сдѣлать адъюнктомъ академіи наукъ. Министръ запросилъ уже университетъ, не находитъ ли онъ съ своей стороны препятствій къ переходу своего питомца на службу въ академію; но университетъ заявилъ, что ему самому необходимъ Архангельскій; въ такомъ смыслѣ далъ отзывъ специалистъ профессоръ математики (бывшій тогда ректоромъ) Осиповскій, указавшій, что Архангельскій необходимъ Харьковскому университету для преподаванія прикладной математики (съ отъѣздомъ Гута, какъ извѣстно, эта кафедра сдѣлалась вакантною, и читалъ временно по ней Осиповскій). Въ концѣ 1813 г. университетъ обратился въ министерство съ бумагой, въ которой спрашивалъ, нужно ли Архангельскаго командировать еще въ другіе университетскіе города, такъ какъ это именно предполагалось сдѣлать по истеченіи полуторагодичнаго пребыванія его въ Петербургѣ, и этотъ срокъ уже окончился; „Московскій же университетъ, какъ извѣстно, и по сіе время еще не принялъ постоянного существованія, а о нынѣшнемъ состояніи Вилеискаго университета ничего неизвѣстно“ и въ заключеніе высказывалась просьба, чтобы министръ сообщилъ, командировать ли Архангельскаго въ другіе университеты, или направить прямо въ Харьковъ и чтобы во всякомъ случаѣ ему даны были деньги на путевые расходы (20 сентября 1813 г.). Министръ рѣшилъ отпустить Архангельскаго въ Харьковскій университетъ, который избралъ его въ это время адъюнктомъ математическаго отдѣленія. Академикъ Гурьевъ, подъ руководствомъ котораго находился онъ во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, свидѣтельствовалъ „объ отличныхъ успѣхахъ его въ наукахъ и похвальномъ поведеніи, съ изъясненіемъ, что онъ мѣсто профессора математики въ университетѣ съ пользою занимать можетъ“. Архангельскому выдано было его жалованье (за 2 мѣсяца 216 р. 66¹/₂ к.) и прогоны (350 руб.) ¹⁾. Громовъ, какъ мы знаемъ, пробылъ въ Москвѣ до нашествія Наполеона, зани-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5803/156; Харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1811 г., январь—апрѣль; засѣданіе 13 марта.

маясь тамъ главнымъ образомъ подъ руководствомъ Фишера; затѣмъ вернулся въ Харьковъ и послѣ защиты докторской диссертациі избранъ былъ въ адъюнкты.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что опытъ подготовки къ профессурѣ молодыхъ магистровъ русскими научными силами въ предѣлахъ Россіи оказался удачнымъ, хотя прошелъ не безъ затрудненій: академія наукъ, какъ учрежденіе, не хотѣла брать на себя новой обязанности; между тѣмъ политическія обстоятельства были таковы, что дѣйствительно заграничная командировка была невозможна. Среди членовъ совѣта Харьковскаго университета, однако, господствовало убѣжденіе, что только въ западно-европейскихъ научныхъ центрахъ возможна и удобна специальная подготовка къ профессурѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Такой точки зрѣнія придерживался и попечитель округа гр. С. О. Потоцкій. Самая идея о командировкѣ за границу Архангельскаго и Громова принадлежала ему. Онъ написалъ письмо ректору, въ которомъ обращалъ его вниманіе на отправление Московскимъ университетомъ русскихъ кандидатовъ въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. Мы видѣли также, что и раньше Харьковскій университетъ избиралъ этотъ способъ усовершенствованія своихъ питомцевъ въ наукахъ, т. е. заграничныя командировки. Наконецъ, этотъ же способъ прямо указывался и уставомъ. Такимъ образомъ, отправление Архангельскаго и Громова въ Петербургъ и Москву представляло изъ себя исключительное явленіе, вызванное временными обстоятельствами.

Въ это же время состоялась и командировка въ Петербургъ кандидата Робуша для изученія военныхъ наукъ. Извѣстно, что кафедра по этому предмету была назначена уставомъ и приурочивалась къ физико-математическому факультету. Но она не была занята и временнымъ преподавателемъ по ней былъ нѣкій Ивановъ. Въ сентябрѣ 1811 г. совѣтъ вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о командировкѣ въ Петербургъ для изученія военныхъ наукъ кандидата физико-математическаго факультета Робуша, такъ какъ временный преподаватель этого предмета учитель гимназіи Ивановъ не имѣетъ такого образовательнаго ценза, который бы позволилъ ему когда-либо вступить въ профессорскую коллегію. Въ Петербургѣ онъ долженъ былъ заниматься военными науками подъ руководствомъ профессора морскаго кадетскаго корпуса полковника Горбунова въ теченіе двухъ лѣтъ, съ тѣмъ чтобы потомъ получить соотвѣтствующія университетскія ученныя степени и занять мѣсто штатнаго преподавателя. При этомъ представленъ былъ и реестръ книгъ, которыя были необходимы для Робуша, а впоследствии могли поступить въ университетскую бібліотеку, а именно: 1) Бушара—полный

курс инженерныхъ наукъ (85 р.); 2) Вернона—курсъ (75 р.); 3) Хотова—тактика (10 р.); 4) артиллерійскіе чертежи (25 р.); 5) записки Фридриха II (20 руб.); 6) сочиненіе о постепенномъ усовершенствованіи артиллеріи во Франціи переводъ Гогеля (20 р.); 7) долговременная фортификація Сень-Поля (10 р.); всего на 245 р. Робушъ получилъ командировку и два года занимался военными науками; а когда истекъ срокъ ея, обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія. „Харьковскій университетъ, удостоивъ меня по части физико-математическихъ наукъ степени кандидата, по исходатайствованію отъ вашего сіятельства соизволенію, отправилъ меня въ столичный городъ С.-Петербургъ для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ, въ томъ намѣреніи, чтобы по прошествіи опредѣленнаго на то мнѣ времени, имѣть во мнѣ чиновника, способнаго преподавать военныя науки студентамъ въ томъ университетѣ. По прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ въ іюль мѣсяцъ 1812 года, я немедленно приступилъ къ моимъ занятіямъ сообразно данной мнѣ отъ университета инструкціи, и съ того времени, подъ руководствомъ г. инженеръ полковника Баженова, равно какъ и въ инженерной школѣ, занимался артиллерійскими и инженерными науками во всей обширности. Не безызвѣстенъ вашему сіятельству отзывъ г. инженеръ подполковника Баженова, сдѣланный имъ въ августъ мѣсяцъ минувшаго 1814 года о моихъ успѣхахъ. Нынѣ наступаетъ время возвращенія моего въ университетъ, гдѣ по предположенію моего, я обязанъ вступить тамъ въ должность преподающаго военныя науки. Но не имѣя степени, соотвѣтствующей предстоящей мнѣ должности, и зная, что университетъ никого еще изъ чиновниковъ по части военныхъ наукъ не имѣетъ, и слѣдовательно экзаменовъ меня въ военныхъ предметахъ не можетъ, и желая явить предъ начальствомъ мои успѣхи, чтобы ими стяжать себѣ соотвѣтственное подлежащей мнѣ должности званіе, осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство дозволить мнѣ здѣсь въ С.-Петербургѣ держать экзаменъ въ артиллерійскомъ ученomъ комитетѣ для полученія званія адъютанта, буде успѣхи мои то заслужать. Неусыпныя занятія мои въ продолженіи двухъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ мнѣ въ томъ ручаются, а увѣренность, что ваше сіятельство по ревностному покровительству къ распространенію просвѣщенія, удостоите милостиваго вниманія сію всепокорнѣйшую мою просьбу, дастъ мнѣ новыя силы усердно служить и быть полезнымъ моему отечеству, коему на всегда посвящаю всѣ труды мои. С.-Петербургъ. 1815 г. февраля 10 дня. Императорскаго Харьковского университета кандидатъ Михайль Робушъ“. Министръ разрѣшилъ ему держать такой экзаменъ. Робушъ экзаменовался въ комитетѣ и обнаружилъ хорошія познанія

въ фортификаціи и артиллеріи, но не столь значительныя, чтобы получить высшую ученую степень, ибо оказался недостаточно сильнымъ въ высшей математикѣ и механикѣ. Отправляя Робуша обратно въ Харьковъ, министръ извѣщалъ обо всемъ этомъ совѣтъ университета и, высказывая надежду, что онъ постарается усовершенствовать себя въ своей спеціальности, дѣлалъ распоряженіе о выдачѣ ему адъютантскаго жалованья (800 руб. въ годъ) изъ суммъ, предназначенныхъ на эту кафедру; сверхъ того на путевые расходы ему было отпущено 300 руб. (12 апр. 1815 года). Подполковнику Баженову за его труды комитетъ министровъ рѣшилъ выдать подарокъ изъ кабинета Его Величества (перстень въ 1000 р.) ¹⁾.

Въ 1814 году состоялось постановленіе совѣта о командировкѣ съ ученою цѣлью въ Англію окончившаго медицинскій факультетъ Харьковскаго университета Гнѣдича. Онъ самъ пожелалъ отправиться туда съ адъютантомъ Грозовымъ и ссылался на то, что ему можетъ оказывать помощь его дяди, проживающій въ Лондонѣ и состоящій членомъ корреспондентомъ университета (настоятель посольской церкви протоіерей Смирновъ). Совѣтъ, въ виду отличнаго отзыва медицинскаго факультета, рѣшилъ отправить его въ это ученое путешествіе съ выдачею 500 р. жалованья ²⁾.

Вотъ и всѣ извѣстные намъ случаи командировокъ молодыхъ людей съ учебными цѣлями, для приготовленія ихъ къ профессорскому званію. Ихъ оказывается гораздо меньше, чѣмъ могло или, точнѣе говоря, должно было быть въ дѣйствительности (по уставу и по имѣвшимся въ распоряженіи университета на этотъ предметъ суммамъ). А это объясняется главнымъ образомъ, нужно полагать, недостаточнымъ количествомъ студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ въ первые годы его существованія; оканчивающихъ было такъ мало, что всѣ они безъ труда могли пристроиться на разныхъ поприщахъ служебной дѣятельности. Впрочемъ, всѣ тѣ лица, которые получили командировку отъ Харьковскаго университета въ изучаемую нами эпоху—Калькау, Архан-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1811 г., № 5832/157; ср. также Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г., май—августъ; засѣданіе 1-го іюля; тутъ мы находимъ постановленіе правленія о командировкѣ Робуша; любопытна одна подробность: правленіе ставитъ на видъ Робушу, чтобы онъ не сводилъ знакомства ни съ кѣмъ, кромѣ тѣхъ лицъ, отъ коихъ можетъ почерпнуть полезныя въ военныхъ наукахъ свѣдѣнія; оказывается также, что Робушъ долженъ былъ изучить военныя науки во всемъ ихъ объемѣ, включая сюда тактику и стратегію, для чего могъ взять особаго наставника.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русск. и иностр. яз. 1814 г. № 58.

гельскій, Громовъ и Робушъ—оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Очень любопытно было бы рѣшить вопросъ, дали ли центры русскаго просвѣщенія (Москва и Петербургъ) столь же хорошую специальную подготовку, какую дала Европа адъюнкту Калькау, но судить объ этомъ довольно трудно. Можно только сказать, что тогдашніе дѣятели науки—профессора Харьковскаго университета—отдавали явное предпочтеніе заграничѣ и были, конечно, правы въ томъ отношеніи, что западные университеты стояли въ научномъ отношеніи выше русскихъ. Что касается Калькау, то Европа дала ему сверхъ того и обширное знакомство съ нѣмецкой литературой и образованностью. Но все-таки можно съ удовольствіемъ констатировать тотъ фактъ, что и Архангельскій прошелъ прекрасную школу у академика Гурьева и вынесъ самыя лучшія воспоминанія о своемъ наставникѣ и руководителѣ. Это послѣднее обстоятельство засвидѣтельствовано ѣхавшимъ съ нимъ изъ Петербурга Цебриковымъ ¹⁾. Не мѣшаетъ также замѣтить, что въ 1814 г. Архангельскій напечаталъ нѣсколько трудовъ, несомнѣнно подъ влияніемъ своего руководителя академика Гурьева.

Покончивъ съ вопросомъ о преподавательской дѣятельности профессоровъ, переходимъ теперь къ обзорѣнiю ихъ *ученыхъ работъ*. Выше мы сообщили подробныя свѣдѣнія о печатныхъ трудахъ иностранныхъ и русскихъ профессоровъ до поступленія ихъ въ Харьковскій университетъ ²⁾. Теперь мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ на новомъ мѣ-

¹⁾ Записки Цебрикова будутъ скоро изданы мною.

²⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы пополнить теперь кое-какіе библиографическіе пробѣлы въ предыдущемъ изложеніи. Въ библіотекѣ и другихъ харьковскихъ хранилищахъ нѣтъ многихъ сочиненій харьковскихъ профессоровъ и нѣкоторыхъ изданій, заключающихъ матеріалы для исторіи университета. Это обстоятельство заставляетъ меня, во-1-хъ, предпринимать время отъ времени поѣздки въ Петербургъ и, во-2-хъ, выписывать необходимыя книги изъ Императ. Публичной и Академической библіотекъ въ Харьковъ, въ университетскую библіотеку. Приношу глубокую благодарность администраціи этихъ учреждений за любезное содѣйствіе моему ученому предпріятію. Раньше мы отмѣтили только четыре сочиненія Дегурова. Но въ *Nouvelle Biographie générale par Didot frères*, которой мы пользовались въ Император. Публичной библіотекѣ, ихъ указано десять: 1) *Histoire publique et secrète de Henri IV.* P. 1790; 2) *Coup d'oeil sur l'histoire de France pour servir l'introduction à la géographie de la France.* P. 1791; 3) *Géographie de la France.* P. 1791; 4) *Nouvelle rhétorique française à l'usage des jeunes demoiselles* P. 1792; 5) *École de politique.* P. 1792; 6) *Mémoire justificatif pour Louis XVI publié par cahier les 20, 24 et 31 decembre 1792 et les 7 et 12 janvier 1793*; 7) *Histoire d'Olivier Cromwell.* P. 1795, 2 vol.; 8) *Collection des meilleurs ouvrages qui ont été publiés pour la defense de Louis XVI.* P. 1796, 2 vol.; 9) *Notice sur la vie et les écrits de l'abbé Rosier, imprimé dans le cours complet l'agriculture.* P. 1800; 10) *Collection de pièces intéressantes sur les grands événe-*

стѣ служенія продолжали съ прежнимъ жаромъ разрабатывать свою науку, другіе проявили въ этомъ дѣлѣ еще болѣшую интенсивность чѣмъ прежде, третьи ослабѣли въ своей энергіи и четвертые, наконецъ, совершенно замолкли. Какую роль играли въ этомъ движеніи иностранцы и русскіе, мы увидимъ, когда познакоимся съ научною продуктивностью каждаго профессора въ отдѣльности, и будемъ имѣть понятіе не только о числѣ ученыхъ трудовъ, но и объ относительномъ достоинствѣ ихъ. Но такъ какъ я самъ не могъ сдѣлать оцѣнки ихъ, то обратился къ своимъ уважаемымъ коллегамъ—спеціалистамъ по разнымъ отдѣламъ знаній—съ просьбою перечитать предложенныя мною имъ сочиненія первыхъ харьковскихъ профессоровъ и дать о нихъ свой компетентный отзывъ. Товарищи откликнулись на этотъ призывъ — я вижу въ этомъ сочувствіе къ предпринятому мною труду и высоко цѣню эту помощь и содѣйствіе — и моя книга такимъ образомъ будетъ украшена ихъ критическими замѣчаніями, которые внесены мною безъ всякихъ измѣненій въ текстъ съ точнымъ обозначеніемъ этихъ мѣстъ посредствомъ кавычекъ. Но мнѣ необходимо, въ интересахъ систематизаціи, приурочить свое изложеніе не къ личностямъ ученыхъ, а къ характеру ихъ сочиненій. Обозрѣвая различные роды трудовъ, мы можемъ подвести ихъ подъ слѣдующія важнѣйшія группы: изслѣдованія и монографіи, учебники, руководства, курсы, диссертациі на ученыя степени, рецензіи, акты, рѣчи; статьи, посвященныя изслѣдованію края; дѣятельность общества наукъ; наконецъ, для полноты обзора мы должны будемъ еще сообщить свѣдѣнія объ ученыхъ трудахъ почетныхъ членовъ университета о первой Харьковской газетѣ, издававшейся университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ и о литературномъ движеніи,

ments de l'histoire de France pendant les années 1789. P. 1802. (21 vol. Paris. 1857, p. 458—460).

Въ другомъ библиографическомъ трудѣ мы находимъ болѣе полный сравнительно съ нашимъ перечень трудовъ Бельенъ-де-Баллю. „Belin-de-Balla (Iacq. Nic.) litterateur et helleniste distingué, читаемъ мы тамъ, membre de l'Institut, né à Paris 28 fevrier 1753, mort en Russie en 1815. Ero труды: 1) Chasse (la), poëme trad. du grec.; 2) Epître au premier Consul sur l'enseignement de la langue grecque dans les lycées. P. 1803; 3) Hecube, tragedie, trad. du gr.; 4) Hermès hellenicus, grammaire grecque et française. P. 5) Histoire critique de l'eloquence chez les grecs. P.; 6) Histoire veritable de Lucius, trad. du gr.; 7) Myriobiblion, trad. du gr.; 8) Oeuvres de Lucien, trad. du gr. 9) Prêtre, par un docteur de Sorbonne; Бельенъ-де-Баллю сверхъ того издалъ—„Des caractères de Teophraste et de la Bruyère съ примѣч. P. 1790, прибавивъ французскій переводъ двухъ новыхъ „Caractères“ Теофраста, найденныхъ въ Ватиканской бібліотекѣ; ему же принадлежитъ переводъ „Tableau de Cebes“. (La France litteraire par Quérard, t. II. P. MDCCCXVIII, p. 259; экз. Импер. Публ. бібліотеки).

имѣвшемъ отношеніе къ университету по личностямъ его представителей. Въ концѣ же очерка мы постараемся опредѣлить и ту роль, какую играли въ этой научно-литературной дѣятельности отдѣльныя личности, дабы *suum cuique tribuere*.

Переходя къ обзору различныхъ видовъ научныхъ произведеній, мы прежде всего сдѣлаемъ общее замѣчаніе, что группа специальныхъ изслѣдованій и монографій не была многочисленна. Въ этомъ отношеніи начало XIX в. сильно отличается отъ нашего времени. Теперь профессоръ является синонимомъ самостоятельнаго изслѣдователя специалиста; а въ то время спеціальныя сочиненія профессоровъ были сравнительно рѣдки: профессора имѣли въ виду не столько развитіе научной мысли, сколько распространеніе научныхъ свѣдѣній въ общедоступной, популярной формѣ среди широкой публики, не столько специалистовъ, сколько обыкновенныхъ образованныхъ людей. Труды членовъ профессорской коллегіи относились, конечно, главнымъ образомъ къ области наукъ, но они не чуждались и изящной литературы; для преподавателей русской словесности литературные опыты считались какъ бы обязательными: они читали на актахъ свои стихи, давали ихъ въ журналы. Выступая кандидатомъ на должность профессора въ Харьковскій университетъ, Ив. Евс. Срезневскій приложилъ слово „*De peregrinatione pusaarum*“ и „Гимнъ благотворительности“¹⁾. Литературные вкусы того времени отражались на формѣ не только однихъ изящныхъ произведеній, но и научныхъ; и тѣ, и другіе характеризуются замѣтнымъ стремленіемъ къ возвышенному складу рѣчи, который намъ теперь представляется искусственнымъ, напыщеннымъ, риторическимъ; не даромъ преподаваніе словесности сводилось главнымъ образомъ къ изученію риторики и знаменитаго словесника Рижскаго Роммеля называетъ „*ein berühmter Rhetoriker*“. Этимъ объясняется также стремленіе къ произнесенію рѣчей, которыми авторы пользовались, какъ средствомъ для проведенія своихъ идей въ общество; ораторская же форма служила для вящаго убѣжденія слушателей. Русская университетская наука того времени была, конечно, очень юна и несовершенна и находилась въ полной зависимости отъ западноевропейскихъ ея представителей и образцовъ. Да и тамъ она еще не достигла той дифференціаціи и спеціализаціи, которая представляетъ характерную черту нашего времени. Не трудно было пріобрѣсти извѣстность даже на западѣ изданіемъ въ свѣтъ разныхъ учебниковъ, пособій, руководствъ болѣе или менѣе компилятивнаго характера. Мы видѣли, что такія книги главнымъ образомъ

¹⁾ Н. А. Лавровскаго. В. Н. Каразинъ, стр. 206.

издавалъ и знаменитый Якобъ, а равно Дрейсигъ, Пильгеръ, Нельде-хенъ, Беленъ-де-Баллю и Стойковичъ. Изъ русскихъ почетную славу на этомъ поприщѣ стяжали себѣ Осиповскій и Рижскій. Въ руководствахъ и пособіяхъ въ то время на Руси ощущалась огромная потребность, вызванная открытіемъ въ первые годы царствованія императора Александра I массы новыхъ учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ; при томъ учебныя заведенія всѣхъ этихъ 3-хъ типовъ были органически связаны другъ съ другомъ; среднія и низшія школы были подчинены высшей, т. е. университету. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ, для успѣшнаго выполненія своей миссіи,—руководительства средними и низшими училищами—университеты должны были обратить серьезное вниманіе на изданіе учебниковъ и пособій для гимназій и за это дѣло взялись профессора. Имъ же пришлось заботиться и объ изданіи руководствъ для студентовъ, иначе эти послѣдніе очутились бы въ самомъ безпомощномъ положеніи. Студентамъ словеснаго отдѣленія непочемъ было даже штудировать греческихъ и римскихъ классиковъ. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, лежитъ причина преобладанія среди профессорскихъ трудовъ сочиненій учебнаго, а не ученаго характера. Количество строго ученыхъ сочиненій сокращалось еще и оттого, что большая часть профессоровъ была вызвана изъ заграницы и не должна была писать обязательныхъ диссертаций; отъ этихъ послѣднихъ были освобождены, какъ мы видѣли, и нѣкоторые изъ русскихъ преподавателей путемъ дарованія имъ докторской степени *honoris causa*. На словесномъ отдѣленіи особенно видное мѣсто своими учебными трудами завоевали русскіе профессора Рижскій и Успенскій. Мы видѣли, что Рижскій еще до опредѣленія своего профессоромъ въ Харьковскій университетъ стяжалъ себѣ почетную извѣстность въ качествѣ составителя прекрасныхъ выдающихся руководствъ по логикѣ и риторикѣ ¹⁾. Теперь онъ продолжаетъ работать въ томъ же направленіи. 1-е изданіе его „Опыта риторики“ вышло въ Петербургѣ въ 1796 г. ²⁾; 2-е изданіе—въ Харьковѣ

¹⁾ „Умословіе или умственная философія“. СПб. 1790, стр. 243. Въ предисловіи къ ней читаемъ: „главное расположеніе системы и большая часть правилъ и размышленій почерпнуты изъ философскихъ сочиненій Гольмана; немало изъ другихъ извѣстнѣйшихъ писателей сего рода, прочее же единственно изъ природнаго умословія“. Въ 1-й части говорится о дѣйствіяхъ разума (о понятіяхъ, словахъ, опредѣленіяхъ, разсужденіяхъ, силлогизмахъ), во 2-й объ истинѣ и ея свойствахъ (о признакахъ истины, о познаніяхъ ея, о погрѣшностяхъ); въ 3-й части—о средствахъ къ познанію и сообщенію другимъ истины (о правильномъ употребленіи понятій и разсужденій, силлогизмовъ, о чтеніи книгъ, о сообщеніи своего познанія другимъ и т. п.).

²⁾ „Опытъ риторики, сочиненный и преподаваемый въ Санктпетербургскомъ горномъ училищѣ. СПб., при корпусѣ чужестранныхъ единоверцевъ, 1796 г., 396, XVI;

на счетъ университета въ 1805 году ¹⁾; и два третьихъ изданія—въ Москвѣ въ 1809 г. и въ Харьковѣ въ 1822 г. ²⁾; „Введеніе въ кругъ словесности“ въ Харьковѣ въ 1806 г. ³⁾ и, наконецъ, „Наука стихотворства“—въ Петербургѣ въ 1811 г. ⁴⁾. Академикъ М. И. Сухомлиновъ о значеніи этихъ трудовъ выражается такъ: „въ теченіе шестилѣтняго пребыванія своего въ Харьковскомъ университетѣ, несмотря на поглощавшія время его служебныя обязанности по устройству новаго университета (въ должности почти безсмѣннаго ректора), Рижскій принесъ значительный вкладъ въ нашу скудную въ то время научную литературу, особенно по теоріи и исторіи словесности.... Въ филологическихъ

фамилія автора подъ посвященіемъ книги управляющему горнымъ училищемъ Вас. Ст. Попову.

¹⁾ Опытъ риторики, сочиненный Иваномъ Рижскимъ и изданный Импер. Харьк. университетомъ. Харьковъ. 1805 г., 405 стр.

²⁾ „Опытъ риторики, сочиненный и нынѣ вновь исправленный и пополненный Иваномъ Рижскимъ. Изданіе третіе. Москва, въ универ. типографіи“. 1809 г., 381; „Опытъ риторики, сочиненный въ Санктпетербургскомъ горномъ кадетскомъ корпусѣ Ив. Рижскимъ, нынѣ съ нѣкоторыми исправленіями въ пользу училищъ Харьков. учебного округа, третьимъ тисненіемъ изданный Импер. Харьк. университетомъ. Х., въ университет. типограф. 1822 г., 414 стр.“.

³⁾ „Введеніе въ кругъ словесности, сочиненное въ Императ. Харьков. университетѣ и служившее руководствомъ бывшихъ въ ономъ 1805 г. публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукъ краснорѣчія“. Х. въ универ. типогр. 1806 г., 108, IV.

⁴⁾ „Наука стихотворства, сочиненная Россійской Академію членомъ, кол. сов. и акадѣмикомъ Ив. Рижскимъ и оную Академіею изданная. СПБ. 1811 г., 352 стр.“. Сообщимъ здѣсь кстати краткія свѣдѣнія объ одномъ сочиненіи И. С. Рижскаго, которое намъ удалось найти только теперь въ Императ. Публичной библіотекѣ—это „Политическое состояніе древняго Рима или основаніе правленія, бывшаго въ древнемъ Римѣ во время царей, республики и императоровъ. Собралъ изъ разныхъ писателей Ив. Рижскій. М., въ типогр. компаніи типографической. 1788. 274 стр.“. Это опытъ римскихъ государственнѣхъ древностей. Тутъ говорится вообще о правленіи римскомъ, о царяхъ, монархическомъ правленіи, о консулахъ, сенатѣ, правахъ, издѣленіи и силѣ народа, о взаимной подчиненности консуловъ, сената, народа, о проконсулахъ, о трибунахъ и т. д. Другое сочиненіе Рижскаго относилось къ церковнымъ древностямъ Рима и носило слѣдующее заглавіе—„Сокращеніе богослуженія древнихъ римлянъ съ краткимъ вступленіемъ, содержащимъ нѣкоторыя древности, касающіяся до города Рима. Собралъ изъ разныхъ писателей Троицкой семинаріи учитель риторики и поэзіи Иванъ Рижскій. Издѣніемъ Н. Новикова и Компаніи. М. въ универ. типограф. у Н. Новикова, 1784 г. 352 стр.“. Книга посвящена астрополиту Платону—состоитъ изъ вступленія и 5 главъ: во вступленіи говорится о древностяхъ г. Рима (о началѣ города, о Капитолѣ, о храмахъ, базиликахъ, куріяхъ, циркѣ, театрѣ и т. д.), въ 1-й главѣ—о римскихъ божествахъ, во 2-й—о жрецахъ, въ 3-й—о праздникахъ, въ 4-й—о способахъ богопочитанія, въ 5-й о счисленіи времени.

понятіяхъ вообще Рижскій держался механической теоріи Бросса, господствовавшей у насъ до весьма недавняго времени и имѣвшей многихъ послѣдователей, отъ Шишкова до Павскаго, не вполне освободившагося отъ нея. Къ мыслямъ Шишкова о русскомъ слогѣ Рижскій питалъ большое сочувствіе, не вдаваясь впрочемъ во всѣ его крайности. Въ лекціяхъ по теоріи словесности Рижскій пользовался отчасти сочиненіями Эшенбурга, Блера, Зульцера. Но главными его руководителями оставались французскіе теоретики, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ и на древнихъ писателей. Онъ любилъ ссылаться на Вольтера и на энциклопедистовъ вообще, мнѣнія которыхъ были тогда въ ходу въ нашемъ литературномъ мірѣ. Любимымъ его русскимъ писателемъ былъ Дмитріевъ: въ литературѣ онъ былъ для него такимъ же авторитетомъ, какимъ Шишковъ въ филологіи и стилистикѣ. Преданіе, идущее отъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета, называетъ Рижскаго даровитымъ профессоромъ, излагавшимъ свой предметъ съ большою ясностью, дѣльностью и одушевленіемъ. Даже люди враждебной партіи, порицавшіе, подобно Роммелю, русскихъ ученыхъ вообще, признавали въ Рижскомъ замѣчательный талантъ и называли его *ein berühmter Rhetoriker*. Сочиненія его, уважаемыя мѣстными знатоками и любителями словесности, вѣщими ихъ за гробомъ покойнаго, приобрѣли обширный кругъ читателей и долгое время служили руководствомъ при чтеніи лекцій въ университетахъ—Харьковскомъ, Казанскомъ и Московскомъ¹⁾. (въ послѣднемъ читалъ по нимъ свой курсъ профессоръ русской словесности Побѣдоносцевъ). По нашей просьбѣ профессоръ русскаго языка и словесности въ Харьковскомъ университетѣ М. Е. Халанскій взялъ на себя трудъ прочесть и дать отзывъ о сочиненіяхъ И. С. Рижскаго. Помѣщаемъ съ благодарностью этотъ отзывъ спеціалиста.

„Три книжки проф. Рижскаго—„введеніе въ кругъ словесности“ (Харьк. 1806), „Опытъ реторики“ (втор. изд. X., 1805) и „Наука стихотворства“ предоставляютъ полный и самый обстоятельный изъ существующихъ на русскомъ языкѣ курсъ теоріи словесности, относящійся преимущественно къ ложно-классическому періоду развитія литературы. „Введеніе“ содержитъ изложеніе нѣкоторыхъ выводовъ современной Рижскому филологической науки о языкѣ въ примѣненіи къ теоріи словесности. Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ первой заключается трактатъ „объ изящныхъ наукахъ“, подъ которыми Рижскій разумѣетъ *belles lettres*, объ отношеніи „изящныхъ наукъ“ къ другимъ и о вліяніи на общественные нравы художественныхъ произведеній. Во второй ча-

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 74, 72.

сти— „о человѣческомъ словѣ“ говорится „о качествахъ слова, занимающихъ философа, витію“, „о происхожденіи языка“, объ измѣненіяхъ языковъ отъ взаимнаго народовъ общенія“, „о раздѣленіи языковъ на діалекты“, „о различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ языковъ разныхъ народовъ объ одной и той же вещи „о частныхъ правилахъ языковъ“, „объ общихъ правилахъ человѣческаго слова“, „о составѣ человѣческаго слова, и о главнѣйшихъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ частей рѣчи, о неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи“, „о преимущественномъ качествѣ вообще и особенно о богатствѣ нѣкоторыхъ языковъ“, „о томъ, что называется, силой языка“, „о пріятности слова, происходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквъ“, „о томъ, что называется вообще ладомъ, и въ особенности плясовымъ и мусикійскимъ“, о ладѣ, свойственномъ человѣческому слову и о происхожденіи стихосложенія“ и, наконецъ, о зависящей отъ качества и смѣшенія словъ и реченій естественной и о происхожденіи искусственной пріятности слова“.

Развиваемыя во Введеніи основныя мысли заимствованы Рижскимъ частію у французскихъ писателей—энциклопедистовъ (Вольтера, Руссо, Жерара), частію у Ломоносова и Шишкова. Согласно съ Руссо, Рижскій происхожденіе языка объясняетъ „произволеніемъ и согласіемъ цѣлаго общества назвать всякую вещь такимъ или другимъ именемъ“. Научныя французскія термины Рижскій переводитъ на русскій языкъ: beau de imitation—прекрасное подражанія, les mots affectifs—„слова сердце-лаголивыя“, les mots énonciatifs—„слова мысле-лаголивыя“, belles lettres изящныя науки и друг.

„Риторика“ содержитъ стилистику и теорію ложно-классической прозы. Согласно съ Ломоносовымъ и Шишковымъ, Рижскій дѣлитъ слогъ на высокій, средній и низкій и довольно обстоятельно говоритъ о томъ, какой слогъ и какому роду прозаическихъ сочиненій долженъ быть соответствовать. „Наука стихотворства“ т. е. піитика содержитъ теорію ложно-классическаго стихотворства. Въ § 4 Рижскій говоритъ, что главнѣйшія положенія, развиваемыя въ его піитикѣ, заимствованы имъ у иностранныхъ писателей. Къ заимствованнымъ мнѣніямъ онъ присоединяетъ „нѣсколько собственныхъ своихъ соображеній, къ коимъ служили поводомъ тѣже иностранныя о стихотворствѣ сочиненія и чтеніе лучшихъ какъ природныхъ, такъ и чужезычныхъ стихотворцевъ“. Какъ видно изъ подстрочныхъ примѣчаній къ „Наукѣ стихотворства“, Рижскій пользовался сочиненіями слѣдующихъ авторовъ: Аристотеля, Горация, Буало, Баттѣ, Попа, Мармонтеля, Жюкура, Влера, Сульцера и Эшенбурга. Примѣры, поясняющіе опредѣленія разныхъ видовъ стихотворства,

Рижскій заимствуетъ изъ сочиненій русскихъ писателей періода отъ Ломоносова до Крылова.

По полнотѣ свѣдѣній, обстоятельности и ясности изложенія курсъ теоріи словесности Рижскаго былъ для своего времени явленіемъ дѣйствительно выдающимся. Равнаго ему по значенію для своего времени русская литература не имѣетъ доселѣ⁴.

Въ заключеніе еще замѣтимъ, что Рижскій приготовлялъ къ печати и свой курсъ исторіи русской словесности²⁾, но преждевременная смерть не позволила ему довести до конца этотъ трудъ. Рижскій славился какъ ораторъ, но о рѣчахъ его мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Г. П. Успенскій, не имѣвшій до назначенія своего профессоромъ въ Харьковѣ специальныхъ трудовъ по русской исторіи, занялъ выдающееся положеніе среди русскихъ историковъ своимъ „Опытомъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ“. Первое изданіе этой книги вышло въ 1811—1812 г. и было встрѣчено публикой такъ сочувственно, что въ 1818 г. появилось новое, второе, „исправленное и умноженное“. (Первое не было вполнѣ закончено: въ немъ не было общаго авторомъ 2-го отдѣленія 2-й части). Въ предисловіи къ 1-му изданію Успенскій говоритъ, что сюжетъ его книги долженъ представить интересъ для всякаго русскаго; „здѣсь изображаются нравы, обыкновенія и учрежденія собственныхъ нашихъ предковъ, которымъ одолжены мы не только бытіемъ нашимъ, но и самимъ даже уваженіемъ и славой, какимъ нынѣ пользуемся со стороны народовъ иноплеменныхъ“. Самъ Успенскій называетъ сочиненіе свое *первымъ* на русскомъ языкѣ опытомъ отечественныхъ древностей; и этотъ *первый* опытъ оставался и *единственнымъ* въ теченіе почти 80 лѣтъ, до выхода въ свѣтъ въ 1890 г. книги проф. В. И. Сергѣевича „Русскія юридическія древности“ (впрочемъ еще и доселѣ не законченной). Для того чтобы достойно оцѣнить попытку Успенскаго, нужно вспомнить, что тогда мы не имѣли еще и систематически изложенной политической исторіи Россіи: „Исторія государства російскаго“ Н. М. Карамзина вышла только въ 1818 году. Но что нужно вмѣнить въ особую заслугу Успенскому, такъ это выборъ темы. Если въ настоящее время есть не мало историковъ, которые сводятъ сущность исторіи къ политическимъ событіямъ, совершенно игнорируя внутренній бытъ, то что же сказать о томъ времени, когда и Карамзинъ далъ почти исключительно исторію государства? Такимъ образомъ, Успенскій обнаружилъ извѣстную смѣлость, преподнеса своимъ читателямъ въ 1-й части книги очеркъ домашняго быта нашихъ

²⁾ Извѣстіе о жизни и смерти И. С. Рижскаго. Харьковъ, 1811, стр. 5.

предковъ. Выполненіе задачи нельзя не признать также весьма удовлетворительнымъ. У Успенскаго мы находимъ большую начитанность въ памятникахъ русской исторіи и при томъ не только въ пособіяхъ, но и въ источникахъ первой руки. Самъ Успенскій говоритъ о себѣ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ извѣстія относительно отечественныхъ древностей: „просмотрѣлъ всѣ доходившія до меня какъ на отечественномъ языкѣ изданныя, такъ равно и многія иностранныя сочиненія, дѣлая изъ нихъ соотвѣтственные извлеченія“. И дѣйствительно, въ его книгѣ мы находимъ несомнѣнныя доказательства знакомства со сказаніями иностранцевъ, которые дали ему богатый фактический матеріалъ. Оtmѣтимъ, напримѣръ, сказанія Рейтенфельса, Олеарія, Герберштейна, Мейерберга, Бухау, Петрея, Іовія, Корба, Таннера, Ульфельда. Авторъ отличается также большою начитанностью въ памятникахъ русскаго законодательства (судебникъ, уложеніе). Изъ пособій онъ главнымъ образомъ пользуется Татищевымъ (исторіей и словаремъ), Щербатовымъ, Стриттеромъ, Болтинымъ. Программа сочиненія весьма обширна, особенно во 2-мъ изданіи ¹⁾. Въ этомъ можно уже убѣдиться изъ одного перечня главъ. 1-я часть состоитъ изъ вступленія и 8 главъ; въ 1-й главѣ говорится о языкѣ, разныхъ нарѣчіяхъ и прозваніяхъ руссіянъ, во 2-й о художествахъ, ремеслахъ и домостроительствѣ, въ 3-й о дорожныхъ экипажахъ, одеждѣ и обуви, въ 4-й о яствахъ, напиткахъ и пиршествахъ, въ 5-й о забавахъ и увеселеніяхъ, въ 6-й о бракахъ, въ 7-й о родахъ и младенцахъ, въ 8-й о погребеніяхъ. 2-я часть распадается на 2 отдѣленія; 1-е и 2-е заключаютъ въ себѣ по 7 главъ. Въ 1-мъ отдѣленіи говорится о раздѣленіи русскаго народа и о сословіяхъ, о царскомъ дворцѣ, коронованіи и титулѣ русскихъ государей, о посольствахъ и государственномъ гербѣ, о царедворцахъ и знакахъ отличія, о правительственныхъ учрежденіяхъ и присутственных мѣстахъ, о войскѣ и вооруженіи, о военныхъ укрѣпленіяхъ, военнопленныхъ и мѣстничествѣ. Во 2-мъ отдѣленіи разсказывается о языческомъ и христіанскомъ богослуженіи и духовенствѣ, о древности и достоинствахъ русскихъ законовъ, о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ, о воспитаніи, ученіи, наукахъ, книгахъ и врачебной части, о городской и земской полиціи и межеваніи, о торговлѣ, дорогахъ, мостахъ и водныхъ сообщеніяхъ, о счисленіи и раздѣленіи времени, монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ, и, наконецъ, въ особомъ прибавленіи о присутственных мѣстахъ и чинахъ старой Малороссіи. Для составленія этого прибавленія авторъ пользовался нѣкоторыми рукописями, хранив-

¹⁾ Къ сожалѣнію, всѣ экземпляры „Опыта“ Успенскаго попадались намъ во 2-мъ изданіи; 1-го же мы вовсе не имѣли въ своихъ рукахъ.

Рижскій заимствуетъ изъ сочиненій русскихъ писателей періода отъ Ломоносова до Крылова.

По полнотѣ свѣдѣній, обстоятельности и ясности изложенія курсъ теоріи словесности Рижскаго былъ для своего времени явленіемъ дѣйствительно выдающимся. Равнаго ему по значенію для своего времени русская литература не имѣетъ доселѣ²⁾.

Въ заключеніе еще замѣтимъ, что Рижскій приготовлялъ къ печати и свой курсъ исторіи русской словесности²⁾, но преждевременная смерть не позволила ему довести до конца этотъ трудъ. Рижскій славился какъ ораторъ, но о рѣчахъ его мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Г. П. Успенскій, не имѣвшій до назначенія своего профессоромъ въ Харьковъ специальныхъ трудовъ по русской исторіи, занялъ выдающееся положеніе среди русскихъ историковъ своимъ „Опытомъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ“. Первое изданіе этой книги вышло въ 1811—1812 г. и было встрѣчено публикой такъ сочувственно, что въ 1818 г. появилось новое, второе, „исправленное и умноженное“. (Первое не было вполнѣ закончено: въ немъ не было общаго авторомъ 2-го отдѣленія 2-й части). Въ предисловіи къ 1-му изданію Успенскій говоритъ, что сюжетъ его книги долженъ представить интересъ для всякаго русскаго; „здѣсь изображаются нравы, обыкновенія и учрежденія собственныхъ нашихъ предковъ, которымъ одолжены мы не только бытіемъ нашимъ, но и самимъ даже уваженіемъ и славой, какимъ нынѣ пользуемся со стороны народовъ иноплеменныхъ“. Самъ Успенскій называетъ сочиненіе свое *первымъ* на русскомъ языкѣ опытомъ отечественныхъ древностей; и этотъ *первый* опытъ оставался и *единственнымъ* въ теченіе почти 80 лѣтъ, до выхода въ свѣтъ въ 1890 г. книги проф. В. И. Сергѣевича „Русскія юридическія древности“ (впрочемъ еще и доселѣ не законченной). Для того чтобы достойно оцѣнить попытку Успенскаго, нужно вспомнить, что тогда мы не имѣли еще и систематически изложенной политической исторіи Россіи: „Исторія государства російскаго“ Н. М. Карамзина вышла только въ 1818 году. Но что нужно вѣнчать въ особую заслугу Успенскому, такъ это выборъ темы. Если въ настоящее время есть не мало историковъ, которые сводятъ сущность исторіи къ политическимъ событіямъ, совершенно игнорируя внутренній бытъ, то что же сказать о томъ времени, когда и Карамзинъ далъ почти исключительно исторію государства? Такимъ образомъ, Успенскій обнаружилъ извѣстную смѣлость, преподнесъ своимъ читателямъ въ 1-й части книги очеркъ домашняго быта нашихъ

²⁾ Извѣстіе о жизни и смерти И. С. Рижскаго. Харьковъ, 1811, стр. 5.

предковъ. Выполненіе задачи нельзя не признать также весьма удовлетворительнымъ. У Успенскаго мы находимъ большую начитанность въ памятникахъ русской исторіи и при томъ не только въ пособіяхъ, но и въ источникахъ первой руки. Самъ Успенскій говоритъ о себѣ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ извѣстія относительно отечественныхъ древностей: „просмотрѣлъ всѣ доходившія до меня какъ на отечественномъ языкѣ изданія, такъ равно и многія иностранныя сочиненія, дѣлая изъ нихъ соотвѣтственныя извлеченія“. И дѣйствительно, въ его книгѣ мы находимъ несомнѣнныя доказательства знакомства со сказаніями иностранцевъ, которые дали ему богатый фактический матеріалъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, сказанія Рейтенфельса, Олеарія, Герберштейна, Мейерберга, Бухау, Петрея, Ювія, Корба, Таннера, Ульфельда. Авторъ отличается также большою начитанностью въ памятникахъ русскаго законодательства (судебникъ, уложеніе). Изъ пособій онъ главнымъ образомъ пользуется Татищевымъ (исторіей и словаремъ), Щербатовымъ, Стриттеромъ, Болтинымъ. Программа сочиненія весьма обширна, особенно во 2-мъ изданіи ¹⁾. Въ этомъ можно уже убѣдиться изъ одного перечня главъ. 1-я часть состоитъ изъ вступленія и 8 главъ; въ 1-й главѣ говорится о языкѣ, разныхъ нарѣчіяхъ и прозваніяхъ *россіянь*, во 2-й о художествахъ, ремеслахъ и домостроительствѣ, въ 3-й о дорожныхъ экипажахъ, одеждѣ и обуви, въ 4-й о яствахъ, напиткахъ и пиршествахъ, въ 5-й о забавахъ и увеселеніяхъ, въ 6-й о бракахъ, въ 7-й о родахъ и младенцахъ, въ 8-й о погребеніяхъ. 2-я часть распадается на 2 отдѣленія; 1-е и 2-е заключаютъ въ себѣ по 7 главъ. Въ 1-мъ отдѣленіи говорится о раздѣленіи русскаго народа и о сословіяхъ, о царскомъ дворцѣ, коронованіи и титулѣ русскихъ государей, о посольствахъ и государственномъ гербѣ, о царедворцахъ и знакахъ отличія, о правительственныхъ учрежденіяхъ и присутственных мѣстахъ, о войскѣ и вооруженіи, о военныхъ укрѣпленіяхъ, военноплѣнныхъ и мѣстничествѣ. Во 2-мъ отдѣленіи разсказывается о языческомъ и христіанскомъ богослуженіи и духовенствѣ, о древности и достоинствахъ русскихъ законовъ, о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ, о воспитаніи, ученіи, наукахъ, книгахъ и врачебной части, о городской и земской полиціи и межеваніи, о торговлѣ, дорогахъ, мостахъ и водяныхъ сообщеніяхъ, о счисленіи и раздѣленіи времени, мопетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ, и, наконецъ, въ особомъ прибавленіи о присутственных мѣстахъ и чинахъ старой Малороссіи. Для составленія этого прибавленія авторъ пользовался нѣкоторыми рукописями, хранив-

¹⁾ Къ сожалѣнію, всѣ экземпляры „Опыта“ Успенскаго попадались намъ во 2-мъ изданіи; 1-го же мы вовсе не имѣли въ своихъ рукахъ.

шимися въ библіотекѣ Харьковскаго университета (главнымъ образомъ неизданною тогда рукописью „Топографическаго описанія Черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго). Въ концѣ книги находимъ обширный предметный указатель; всѣхъ страницъ въ сочиненіи 787 (не считая особаго списка пренумерантовъ, который тянется до 815 страницы).

Изъ всѣхъ этихъ главъ совершенно неудовлетворительны только двѣ—о происхожденіи русскаго народа и его языческой религіи. Но извѣстно, что и въ настоящее время вопросы о Варягахъ Руси и русской міеологіи нерѣшены окончательно да и не могутъ имѣть твердаго всѣхъ удовлетворяющаго рѣшенія. Что же касается остальныхъ главъ, то онѣ свободны отъ фантастической филологіи и отличаются фактическимъ характеромъ. Неудивительно поэтому, что книга Успенскаго была встрѣчена весьма сочувственно и сразу же поставила автора на очень видное мѣсто въ рядахъ тогдашнихъ дѣятелей русской исторической науки. Извѣстный мемуаристъ Вигель (это отмѣтилъ М. И. Сухомлиновъ) ставитъ его даже непосредственно за Карамзинымъ. Онъ приводитъ мѣста изъ его сочиненія и говоритъ: „первый Карамзинъ освѣтилъ нашу древность, тогда для желающихъ проникнуть въ эту глубину явилось множество свѣтильниковъ; въ числѣ ихъ находится писатель, *въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ оказавшій услуги* — трудолюбивый профессоръ Харьковскаго университета Успенскій, сочинитель опыта повѣствованія о древностяхъ русскихъ“¹⁾. Но этотъ отзывъ можетъ быть принятъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Какъ самостоятельный ученый, Успенскій уступалъ нѣкоторымъ глубокимъ изслѣдователямъ русской старины, членамъ знаменитой „Румянцевской дружины“—митрополиту Евгенію и П. Строеву. Но его книга въ послѣдствіи дѣйствительно представляла необходимое дополненіе къ „Исторіи государства Россійскаго, являясь какъ бы систематическимъ очеркомъ внутренняго быта нашей допетровской Руси и въ этомъ отношеніи можно имя Успенскаго ставить сейчасъ же послѣ Карамзина. Какъ бы то ни было Харьковскій университетъ можетъ гордиться, что выдвинулъ изъ глуши этого талантливаго труженника науки и далъ возможность ему исполнить его капитальный трудъ. Привлеченіе же въ университетъ Успенскаго является всецѣло заслугой Тимковскаго, который внушилъ ему и первую мысль о составленіи даннаго сочиненія. Кромѣ этой книги, Успенскому принадлежатъ еще нѣсколько статей, посвященныхъ разработкѣ специальныхъ вопросовъ изъ русской старины.

Изъ иностранныхъ профессоровъ научною дѣятельностью на словесномъ отдѣленіи заявили себя Рейтъ, Белень-де-Валлю и Роммель.

¹⁾ М. И. Сухомлиновъ. Изслѣд., I, стр. 91.

Рейтъ издалъ въ 1811 г. въ Харьковѣ на латинскомъ языкѣ „Specimen historiae Rossorum. Pars prima, 101 p.“—это опытъ политической исторіи древней Руси. Любопытна судьба этой книги. Въ свое время она прошла незамѣченной: ею не пользовался даже Карамзинъ. Впослѣдствіи о ней совершенно забыли, и только трудолюбивый историкъ Харьковскаго университета Н. А. Лавровскій познакомилъ читателей съ ея содержаніемъ на страницахъ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія. Пользуясь рефератомъ Н. А. Лавровскаго, мы дадимъ краткія свѣдѣнія о содержаніи книги Рейта. Указавъ на то, что сочиненіе Рейта было предано полному забвенію, Н. А. Лавровскій прибавляетъ: „а между тѣмъ книга эта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія уже потому, что представляетъ собою первый у насъ опытъ краткаго очерка русской исторіи, задуманный и исполненный, хотя и не вполне, ученымъ нѣмцемъ, но съ добросовѣстнымъ примѣненіемъ къ нему исторической критики; замѣчательна она по опытамъ рѣшенія тѣхъ вопросовъ изъ первоначальной нашей исторіи, которые до настоящей минуты продолжаютъ занимать нашихъ историковъ; замѣчательна она, наконецъ, и какъ первый опытъ ученаго изложенія русской исторіи съ университетской кафедрѣ въ первое десятилѣтіе нашего вѣка. Нельзя не пожалѣть, что задуманный почтеннымъ авторомъ очеркъ выглянулъ на свѣтъ Божій только незначительною своею частію (до татарскаго погрома)“¹⁾. Едва ли впрочемъ Рейтъ, прибавимъ отъ себя, могъ, при незнаніи русскаго языка, включить въ свое изложеніе Московскій или Императорскій періодъ нашей исторіи; онъ долженъ былъ по необходимости вращаться, подобно Байеру, въ области древней русской исторіи, потому что основывался на источникахъ иностранныхъ. Н. А. Лавровскій говоритъ, что Рейтъ пользовался Бертинскими лѣтописями, Константиномъ Багрянороднымъ, Несторомъ, Миллеромъ, Шлецеромъ, Башиловымъ, Степенною, родословными и разрядными книгами, но это не совсѣмъ точно. Рейтъ не говоритъ прямо, чтобы онъ пользовался тремя послѣдними памятниками; „fontibus historiae Rossicae haud numerito adnumerantur libri stepennye, Rodoslovnye et Rozranye (sic!) dicti, quorum vero auctoritas annolibus posthabenda apocryphaque nonnisi est“²⁾. Да и потомъ, въ текстѣ, онъ не пользуется ими. Въ предисловіи перечисляются народы, обитавшіе въ области древнѣйшаго русскаго государства и сосѣдніе съ ними. Въ заключеніе Рейтъ приводитъ актъ призванія князей и высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что первоначальное устройство русскаго государства было феодальное (или дружинное). Затѣмъ начинается краткое

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г. ч. CLXV, стр. 87.

²⁾ Specimen p. 3.

изложеніе русской исторіи. Напечатанный выпускъ заключаетъ въ себѣ только часть перваго періода по дѣленію Рейта, обнимающаго время отъ Рюрика до Іоанна III (862—1462), и содержитъ въ себѣ два отдѣла: 1) отъ Рюрика до смерти Владиміра (862—1015) и 2) отъ смерти Владиміра до нашествія монголовъ (1015—1238). Последній отдѣлъ, до смерти Юрія Долгорукаго, предлагается въ особой главѣ; слѣдующая глава, послѣ краткаго очерка дѣятельности владимірскихъ князей отъ Андрея Боголюбскаго до Георгія Всеволодовича, вся посвящена обзорѣнію монголовъ и родственныхъ имъ восточныхъ народовъ, а также со-сѣднихъ съ ними гунновъ, турокъ, татаръ, и братскому очерку постепеннаго распространенія владычества монголовъ до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ оно является предъ нашествіемъ Батты на русскую землю¹⁾. Въ концѣ приложена генеалогическая таблица. Н. А. Лавровскій отмѣчаетъ цѣлый рядъ оригинальныхъ мнѣній Рейта по различнымъ частнымъ вопросамъ древней русской исторіи, вотъ нѣкоторые изъ нихъ—Рейтъ отождествляетъ Аскольда съ Диромъ; приурочиваетъ походъ на Царьградъ въ 865 г. къ Кіевской Руси; признаетъ достовѣрнымъ договоръ Олега съ греками, но не вѣритъ въ его походъ; считаетъ легендарными сообщенія лѣтописи о мести Ольги и думаетъ, что она поѣхала въ Царьградъ уже христіанкой; отождествляетъ Городотовъ Герросъ съ *γύρα* Константина Багрянороднаго и видитъ въ этой своей гипотезѣ важное открытіе; высказываетъ свои соображенія о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ; рѣзко полемизируетъ съ Вольтеромъ за его презрительный отзывъ о Руси въ княженіе Ярослава мудраго (по поводу женитьбы Генриха Французскаго на Аннѣ Ярославовнѣ); представляетъ свои догадки и соображенія о козакахъ и черноморскихъ россакъ. „Приводя здѣсь мнѣнія Рейта, его догадки и предположенія, мы, конечно, не имѣли въ виду, говоритъ Н. А. Лавровскій, не только защищать ихъ, но и утверждать за ними даже относительную цѣнность... Считаемо однако же долгомъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ мнѣній нисколько не хуже многихъ изъ тѣхъ, которыя съ давнихъ поръ, по привычкѣ и утвердившимся авторитетами, пользуются общимъ вниманіемъ, приводятся и для опроверженія, и для подтвержденія собственныхъ мнѣній и догадокъ.... Тогдашній Харьковъ, правду сказать, представлялъ порядочную глушь, почти уединенную отъ образовательныхъ центровъ по причинѣ медленности и затруднительности сообщеній. Университетъ только что открылъ свою дѣятельность, слѣдовательно, могъ предложить только самыя ограниченныя средства. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, даже независимо отъ достоинства труда, нѣмецъ профессоръ, за-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г. ч. CLXV, стр. 88—89.

бравшійся въ эту глушь съ самыми ограниченными средствами для занятій, изучающій русскую исторію, эту едва початую науку, силищійся объяснить темныя и согласить разнорѣчивыя историческія свидѣтельства, встрѣчавшійся на каждомъ шагѣ, печатающій свой трудъ на латинскомъ языкѣ безъ всякой надежды на вниманіе, во всякомъ случаѣ представляетъ не только любопытное, но и назидательное явленіе“. Роммель называетъ Рейта „ученымъ, философомъ образованнымъ и нѣсколько фантастическимъ историкомъ, извѣстнымъ своею исторіей Франціи“¹⁾. Этотъ отзывъ повидимому совершенно правиленъ. Рейтъ отличался большою начитанностью, горячо принимался за всякія ученые труды, но дѣйствительно въ разбираемомъ трудѣ высказалъ не мало смѣлыхъ догадокъ и предположеній. Впослѣдствіи мы еще приведемъ одинъ документъ, ярко рисующій нравственную физіономію Рейта, теперь же только замѣтимъ, что конкурентомъ его былъ проф. Дегуровъ—и Рейтъ не имѣя возможности добиться каѳедры ординарнаго профессора на словесномъ факультетѣ перешелъ на юридическій.

Болѣе выдающимся историкомъ былъ Дегуровъ или Дюгуръ. До перехода своего въ Харьковъ онъ обнаружилъ большую научную продуктивность и напечаталъ массу историческихъ работъ. Но теперь его дѣятельность почти прекратилась; въ бытность свою харьковскимъ профессоромъ онъ напечаталъ только нѣсколько актовыхъ рѣчей, о которыхъ скажемъ ниже, и одно болѣе крупное сочиненіе, которое вышло въ свѣтъ въ 1816 году и потому мы о немъ скажемъ уже во 2-мъ томѣ своего труда.

Представители классицизма Белень-де-Баллю и Роммель занимались энергически изданіемъ учебныхъ пособій по своимъ предметамъ частію для студентовъ, частію для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ такихъ учебникахъ была огромная потребность. И студенты университета, и ученики вновь открытыхъ гимназій, главныхъ народныхъ училищъ не имѣли руководствъ, по которымъ могли бы изучать преподаваемые имъ предметы. Университетъ, въ лицѣ своего училищнаго комитета, завѣдывавшій устройствомъ и управленіемъ всѣхъ школъ въ округѣ, естественно долженъ былъ позаботиться объ изданіи для нихъ учебниковъ. И дѣйствительно, въ это время было напечатано мно-

¹⁾ Н. А. Лавровскій указываетъ слѣдующіе ученые труды Рейта, написанные имъ до перехода въ Россію: 1) Историко-политическія письма съ опытомъ исторіи бывшаго Имперскаго города Майнца; 2) Исторія королевской власти и государственныхъ перемѣнъ во Франціи послѣ паденія лиги до начала республики, 1-я часть; 3) Очеркъ революціи въ Италіи 1-я часть. Исторія государственныхъ перемѣнъ въ Венеціанской республикѣ отъ ея начала до основанія наслѣдственной аристократіи. (Жур. Мин. Нар. Просв., 1873 г., ч. CLXV, стр. 88).

жество руководствъ частію непосредственно самимъ университетомъ, частію на его счетъ, а частію и на собственные средства авторовъ. При многихъ изданіяхъ прямо говорится, что они составлены по порученію университета; въ другихъ случаяхъ университетъ вступалъ въ извѣстное соглашеніе съ авторами. Такъ, напр., было съ хрестоматіями Роммеля и Шада: каждый изъ нихъ долженъ былъ получить плату за 300 экземпляровъ своей четвертой доли 1-го и 2-го изданія (всего было выпущено въ свѣтъ 1200 экземпляровъ) и сверхъ того по 50 экзempl. нату-рою, quae in usum Germaniae, заявили составили vendemus¹⁾. Члены правленія постоянно заботились объ изданіи учебниковъ. Въ 1809 году они „разсуждая, какія книги можно напечатать въ университетской типографіи съ пользою для училищъ и съ выгодною для университета, положили напечатать: 1) латино-французскій словарь Будо съ русскимъ переводомъ, поручивъ этотъ послѣдній бывшему учителю богородовскаго училища Богородскому; 2) французскую хрестоматію въ прозѣ и стихахъ, изданную въ Лондонѣ Ленуаромъ, съ дополненіями и сокращеніями Белень-де-Баллю, и 3) французскую грамматику того же Белень-де-Баллю. Попечитель согласился съ первыми двумя предложеніями, но отвергъ третье, такъ какъ французскихъ грамматикъ и безъ того уже было много въ обращеніи. Тогда же былъ представленъ въ совѣтъ и латинскій букварь, составленный секретаремъ правленія²⁾. Министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны поощряло издательскую дѣятельность университета. Такъ въ 1811 г. министръ А. К. Разумовскій рекомендовалъ Харьковскому университету издать латинскихъ классиковъ—Юлія Цезаря, Горація, Корнелія Непота, Федра, Саллюстія, Цицерона и Виргилія для употребленія въ гимназіяхъ и духовныхъ училищахъ. Результатомъ этого предложенія были изданія Роммеля³⁾.

Проф. Белень-де-Баллю составилъ и издалъ слѣдующія учебныя пособія: 1) *Systema novum docendi et discendi linguam latinam*. 1806; 2) *Tableaux des déclinaisons latines*, 1807; 3) *Chrestomathia poëtica sive eclogae poëtarum latinorum in usum studiosae juventutis Rossicae, ex decreto cacs. Universitatis Charcovianae*, I, 364, t. II, 339, 1809; 4) *Le dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine*, 1811; 5) *Dialogues des morts* (сочиненіе Фенелона, изданное по порученію и на счетъ университета) 1811 г. и 6) *Lectures instructives et morales sur differents sujets, tirées desmeilleurs écrivains* (изданы университетомъ подъ его редакціей), 1811, LXXVIII, 222. Важнѣйшимъ изъ этихъ трудовъ нужно признать

¹⁾ Н. А. Лавровскій. Эпизодъ, стр. 38, примѣчаніе.

²⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло сов. 1809 г. № 1.

³⁾ Ibidem. Дѣло совѣта. 1811 г. № 6.

„поэтическую хрестоматию“. Въ ней мы находимъ отрывки изъ сочиненій слѣдующихъ писателей—Теренція, Федра, Овидія (метаморфозъ, элегій, *de Ponto*) Виргилія (буколикъ, георгикъ, энеиды), Лукреція (о природѣ), Горація (одъ, сатиръ, писемъ), Ювенала (сатиръ). Передъ каждымъ отрывкомъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, а въ концѣ находятся комментаріи, касающіеся текста и занимающіе 117 страницъ.

Проф. Роммель, переѣхавшій въ Харьковъ въ 1811 г., также всецѣло посвятилъ себя изданію хрестоматій, продолжая такимъ образомъ дѣятельность Белень-де-Баллю, перешедшаго какъ мы знаемъ, въ Петербургъ. Въ своихъ запискахъ онъ указываетъ на причины, побудившія его заняться подобнаго рода трудами. „На лекціяхъ о греческихъ и латинскихъ классикахъ, которыя посѣщались въ довольно большомъ числѣ, сравнительно съ другими, я на первыхъ же порахъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе: не оказалось классиковъ въ достаточномъ числѣ печатныхъ экземпляровъ. Диктовать оригиналы было бы слишкомъ тяжело; помочь же этому недостатку, при жалкомъ состояніи русской книжной торговли, возможно было только немедленнымъ изданіемъ необходимѣйшихъ авторовъ. Университетская типографія принялась печатать ихъ подъ моимъ руководствомъ, несмотря на недостатокъ хорошей печатной бумаги. Изготовленныя мною и дополненныя объяснительными примѣчаніями изданія рѣчей и философскихъ сочиненій Цицерона, Саллюстія и Корнелія Непота тотчасъ же приняты были для гимназій; изъ болѣе трудныхъ авторовъ я принужденъ былъ по временамъ диктовать слушателямъ отдѣльные отрывки“. Дѣйствительно, Роммелемъ въ теченіе 1812—1814 гг. были изданы слѣдующія руководства: 1) *M. T. Ciceronis. Orationes selectae, universitatis Charcoviensis auctoritate*. 1812, XLIII, 438; 2) *Deutsche chrestomathie, poetischer Theil*, 1813, 336 p.; 3) *M. T. Ciceronis libri de amicitia, de senectute et de officiis nec non paradoxa et somnium Scipionis*, 1813, 298 p.; 4) *Crispi Sallustii quae extant opera*, 1814, XXVII, 281 p. и 5) *Cornelii Nepotis vitae excellentium imperatorum*, 1814. Чтобы дать общее представленіе объ этихъ изданіяхъ, опишемъ одно изъ нихъ—именно № 3. Оно содержитъ въ себѣ рядъ философскихъ сочиненій Цицерона. Въ началѣ помѣщено обращеніе издателя къ учащемуся юношеству, заключающее краткую характеристику издаваемыхъ произведеній. Роммель пользовался изданіями Гревія (1688 г.), Исаака Вербурга (1724 г.), Оливети (1787 г.); не было у него подъ руками изданій Фактіюлати и нѣкоторыхъ др. новѣйшихъ. Текстъ вездѣ сопровождается краткими подстрочными примѣчаніями. На этикополитическомъ отдѣленіи изданіемъ учебныхъ руководствъ занимались—проф. Тимковскій, Шадъ и Якобъ.

Вотъ отзывъ о сочиненіи Тимковскаго, составленный по моей просьбѣ уважаемымъ товарищемъ проф. М. Е. Халанскимъ.

„Опытный способъ къ философическому познанію російскаго языка“ Ильи Тимковскаго (Харьк. 1811 г., 310 стр.) представляетъ руководство къ преподаванію отечественнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Сочиненіе состоитъ изъ „введенія“ (1—8 стр.), коротенькаго (9—53 стр.) изложенія нѣкоторыхъ пунктовъ этимологіи и синтаксиса рус. яз. и значительнаго количества (стр. 57—310) примѣровъ для грамматическаго разбора, поясненія грамматическихъ правилъ и руководства преподавателей отечественнаго языка въ ихъ практикѣ. Приложение—самая интересная часть руководства Тимковскаго. Авторъ стоитъ на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія, что правила и законы языка познаются изъ наблюдений, что преподаваніе отечественнаго языка должно вестись по эвристическому способу и что главная работа преподавателя состоитъ въ разумномъ подборѣ примѣровъ и въ развитіи въ учащихся способности сознательно относиться къ особенностямъ грамматическаго строя родного языка. Главное вниманіе въ изученіи грамматики русскаго языка Тимковскій сосредоточиваетъ на морфологіи, словопроизводствѣ, синонимикѣ и синтаксисѣ. Отсюда и названіе сочиненія—*„Опытный способъ къ философическому познанію російскаго языка“*. Во введеніи интересны краткія указанія методологическаго свойства, сохраняющія свое значеніе и въ настоящее время. Живому и непосредственному участию преподавателя въ работахъ учениковъ и разучиванію образцовъ прозы и поэзіи Тимковскій придавалъ огромное значеніе въ методикѣ отечественнаго языка: „по всѣмъ онымъ опытамъ во-первыхъ самъ (наставникъ) предлагаетъ и изъясняетъ свои примѣры, потомъ заставляетъ учениковъ повторить сіи изъясненія и на каждое правило свои краткіе примѣры сказывать. Во всякомъ же разборѣ и во всѣхъ своихъ запросахъ всѣхъ учениковъ занимаетъ и всѣмъ въ отвѣтахъ даетъ участвовать попеременно. Замѣчая погрѣшности въ ихъ словахъ и мысляхъ, исправляетъ оныя, и причины мнѣнія своего изъясняетъ“.

„Примѣры избираетъ по благоразумію своему изъ извѣстныхъ російскихъ писателей, присовокупляя и славенскаго языка примѣры, взятые изъ книгъ священнаго писанія или другихъ церковныхъ, въ такомъ числѣ, какого множество учениковъ востребуетъ, и съ такимъ содержаніемъ, чтобы могли при томъ поселать въ учащихся свѣдѣнія о красотѣ и силѣ російскаго слова, внушать имъ любовь къ истинѣ и отечеству, и понятіями обогащать ихъ, которыя въ слогѣ употребительны будутъ. Важнѣйшіе изъ предлагаемыхъ они записываютъ и наизусть заучиваютъ.“

„Глава восьмая“ заключаетъ „древности языка славяно-россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ“. По вопросу о происхожденіи „славянскаго языка“ Тимковскій выражается здѣсь такъ: „судя же по произведенію Славянъ, какъ и однородныхъ имъ Венетовъ или Вендовъ отъ Сарматовъ или Савро-мидовъ корнемъ языка ихъ Мидскій принимаемъ“.

Такимъ образомъ, книга Тимковскаго, какъ видно отсюда, не выдѣляется изъ общаго уровня учебниковъ, но отличается все таки здоровыми методическими указаніями, стоящими въ связи съ огромною педагогическою опытностью автора. И. О. Тимковскій былъ прежде всего педагогъ; оставивъ университетъ, онъ посвятилъ себя всецѣло педагогической дѣятельности (сдѣлался директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи).

Самою крупною научною силою на этико-политическомъ факультетѣ былъ несомнѣнно Шадъ; ему же принадлежать и самыя выдающіяся руководства по предметамъ его спеціальности. Особенно цѣннымъ среди нихъ является его „Чистая логика“; онъ самъ придавалъ большое значеніе этому сочиненію, какъ продукту самостоятельнаго научнаго творчества: „въ чистой логикѣ, говоритъ онъ, я не могъ слѣдовать никакому руководителю; мнѣ нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на собственныя идеи“. „Такъ какъ по его убѣжденію, прибавляетъ къ этому проф. О. А. Зеленогорскій, напечатавшій двѣ обстоятельныя статьи о Шадѣ, составившемуся у него, какъ онъ самъ говоритъ, послѣ чтенія и разбора главнѣйшихъ философовъ всѣхъ вѣковъ, причиною разногласій и споровъ между философами служить прератное истолкованіе логики и ея законовъ, то онъ своимъ опытомъ новой логики желалъ оказать добрую услугу не одной логикѣ, но и всей философій.“¹⁾ По нашей просьбѣ уважаемый товарищъ проф. Э. О. Лейкельдъ познакомился съ книгой Шада и далъ о ней слѣдующее заключеніе (помѣщаемъ его дословно).

„Посвященное императору Александру I сочиненіе Шада распадается на три части: на введеніе (*prolegomena logicae*), чистую логику (*logica pura*) и логику прикладную или методологію (*logica applicata*). Въ предисловіи онъ самъ заявляетъ, что для послѣдняго отдѣла черпалъ многое изъ сочиненій другихъ авторовъ, и обѣщаетъ быть вполне оригинальнымъ только въ логикѣ чистой. И дѣйствительно, интересъ читателя сосредоточивается на первыхъ двухъ частяхъ книги, что же касается логики прикладной, то лишь на первомъ ея отдѣлѣ (*sectio prima*), который содержитъ предварительныя общія разсужденія. Нашъ

¹⁾ „Ив. Г. Шадъ“ (Вопросы философій и психологіи, кн. 27, стр. 162).

авторъ всецѣло проникся Фихтевскимъ метафизическимъ ученіемъ, по которому познающее „я“ необходимо противопоставляетъ себѣ „не я“, а благодаря дѣятельности разума, вновь объединяетъ „я“ и „не я“ въ единомъ „я“. Непосредственно изъ этой доктрины объясняетъ онъ во введеніи, чѣмъ должна быть логика, въ чемъ истинное ея значеніе, каковы предѣлы этой науки и гдѣ она уступаетъ мѣсто метафизикѣ, обращаясь уже въ логику „трансцендентальную“. Усвоенную точку зрѣнія Шадъ проводить и въ ученіи о познавательныхъ способностяхъ (2-я глава введенія). Воззрѣніями Фихте онъ постоянно стремится воспользоваться при самомъ изложеніи чистой логики, гдѣ трактуетъ о понятіи, сужденіи и умозаключеніи. Наконецъ, прямо подъ вліяніемъ этого философа высказываетъ онъ въ прикладной логикѣ свои мысли о познании вообще. Въ этомъ характерная особенность сочиненія, и этимъ отличается оно отъ другихъ. Если бы Шадъ согласился изложить свою логику такъ, какъ того требовалъ Кантъ, т. е. не включая въ нее рѣшительно ничего изъ области метафизики и теоріи познанія (ученія объ источникахъ и предѣлахъ человѣческаго знанія), или если бы мы сами выбросили изъ его книги указанныя привнесенія, отъ всей чистой логики осталось бы ограниченное количество давно уже наукою установленныхъ основныхъ положеній. Міровоззрѣніе Фихте авторъ вполне понимаетъ и—мало того—съ нимъ безусловно сживается, такъ что оно становится его міровоззрѣніемъ. Во вступленіи къ одному раньше изданному сочиненію („Neuer Grundriss der transcendentalen Logik nach den Principien der Wissenschaftslehre“ Jena u. Leipz. 1801) Шадъ имѣлъ право возразить своимъ критикамъ, что онъ вовсе не комментаторъ Фихте: онъ самъ мыслить идеями этого философа; онъ не толкователь доктрины „субъективнаго идеализма“, а продолжатель сего направленія. И книга Шада становится особенно цѣнной въ виду того, что Фихте самъ, какъ извѣстно, логики не разрабатывалъ, а изъ другихъ ученыхъ и мыслителей можно указать развѣ на Мемеля (G. E. A. Mehmel), сочиненіе котораго „Analytische Denklehre“ носить нѣкоторый отпечатокъ фихтеанства. Само собою разумѣется въ настоящее время разсматриваемое сочиненіе представляетъ лишь историческій интересъ. Да и у современниковъ Шадъ едва-ли встрѣчалъ много сочувствія. Философія Фихте вообще находила себѣ мало приверженцевъ. Притомъ, когда нашъ авторъ пишетъ свою логику, Шеллингъ съ многочисленными учениками своими уже дѣлаетъ попытку преобразовать идеализмъ Фихте, а съ другой стороны начинается уже время Гегеля. Наконецъ, въ этотъ періодъ продолжаетъ, разумѣется, жить ученіе Канта, съ которымъ Шадъ подчасъ весьма рѣзко полемизируетъ.

Что касается второго отдѣла—собственно изложенія логики прикладной, то въ него воззрѣнія Фихте почти вовсе не привнесены, и представляетъ онъ не методологію въ нашемъ смыслѣ, а рядъ общеизвѣстныхъ практическихъ указаній, которыя включались тогда во многія руководства по логикѣ, хотя и имѣли часто съ этой наукой слишкомъ мало общаго. Дѣло идетъ тутъ о томъ, какъ избѣгать разнаго рода случайныхъ ошибокъ, построить заключенія вѣроятныя, излагать научныя теоріи, опровергать противорѣчащіе взгляды и защищать собственные. Шадъ на этихъ вопросахъ останавливается весьма подробно, и читатель невольно удивляется, почему онъ становится сравнительно краткимъ, когда находитъ рѣчь о познании à priori: въ данномъ случаѣ авторъ высказываетъ только одно желаніе, — чтобы философъ былъ человекомъ нравственно хорошимъ, ибо ему приходится созерцать гармонию въ міровомъ устройствѣ.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ книги Шада, пользуясь для этого статьей проф. Э. А. Зеленогорскаго. Оригиналенъ взглядъ Шада на цѣль логики: логика, по его мнѣнію, не можетъ быть преимущественнымъ и непосредственнымъ органомъ открытія истины. При помощи логики ничего другого мы не можемъ достигнуть, говоритъ Шадъ, какъ изслѣдить и передавать наши мысли другимъ послѣдовательно и согласно какому-либо основному понятію, на которое опираются остальные понятія.... Такая постановка логики вытекаетъ изъ его взгляда на мышленіе; въ этомъ послѣднемъ онъ различаетъ двѣ формы — одну черезъ разумъ (per intellectum), другую — черезъ разумъ (per rationem); только разумомъ мы познаемъ вселенную, какъ она существуетъ въ себѣ, „разсудкомъ же вселенная познается въ такомъ видѣ, въ какомъ она представляется рефлексіи....“ „Логика есть такая наука, которая, опираясь на способность рефлексіи и раскрывая самыя общія формы ея, устанавливаетъ законы непогрѣшимого вывода въ мышленіи....“ „Для ищущаго удовлетворенія въ правилахъ логики достаточно, если изъ понятія, которое полагается въ основаніе, выводится ни больше, ни меньше, чѣмъ сколько находится въ понятіи и если не утверждается въ цѣломъ рядѣ мыслей ничего, что находилось бы въ разногласіи съ основнымъ понятіемъ. Можетъ случиться, что это понятіе не заключаетъ въ себѣ истины, поэтому и остальные понятія, отсюда выведенныя, будутъ страдать тѣмъ же недостаткомъ; какъ изъ истиннаго можетъ слѣдовать только истинное, такъ и изъ ложнаго необходимо слѣдуетъ только ложное, въ такомъ случаѣ можно сдѣлать такъ, что въ немъ будутъ соблюдены всѣ правила логики. Разсудокъ строго ограниченъ опытомъ, разумъ же изслѣдуетъ возможность всякаго опыта. Наука перваго рода называется логикою и

есть теорія разсудка; наука же второго рода называется метафизикою и есть теорія разума...“ „Къ сожалѣнію, логику не всегда понимали надлежащимъ образомъ; вслѣдствіе этого она была причиною распространѣнія заблужденія и ошибокъ въ философіи. Сюда относится прежде всего такъ называемая формальная логика. Она создаетъ убѣжденіе, что между субъектомъ и объектомъ существуетъ абсолютная противоположность... Кантъ, допустивши абсолютную противоположность между теоретическимъ и практическимъ разумомъ, ввелъ въ философію новыя ошибки. Равнымъ образомъ и Рейнгольдъ, поставившій единственнымъ началомъ философіи чистую мысль, повторилъ ошибку послѣдователей формальной логики“. Шадъ, исходя изъ натуръ-философіи Шеллинга, признавалъ двойственность въ природѣ и человѣческомъ духѣ. „Логика Шада распадается на логику чистую и прикладную. Чистая логика трактуетъ о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ или силлогизмахъ. Такимъ образомъ, авторъ не отступаетъ въ общемъ планѣ отъ традиціонной логики, хотя и здѣсь уже его независимость обнаруживается въ томъ, что о законахъ нашего разума онъ трактуетъ не въ началѣ чистой логики, какъ это большею частью было принято, а въ отдѣлѣ о сужденіяхъ. Но слѣдуя въ общемъ обычному плану, авторъ нерѣдко обнаруживаетъ полную самостоятельность и независимость въ обработкѣ частей: онъ представляетъ намъ новыя анализы различныхъ формъ мысли, разлагаетъ на простѣйшіе элементы то, что считалось первичнымъ и неразложимымъ, сближаетъ и отождествляетъ то, въ чемъ большею частью усматривали только различіе, даетъ намъ новыя толкованія и объясненія различныхъ логическихъ понятій и терминовъ съ точки зрѣнія своего философскаго принципа и міровоззрѣнія. Его логика представляетъ собою нѣчто вродѣ философской пропедевтики (какъ назвалъ ее Роммель). Руководительнымъ методическимъ принципомъ у Шада всюду является принципъ, сформулированный Фихте: отыскивать и раскрывать всюду тезисъ, антитезисъ и синтезисъ. Правда, мы не всегда признаемъ анализъ его правильнымъ, усмотримъ допускаемыя имъ натяжки, несогласимыя нерѣдко съ его выводами, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не цѣнить его самостоятельной попытки внести въ старую, традиціонную логику нѣкотораго рода обновленіе, парализовать крайній формализмъ ея, не можемъ отнестись безъ уваженія къ его смѣлости критически относиться къ тому, что въ логикѣ считалось установившимся и непокосновеннымъ; наконецъ, и оригинальность нѣкоторыхъ его философскихъ взглядовъ имѣетъ историко-философскій интересъ...“ ¹⁾ „Логика Шада довольно обширна и содержательна. Правда, въ ней нерѣдко

¹⁾ Ibidem, стр. 576—578.

встрѣчаются повторенія, но они объясняются назначеніемъ книги, какъ руководства для студентовъ: авторъ стремился къ тому, чтобы ничего не оставалось неяснымъ для слушателей и читателей¹⁾. И онъ, прибавимъ отъ себя, вполне достигъ своей цѣли: студенты очень цѣнили его логику; объ этомъ прямо свидѣлствуетъ Роммель, говоря, что „Шадъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанною плавною латынью (что-то вродѣ философской пропедевтики)“.

За логикой должна была послѣдовать метафизика, за нею этика и естественное право (такое обѣщаніе далъ Шадъ въ предисловіи къ своей логикѣ). Особенно интересна была бы для насъ его метафизика, которая, къ сожалѣнію, осталась неизданной. Онъ раньше напечаталъ естественное право и, объясняя въ предисловіи къ нему это измѣненіе плана, даетъ характеристику своей метафизики: „онъ рѣшилъ издать ее на послѣднемъ мѣстѣ, дабы изъ приложенія ея началъ къ естественному праву и нравственному ученію каждый могъ видѣть, что она не есть собраніе безсодержательныхъ схоластическихъ хитросплетеній и приспособлена не къ показной учености, а къ жизни, къ правильному изученію и усвоенію частныхъ наукъ, какъ дополненіе ихъ, къ благоприличію, достоинству и счастію человѣка“. Не увидѣла свѣта и его этика, издано было только естественное право, вызванное, по сознанію самого Шада, тогдашними политическими обстоятельствами. „Счастливейшее измѣненіе обстоятельствъ, которое совершилось съ помощію всемогущаго божественнаго Провидѣнія, а также благодаря рѣшимости, мужеству и непоколебимости великихъ государей Европы, соединенныхъ между собою братскимъ союзомъ, подаетъ надежды на то, что изъ развалинъ тираннической власти (Наполеона), подъ гнетомъ которой стояла почти вся Европа, произойдетъ новый порядокъ, новая жизнь, новое твореніе и новая форма государства, *управляемаго согласно вѣчнымъ закономъ разума*“²⁾. „*Institutiones juris naturae*“³⁾ начинается посвященіемъ императору Александру I-му; въ немъ авторъ подробно говоритъ объ освобожденіи Россіи, Европы и всего міра отъ страшнаго тирана Наполеона; подъ вліяніемъ всеобщаго подъема духа и онъ, Шадъ, рѣшился избавить науку естественнаго права отъ ошибокъ. Воздавши вѣчную благодарность императору за избавленіе отъ тирана, военнаго чудовища нашего

¹⁾ Ibidem, стр. 586.

²⁾ Ibidem, стр. 596, 590.

³⁾ Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: „*Institutiones juris Naturae, conscriptae ad usum auditorum suorum Ioannes Schad, philosophiae tum theoreticae, tum practicae et Caesaræa literarum, quae Charcoviae constituta est, universitate professor ac collegiorum consiliarius Charcoviae, typis universitatis. 1814, VIII, IV, 408.*“

вѣка, исполненнаго ярости и неутомимой жажды человѣческой крови, онъ указываетъ на цѣль изданія книги — содѣйствовать установленію вѣрныхъ понятій о естественномъ правѣ, освобожденію народовъ отъ тѣхъ ошибочныхъ о немъ представленій, изъ которыхъ проистекли всѣ бѣдствія — самая тиранія, и которыя заразили своимъ ядомъ даже образованнѣйшіе народы. Эта цѣль заставила его измѣнить порядокъ изданій своихъ философскихъ сочиненій, указанный имъ два года назадъ въ предисловіи къ „чистой и прикладной логикѣ“. Возможность же установленія истинныхъ понятій о правѣ, поправныхъ французской философіей, Шадъ видитъ только въ соглашеніи науки о правѣ съ наукой о нравственности и религіи — *и этому посвящена его книга*. „Чти божественную мудрость, говоритъ онъ, выразившуюся въ Священномъ писаніи, преимущественно въ Новомъ Заветѣ, и признаю ложною и губительною всякую философію, не согласную съ истинами, проповѣдуемыми Священнымъ писаніемъ. Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ и предназначенныхъ къ изданію, я стремлюсь къ тому, чтобы сообщить этимъ свитымъ, глубокимъ и спасительнымъ истинамъ такія опоры, которыхъ не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакія перемѣны временъ и мнѣній человѣческихъ, никакая ложная философія и самая необузданная жизнь. Въ этомъ стремленіи моя слава, въ немъ хочу состариться и съ нимъ умереть“ ¹⁾. Христіанская религія показываетъ народамъ и правителямъ, говоритъ Шадъ, что никакое государство не можетъ быть твердо и устойчиво безъ помощи добродѣтели и вѣры. Онъ хотѣлъ найти одинъ общій источникъ права и обязанности, который бы не уничтожалъ различія между ними, въ тоже время приводилъ ихъ къ общей гармоніи. На основѣ этого сходства и различія онъ хотѣлъ открыть новые принципы права, другіе законы, сообразно съ коими человѣческія общества могли бы направлять свою жизнь къ общему благу ²⁾. Такимъ образомъ, Шадъ пытался разрѣшить ту задачу, надъ которою тщетно трудились многіе великіе богословы и мыслители, — слить въ одно гармоническое цѣлое вѣру и разумъ, христіанскую религію и философію. Цѣль не была достигнута; но крайней мѣрѣ книга Шада не удовлетворила именно тѣхъ, кому онъ особенно подчеркивалъ христіанскія цѣли своего сочиненія — между прочимъ и тогдашнее русское правительство; оно, какъ извѣстно, конфисковало книгу Шада и самого его выслало изъ предѣловъ Россіи. Этого эпизода мы коснемся во 2 томѣ своего труда; тогда остановимся и на признанныхъ вредными мысляхъ Шада; теперь же

¹⁾ Н. А. Лавровскаго. Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета, стр. 42—43.

²⁾ Эти мысли выражены Шадомъ въ предисловіи къ сочиненію.

только замѣтимъ, что въ его книгѣ во всякомъ случаѣ доминировалъ философскій элементъ и его взгляды на различные государственные вопросы должны быть признаны очень прогрессивными, а во многихъ случаяхъ, особенно для своего времени, даже очень радикальными. Если Шаду не удалось органически слить религіозный элементъ съ философскимъ, то за то этотъ послѣдній у него получилъ строго логическое разрѣшеніе. Весь трудъ Шада проникнутъ одной общей идеей, что право и обязанность, несмотря на коренное различіе ихъ, вытекаютъ изъ одного общаго источника и органически сливаются въ каждомъ субъектѣ. „Всѣ права человѣка Шада выводитъ (стр. 1—21) изъ общаго прирожденнаго, вѣчнаго и непреложнаго права человѣка, отъ котораго зависитъ всякое положительное законодательство и которое человѣкъ можетъ утратить только по собственной волѣ, изъ права, требуемаго разумомъ—жить согласно со своею природою. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ онъ, человѣкъ имѣетъ право на абсолютную свободу, которой никакая внѣшняя сила, даже вооруженная всемогуществомъ оружія, не можетъ исторгнуть; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественною природою; съ точки зрѣнія этого права человѣкъ самъ себѣ законъ, духъ, одушевляющій всѣ остальные законы, цѣль для которой послѣдніе служатъ только средствомъ. А такъ какъ человѣкъ есть необходимый синтезъ животной и разумной природы (какъ все существующее есть синтезъ противоположностей, продуктъ противо-дѣйствія силъ, все производящихъ, и закона безконечнаго развитія) и такъ какъ совершенство человѣка состоитъ въ абсолютной гармоніи той и другой природы, то этотъ синтезъ и долженъ служить основаніемъ для всякаго законодательства, опредѣляющаго дѣятельность человѣка. Среднее состояніе между двумя крайними, животнымъ и разумнымъ, въ которомъ только и возможно развитіе человѣка, возбужденіе и совершенствованіе его силъ, достиженіе верховной цѣли жизни — приближенія къ Божеству, есть состояніе общественное, видомъ котораго является гражданское, свойственное человѣку, какъ гражданину земному и небесному; въ немъ онъ только и можетъ познавать свои права и обязанности. По силѣ разума, человѣкъ абсолютно свободенъ и самъ себѣ законъ, а потому можетъ принимать законодательство только согласное съ разумомъ и хотя по своей волѣ можетъ принять законъ, противный разуму, но въ такомъ случаѣ теряетъ достоинство разумнаго существа. Человѣкъ долженъ быть и оставаться человѣкомъ и защищать себя, какъ человѣка; въ этомъ непреложное право разума и всякое положительное законодательство должно быть въ строгомъ согласіи съ этимъ правомъ. Отсюда естественное право есть философія

положительнаго права... Исходи изъ положенія о синтезѣ животной и разумной природы человѣка, авторъ заключаетъ, что существенныя условія общественной гражданской жизни—забота о собственномъ удобствѣ, ненарушимость взаимныхъ правъ и мудрость. Человѣкъ начинаетъ съ заботы о собственномъ удобствѣ, но разумъ требуетъ, чтобы онъ умѣрялъ и ограничивалъ эту заботу; ибо кто руководится только ею, тотъ не способенъ къ общественной жизни. Ненарушимость взаимныхъ правъ связана съ правомъ безграничнаго умноженія собственности и развитія способностей, такъ какъ какое либо ограниченіе въ этомъ отношеніи противно человѣческой природѣ. Мудрость, сообщающая человѣку высшее достоинство, есть плодъ заботъ о духовномъ образованіи, не имѣющемъ предѣловъ, и каждое гражданское общество, правильно устроенное, не только не можетъ ограничивать стремленіе къ мудрости, но и обязано облегчать его всѣми мѣрами и доставлять къ тому всѣ средства. А потому нельзя придумать ничего болѣе нелѣпаго, какъ принужденіе въ стремленіи къ этой цѣли, въ выборѣ средствъ къ тому и въ ограниченіи этого стремленія. Ничто не принадлежитъ намъ больше, говорить Шадъ, какъ мы сами, какъ наши духовныя блага, которыми мы владѣемъ или которыми овладѣть можемъ: намъ принадлежитъ свобода, управляемая разумомъ, стремиться ко всему высокому и прекрасному и тѣмъ выражать свою божественную природу; намъ принадлежитъ воля, возбуждающая насъ къ дѣйствіямъ, достойнымъ человѣка, намъ принадлежатъ всѣ наши духовныя и тѣлесныя силы, непрерывнаго развитія которыхъ требуетъ отъ насъ нашъ разумъ; намъ принадлежатъ всѣ усилія къ изслѣдованію истины, къ проникновенію въ тайны природы, намъ принадлежатъ доказательства для утвержденія святыихъ истинъ, безъ которыхъ никто не можетъ быть ни добрымъ, ни счастливымъ; намъ принадлежитъ убѣжденіе въ абсолютной цѣнѣ добродѣтели, въ высочайшемъ назначеніи человѣка, въ надеждѣ на будущія блага, въ религіи; намъ принадлежитъ, наконецъ, выборъ легчайшихъ средствъ къ достиженію цѣли, предлагаемой разумомъ. Блага эти принадлежатъ намъ больше, чѣмъ всѣ другія, зависящія отъ прихотей случая. Къ охраненію ихъ должны быть обращены всѣ силы нашего духа; лучше потерять все, самую жизнь, чѣмъ потерпѣть какой либо ущербъ этихъ благъ: „и не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“, сказалъ Спаситель.... Возвышаясь умомъ до верховной цѣли своей дѣятельности и изучая свою божественную природу, человѣкъ только собственною волею дѣлаетъ себя рабомъ закона свободы. Вооруженный этими божественными узами, какъ бы оружіемъ всемогущества, оно выше всей природы. Ничто предъ нимъ, неуклонно стремящимся къ своей цѣли, всѣ

ужасы, которыми страшныя силы природы мучать рабовъ физической необходимости и произвола; ничто предъ нимъ всѣ обошщениа, разсѣляемыя повсюду и возбуждающія къ возмущенію противъ власти разума; ничто предъ нимъ надежды, страхъ, бури душевныхъ волненій, чуждая власть, милость и ненависть, честь и безчестіе, любовь къ жизни и страхъ смерти: все это не можетъ сдвинуть съ положенія, однажды занятаго съ твердою рѣшимостью; объ немъ справедливо сказалъ Гораций: „*si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae*“. Таково сверхъестественное состояніе человѣка, въ которомъ, съ исключеніемъ всякаго произвола, отождествляются свобода и необходимость. Это состояніе есть небо, къ которому стремится человѣкъ и которымъ онъ всегда и вездѣ, даже въ своемъ естественномъ состояніи, можетъ наслаждаться, если только стремится къ нему искренно и неуклонно¹⁾.

Исходя изъ этого основнаго своего положенія о разумѣ, какъ источникѣ свободы и необходимости, Шау примѣнялъ его и къ объясненію такихъ явленій и учрежденій какъ свобода мысли, какъ власть государя, семейственное право, рабство. Тутъ онъ выступаетъ горячимъ поборникомъ свободы. „Все сочиненіе Шауа, основанное на принципѣ безусловной свободы, есть неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія этой свободѣ. Этотъ принципъ, будучи и принципомъ всякой правды, выраженъ имъ такъ: „*nihil agere licet nec in se nec in alios, quo jus quoddam originarium immediate et absolute laeditur*“. Съ нимъ тѣсно связанъ другой принципъ, служащій основаніемъ всякаго условнаго права: „*nihil agere licet, quo jus alterius, pacto quodam ortum, laeditur* (257, 258). Всякое положительное, условное, произвольное право, находящееся въ противорѣчій съ правомъ естественнымъ, недѣйствительно и не можетъ быть оправдываемо никакими разсужденіями, никакимъ временемъ.... Если человѣкъ долженъ считать дѣломъ совѣсти не злоупотреблять всѣми предметами природы, смотрѣть на нихъ, какъ на священные сосуды универсальнаго храма природы, то какими помыслами онъ долженъ быть воодушевленъ къ человѣку, этому совершеннѣйшему творенію Творца природы, Ему подобному, какъ бы земному Богу. Съ какою любовію, уваженіемъ и благоговѣніемъ онъ долженъ къ нему относиться! Какъ должно ужасать его нанесеніе ему малѣйшаго оскорбленія! Съ какою заботливостію онъ долженъ содѣйствовать ему въ достиженіи его высокихъ цѣлей, его совершенства и счастья. Въ заключеніе Н. А. Лавровскій называетъ трудъ Шауа „безспорно весьма замѣчательнымъ по силѣ и ясности мысли, по строгой послѣдовательности въ ея развитіи,

¹⁾ Н. А. Лавровскаго. Эпизодъ изъ исторіи Харьк. университет., стр. 45—48.

по живому воодушевленію и по прекрасному ея выраженію“, хотя и находить вполне понятной кару, постигшую автора, за мысли, положенныя въ его основаніе, особенно если принять во вниманіе входившее тогда въ силу настроеніе правительственныхъ сферъ ¹⁾).

Важное значеніе труда Шада заключается въ томъ, что онъ вооружился противъ механической теоріи государства, которая господствовала въ его время. Приведемъ по этому поводу небольшую выдержку изъ неапечатанной еще статьи проф. О. А. Зеленогорскаго. Вотъ какія занятія о государствѣ были въ эпоху Шада. „Какъ государство, такъ и государственная власть существуютъ *по договору*. Никакой другой связи и солидарности между договаривающимися не требуется кромѣ желанія вступить въ общество для внѣшней и внутренней безопасности. Такъ какъ безопасность гражданъ составляетъ главную и единственную цѣль государства, то послѣднее должно быть сильно физическою силою. Внутри государства дѣйствіе послѣдняго не должно простирается далѣе внѣшней охраны имущества и личности подданныхъ при помощи той же физической силы.... Всякое право имѣетъ свое происхожденіе во взаимномъ соглашеніи и договорѣ, равно какъ и обязанности; опредѣленіе внутренней связи между правомъ и обязанностями не обязательно; все зависитъ отъ взаимнаго соглашенія. Коль скоро установлены права и обязанности гражданъ, государство охраняетъ права и побуждаетъ къ исполненію обязанностей при помощи той же физической силы, которою оно обладаетъ. Противъ этихъ положеній и борется въ своей книгѣ Шадъ. „Заблужденіе почти всѣхъ политиковъ, говоритъ онъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они утверждаютъ, будто государство есть учрежденіе, созданное для доставленія гражданамъ внѣшней безопасности.... Оно не можетъ требовать отъ гражданъ ничего, кромѣ внѣшнихъ дѣйствій, вынужденныхъ страхомъ наказанія. „Опровергая это заблужденіе, Шадъ говоритъ: „государство не есть машина, которая должна управляться только физическими законами, не мануфактура, не учрежденіе, созданное ради одной безопасности.... Авторъ не считаетъ возможнымъ выводить право изъ договора и возстаетъ противъ разрыва, произведеннаго искусственно между идеей права и обязанности“.

Другою видною научною силою на этикополитическомъ отдѣленіи былъ, какъ мы знаемъ, профессоръ политической экономіи *Якобъ*. Во время пребыванія своего въ Россіи, онъ написалъ и издалъ цѣлый рядъ руководствъ и учебниковъ для гимназій и университетовъ. Не перечисляя ихъ здѣсь, мы только остановимся на тѣхъ, которыя были напе-

¹⁾ Ibidem, стр. 53--54.

чтаны имъ въ бытность въ Харьковѣ. Въ Харьковѣ онъ перешелъ, имѣя уже 48 лѣтъ отъ роду и оставался въ немъ очень недолго (до 1809 г.); затѣмъ извѣстный Сперанскій привлекъ его на службу въ Петербургъ, и онъ служилъ тамъ по министерству финансовъ. Въ Харьковѣ проф. Якобъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ по политическому праву сочиненіе ¹⁾, въ которомъ сильно вооружился противъ крѣпостнаго права. Мы не имѣли въ рукахъ этой книги, но приведемъ выдержку изъ нея, сдѣланную В. И. Семевскимъ. „Въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію вопроса объ обезпеченіи свободы членовъ государства, авторъ прежде всего указываетъ на неблагопріятныя послѣдствія несвободнаго состоянія. Люди несвободные никогда не будутъ спокойными, вѣрными слугами государства „пока существуютъ и поддерживаются закономъ такіа противуестественныя отношенія, въ государствѣ будутъ постоянно готовые элементы для волненія и возстанія; между рабочими и господами будетъ всегда озлобленная вражда. Рабство вредно еще и тѣмъ, что рабы плохо работаютъ и мало размножаются. Считая необходимымъ уничтоженіе рабства и другихъ видовъ несвободнаго состоянія, Якобъ однакоже требуетъ, чтобы это было сдѣлано не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Тамъ, гдѣ еще существуетъ, къ несчастію, рабство или крѣпостное право, оно должно быть ослабляемо и ограничиваемо постепенно, такъ какъ внезапное уничтоженіе его было бы вредно и для рабовладѣльцевъ, и для освобождаемыхъ. При существованіи рабства, правительство должно обезпечить рабовъ отъ произвола владѣльцевъ и поставить ихъ подъ защиту государственныхъ законовъ, запретить покушку ихъ по истеченіи извѣстнаго заранее объявленнаго срока, опредѣлить закономъ размѣръ работы и содержаніе рабовъ, опредѣлить размѣръ выкупа, который долженъ для каждаго изъ нихъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія числа лѣтъ ихъ службы. При существованіи крѣпостнаго права, которое, по словамъ Якоба, во многихъ странахъ не мягче рабства, государство должно принять слѣдующія мѣры: точно и съ умѣренностью опредѣлить размѣръ работы крѣпостныхъ въ пользу владѣльцевъ, запретить переселеніе, продажу безъ земли и отдачу въ наемъ крѣпостнаго противъ его желанія, запретить насильственное разлученіе семей, ввести въ опредѣленные рамки право владѣльцевъ наказывать крестьянъ, строго оградить крѣпостныхъ отъ всякихъ нравственныхъ злоупотребленій со стороны владѣльца, предоставить крѣпостнымъ полное право собственности на то, что они заработаютъ во время, данное имъ для своихъ работъ, и на то, что они сберегутъ или приобрѣ-

¹⁾ L. H. Jakob. Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten, I, II.

тутъ какимъ-либо инымъ законнымъ путемъ. Наконецъ, крѣпостнымъ должно быть предоставлено право приносить жалобы на своихъ господъ безпристрастнымъ судьямъ и въ случаѣ виновности помѣщиковъ крестьяне должны получать свободу. Слѣдуетъ также опредѣлить закономъ, какою суммою денегъ крѣпостной можетъ выкупиться на свободу. Якобъ полагалъ также, что государство должно примѣромъ на казенныхъ земляхъ доказать помѣщикамъ, что, при существованіи свободныхъ наслѣдственныхъ или срочныхъ арендаторовъ, доходъ землевладѣльца будетъ больше, чѣмъ при крѣпостномъ трудѣ. Самый лучший способъ освобожденія крестьянъ, по мнѣнію Якоба, состоитъ въ томъ, чтобы наиболѣе прилежнымъ семьямъ были переданы въ наслѣдственную аренду или проданы участки земли съ необходимыми постройками. Такъ какъ съ развитіемъ культуры рабочая плата повысится, то будто бы и простые поденщики изъ крѣпостныхъ во время, предоставленное для ихъ собственныхъ работъ, будутъ имѣть возможность заработать столько, чтобы выкупиться на свободу. Такъ постепенно образуется классъ хорошихъ ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, а пока существуетъ крѣпостное право, промышленность не можетъ развиваться. Уничтоженіе крѣпостнаго права будетъ имѣть весьма благотѣльные послѣдствія. Мы видимъ, такимъ образомъ, говорить въ заключеніе В. И. Семевскій, что мечты Якоба не идутъ далѣе дарованія крестьянамъ личной свободы, причемъ онъ полагаетъ, что землевладѣльцы найдутъ тогда для себя выгоднымъ предоставить освобожденнымъ свои земли въ наслѣдственную аренду. Его идеалы чисто западные: онъ преувеличиваетъ значеніе безземельнаго освобожденія, говоря, что „нищій въ свободной странѣ — король сравнительно съ крѣпостнымъ...“ Но если нельзя согласиться съ его планами окончательнаго устройства крестьянскаго сословія, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать большою заслугой ясную формулировку въ странѣ, гдѣ существовало въ полномъ развитіи крѣпостное право, подробной программы мѣръ для ограниченія этого зла¹⁾. Противъ крѣпостнаго права выступилъ Якобъ и въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ на тему, предложенную Импер. вольно-экономическимъ обществомъ (о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда); за эту работу онъ получилъ на конкурсѣ высшую награду — большую золотую медаль въ 100 червонцевъ²⁾.

Такимъ образомъ, два выдающіеся представителя философской мысли — проф. Шадъ и Якобъ — оказались, по своимъ убѣжденіямъ и

¹⁾ Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой пол. XIX в. I, 315—315.

²⁾ Ibidem, стр. 317—325.

изглядамъ, передовыми дѣятелями въ современномъ имъ русскомъ обществѣ, защитниками идеи свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ — въ жизни гражданской, социальной и особенно въ сферѣ умственной.

Проф. Якобъ, сверхъ того, издалъ цѣлый рядъ гимназическихкихъ учебниковъ, заслужившихъ лестный отзывъ главнаго правленія училищъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго отзыва академика Фуса, доставленнаго въ правленіе университета попечителемъ гр. Потоцкимъ.

Г. членъ правленія дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Фусъ, января 26 дня сего года, донесъ правленію (училищъ), что рассмотрѣнныя имъ, по приказанію его сіятельства министра народнаго просвѣщенія, двѣ рукописи, сочиненныя профессоромъ Якобомъ, изъ коихъ одна содержитъ въ себѣ всеобщую грамматику для учащихся, а другая примѣчанія для учителей, по его мнѣнію, заслуживаютъ быть отъ правленія приняты столь же благосклонно, какъ и начала логики того же сочинителя. Онъ находитъ всеобщую грамматику основательною и порядочно расположенною, ясною и соотвѣтствующею нуждамъ на нихъ гимназій и плану ученія, начертанному для сихъ заведеній. Сверхъ того присовокупляетъ онъ, что книги, заключающія въ себѣ начала философіи, которыя г. Якобъ принялъ на себя сочинить, имѣютъ много преимуществъ, по которымъ должно ихъ принять для гимназій. Существенное достоинство каждой изъ оныхъ составляютъ: основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки въ гимназіяхъ; другое преимущество состоитъ въ систематической связи всѣхъ частей между собою. Таковое пріобрѣтеніе для всѣхъ частей философіи учебныхъ книгъ, сочиненныхъ однимъ и тѣмъ же ученымъ и по одинаковому плану можетъ почтеться весьма значущимъ и полезнымъ. Немаловажна и та выгода, что симъ способомъ большая часть нашихъ учебныхъ книгъ, выходя изъ рукъ ученыхъ нашихъ соотечественниковъ, не будутъ уже иноземными плодами, привезенными въ Россію. Касательно вышеупомянутой всеобщей грамматики г. членъ правленія разсуждаетъ, что по ея краткости, сообразной съ планомъ ученія, примѣчанія на нее для учителей необходимо нужны. Сіи примѣчанія сверхъ прочихъ имѣютъ и то достоинство, что простираются на всѣ языки, преподаваемые въ гимназіяхъ, даже и на русскій, котораго существенныя и отличительныя свойства сочинитель повидимому съ великимъ прилежаніемъ старался узнать въ продолженіи двухъ лѣтъ пребыванія его въ Россіи. Наконецъ г. членъ Правленія заключаетъ, что сіи два сочиненія заслуживаютъ быть переведены на русскій языкъ для пользы гимназій подъ надзираніемъ сочинителя, такъ какъ и его логика съ примѣчаніями. Главное

правление училищъ согласно съ этимъ мнѣніемъ, одобривъ означенныя вообще сочиненія г. профессора Якоба, составляющія вторую часть учебныхъ философскихъ книгъ, признало за полезное перевести оное на русскій языкъ и напечатать на томъ же самомъ положеніи, на каковомъ октября 12 дня минувшаго года опредѣлило перевести и напечатать первую часть сочиненія сего автора. Вслѣдствіе сего университетъ не оставитъ сдѣлать согласно съ симъ опредѣленіемъ правленія распоряженіе; относительно же печатанія нѣмецкаго подлинника, назначаемого правленіемъ для Дерптскаго округа, намѣренъ по сему обстоятельству изъясниться лично съ г. Якобомъ по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ. Одесса, апрѣля 17 дня 1809 года“.

Г. Северинъ Потоцкій.

Нѣмецкій подлинникъ логики Якоба былъ напечатанъ въ университетской типографіи въ 1810 г.¹⁾ Изъ другихъ руководствъ, изданныхъ профессорами этико-политическаго факультета, отмѣтимъ „Grundlinien der politischen Arithmetik“ Ланга (X. 1810, 210 p.).

На физико-математическомъ факультетѣ изъ русскихъ профессоровъ выдѣлялся своими учеными трудами математикъ Осиповскій. Свѣтило факультета, какъ его называетъ М. И. Сухомлиновъ, Осиповскій прославился своимъ курсомъ математики. Первое изданіе этого курса Осиповскій напечаталъ еще до полученія профессуры въ Харьковскомъ университетѣ²⁾. За тѣмъ, въ бытность его профессоромъ Харьковского университета, вышло второе изданіе этого обширнаго и замѣчательнаго руководства подъ заглавіемъ „Курсъ математики кол. сов. Тим. Осиповскаго, ординарнаго профессора чистой математики при Имп. Харьковскомъ университетѣ, изд. отъ главнаго правленія училищъ. Часть 1-я, содержащая общую и частную арифметику. Вторымъ тисненіемъ. Спб., при Имп. Академіи наукъ, 1813 г., 360 стр.“. Тоже. Часть 2-я, содер-

¹⁾ Вотъ подлинное заглавіе: „Grundriss der allgemeinen logik für die gymnasien des russischen Reichs von D. Ludwig Heinrich Jakob. Gedruckt und herausgegeben mit Approbation und auf Kosten der Kaiserlichen Oberschuldirection in S.-Petersbourg. Charkow. In der Universitätsbuchdruckerey“. 1810. Въ 1815 г. Петербургъ вышло 2-е изданіе русскаго перевода логики Якоба подъ заглавіемъ „Начертаніе всеобщей логики для гимназій, а въ 1814 г.—курсъ философіи для гимназій Россійской Имперіи, ч. 3-я, Психологія и ч. 4-я—Правоучительная философія (въ 1816 г.). Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ связи съ очеркомъ общей логики для гимназій проф. Якобъ издалъ обширное „Ausführliche Erklärung des Grundrisses der allgemeinen Logik (301 p. и 5 стр. вопросовъ).“

²⁾ Вотъ его подлинное заглавіе: „Курсъ математики кол. ас. Тим. Осиповскаго, отправляющаго должность профессора математики при учительской гимназій. Томъ 1-й, содержащій общую и частную арифметику, изд. комиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ. Спб., при Имп. Ак. Наукъ, 1802 г., 357; т. 2-й, содержащій геометрію прямолинейную и сферическую тригонометрію, 1801, 319 стр. и чертежи.

жающая геометрію, прямолинейную и сферическую тригонометрію и введеніе въ криволинейную геометрію. Вторымъ тисненіемъ. СПб., при Имп. Академіи наукъ, 1814 г., 338 стр. (и чертежи). Въ двадцатыхъ годахъ вышло и 3-е изданіе этого труда, при чемъ появился и 3-й его томъ подъ заглавіемъ: „Курсъ математики заслуженнаго профессора ст. сов. Тим. Осиповскаго. Томъ 3-й, содержащій въ себѣ теорію аналитическихъ функций, въ коей разсматриваются: преобразованіе функций; измѣненіе функций вообще по разностямъ и варіаціямъ и суммованіе разностныхъ функций; интегрированіе уравненій, какъ въ цѣлыхъ, такъ и въ частныхъ дифференціалахъ и варіаціонное исчисленіе. СПб., при Имп. Академіи наукъ, 1823 г., 571 стр.“. Но, кажется, что это сочиненіе составлено было Осиповскимъ еще въ 1810 году и тогда же предоставлено въ главное управленіе училищъ. По крайней мѣрѣ мы приходимъ къ такому заключенію на основаніи одного документа, найденнаго нами въ архивѣ мин. нар. просвѣщенія—официальнаго представленія объ Осиповскомъ министру 1810 г. Тамъ мы читаемъ: „ординарный профессоръ Харьковскаго университета кол. сов. Осиповскій въ службѣ состоитъ 24 года. Онъ сочинилъ въ 2-хъ томахъ курсъ чистой математики. Сочиненіе это признано классическимъ и будучи издано бывшей комиссіей о народныхъ училищахъ, употребляется не только въ училищахъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, но и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.... Нынѣ представилъ онъ въ главное правленіе училищъ сочиненный имъ 3-й томъ математики въ двухъ частяхъ—дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ вычисленійхъ. Это послѣднее сочиненіе, по порученію правленія училищъ, разсматривалъ членъ его дѣйств. статск. сов. академикъ Фусъ и донесъ, что оно включаетъ въ себѣ отвлеченныя изслѣдованія, весьма превышающія курсъ чистой математики, который преподается въ университетахъ, и потому не только полезно, но даже необходимо для всѣхъ тѣхъ, кои избрали математику главнымъ предметомъ своего ученія, въ особенности же для тѣхъ, кто не знаетъ иностраннаго языка, ибо, сколько извѣстно, нѣтъ еще на русскомъ языкѣ такого сочиненія, въ которомъ бы такъ пространно, какъ тутъ, разсуждалось бы о приложеніи теоріи функций къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ ¹⁾“. „Ученые труды Осиповскаго, замѣчаетъ М. И. Сухомлиновъ, составляютъ, по отзыву специалистовъ, украшеніе нашей математической литературы начала XIX ст. По замѣчанію проф. І. И. Сомова, курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство автора со всѣмъ, что

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло 1810 г. № 5724/155, присоединенный къ № 5430/152.

было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы; избравши образцомъ преимущественно Эйлера, Осиповскій по ясности и строгости изложенія, былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту и неутомимой ревности, съ которою изучалъ творенія европейскихъ ученыхъ, онъ излагалъ открытія гениальныхъ двигателей науки съ яснымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла; его университетскія чтенія служили превосходною школою для слушателей, указывали имъ вѣрный путь и давали прочный залогъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій¹⁾. Не перечислемъ здѣсь специальныхъ изслѣдованій Осиповскаго, потому что они относятся къ болѣе позднему времени и мы остановимся на нихъ во 2-мъ томѣ своего труда. Замѣтимъ только, что въ это время онъ сталъ переводить на русскій языкъ „Небесную механику“ Лапласа „съ присовокупленіемъ въ замѣчаніяхъ нѣкоторыхъ необходимыхъ поясненій, относящихся къ основаніямъ предлагаемыхъ въ ней вычисленій“²⁾.

Осиповскій и самъ работалъ неутомимо и внушилъ, любовь къ занятію своему адъютанту Архангельскому, напечатавшему въ 1814 году „Разсмотрѣніе примѣчаній на основы геометріи академика Гурьева“ и переводъ „Основаній механики“ Франкера, снабженный его собственными дополненіями.

Изъ иностранцевъ наиболѣе плодovitыми писателями оказались проф. физики Стойковичъ и химіи Гизе.

Мы представимъ о сочиненіяхъ Стойковича его собственную записку (такъ сказать, *selbstrecension*) и затѣмъ критико-библіографическую замѣтку, составленную, по нашей просьбѣ, уважаемымъ специалистомъ проф. А. П. Шимковымъ. Вотъ подлинный текстъ записки Стойковича.

Сочиненія бывшаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, статскаго совѣтника и кавалера Стойковича:

1) *О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи*. Сіе сочиненіе есть по сему предмету первое на отечественномъ нашемъ языкѣ, въ которомъ авторъ, опровергнувъ различныя ученыхъ мнѣнія о происхожденіи сихъ чудесныхъ массъ, указалъ, что онѣ образуются въ земной атмосферѣ. Авторъ помѣстилъ здѣсь исторію всѣхъ низпадшихъ изъ воздуха камней отъ начала міра до нашихъ временъ.

2) *Умозрительная и опытная физика въ двухъ томахъ*. Въ сочиненіи семь порядковъ совершенно новой и физическіе предметы привелъ въ систему, чего до сихъ поръ ни одинъ физикъ не сдѣлалъ.

¹⁾ М. И. Сухомяниова. Изсл. и статьи, I, стр. 86—87.

²⁾ Арх. мин. нар. просв. № 5724/155, присоединенный къ № 5430/152.